

Гук, Некрасов

Н. А. НЕКРАСОВ

СОЧИНЕНИЯ

В ТРЕХ ТОМАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Москва

Н. А. НЕКРАСОВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ

2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

1 9 5 9

Оформление художника
Н. К Р Ы Л О В А

**СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ**

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

В а н я (в кучерском армячке).
 Папаша! кто строил эту дорогу?
 П а п а ш а (в пальто на крас-
 ной подкладке). Граф Петр Андре-
 евич Клейнмихель, душенька!
Разговор в вагоне

I

Славная осень! Здоровый, ядренный
 Воздух усталые силы бодрит;
 Лед неокрепший на речке студеной
 Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
 Выспаться можно — покой и простор! —
 Листья поблекнуть еще не успели,
 Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
 Ясные, тихие дни...
 Нет безобразья в природе! И кочи,
 И моховые болота, и пни —

Все хорошо под сиянием лунным,
 Всюду родимую Русь узнаю...
 Быстро лечу я по рельсам чугунным,
 Думаю думу свою...

Добрый папаша! К чему в обаянии
 Умного Ваню держать?
 Вы мне позвольте при лунном сиянии
 Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден —
 Не по плечу одному!
 В мире есть царь: этот царь беспощаден,
 Голод название ему.

Водит он армии; в море судами
 Правит; в артели сгоняет людей,
 Ходит за плугом, стоит за плечами
 Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
 Многие — в страшной борьбе,
 К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
 Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
 Столбики, рельсы, мосты.
 А по бокам-то всё косточки русские...
 Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья слышались грозные!
 Топот и скрежет зубов;
 Тень набежала на стекла морозные...
 Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
 То сторонами бегут.
 Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
 Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,
 С вечно согнутой спиной,
 Жили в землянках, боролися с голодом,
 Мерзли и мокли, болели цингой.

Грабили нас грамотей-десятники,
Секло начальство, давила нужда...
Всё претерпели мы, божиим ратники,
Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Всё ли нас, бедных, добром поминаете,
Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это всё братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках;
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно!
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет все, что господь ни пошлет!

Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе.

III

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул — исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный,—
Ваня сказал: — тысяч пять мужиков,

Русских племен и пород представители
Вдруг появились — и *он* мне сказал:
— Вот они — нашей дороги строители!..
Захохотал генерал!

— Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана,
Что же... все это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

Вот ваш народ — эти термы и бани,
Чудо искусства,— он всё растаскал!
«Я говорю не для вас, а для Вани...»
Но генерал возражать не давал:

— Ваш славянин, англосакс и германец
Не создавать — разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону...

Рад показать!

Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены — немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Всё заносили десятники в книжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной:
«Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот, поди ты!..» Махнули рукой...

В синем кафтане — почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздный народ расступается чинно...
Пот оттирает купчина с лица
И говорит, подбоченья картинно:
«Ладно... нешто... молодца!.. молодца!..»

С богом, теперь по домам, — проздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!) —
Бочку рабочим вина выставляю
И — *недоимку дарю!..*

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.

Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья

Ты отдал ей; ты честные сердца
Ей покорял. Взывая к жизни новой,
И светлый рай, и перлы для венца
Готовил ты любовнице суровой,

Но слишком рано твой ударил час,
И вещее перо из рук упало.
Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!

Года минули, страсти улеглись,
И высоко вознесся ты над нами...
Плачь, русская земля! но и гордись —
С тех пор как ты стоишь под небесами,

Такого сына не рождала ты
И в недра не брала свои обратно:
Сокровища душевной красоты
Совмещены в нем были благодатно...

Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...

ПРИТЧА О ЕРМОЛАЕ ТРУДЯЩЕМСЯ

Раньше людей Ермолай подымается,
Позже людей с полосы возвращается,

Разбогатеть ему хочется пашнею.
Правит мужик свою нужду домашнюю,

Да и семян запасает порядочно,—
Тужит, землицы ему недостаточно!

Сила меж тем в мужике убавляется,
Старость подходит, частенько хворается,—

Стало хозяйство тогда поправляться:
Стало земли от семян оставаться!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

И здесь душа унынием объята.
Неласков был мне родины привет;
Так смотрит друг, любивший нас когда-то,
Но в ком давно уж прежней веры нет.

Сентябрь шумел, земля моя родная
Вся под дождем рыдала без конца,
И черных птиц за мной летела стая,
Как будто бы почуяв мертвеца!

Волнуемый тоскою и боязнью,
Напрасно гнал я грозные мечты,
Меж тем как лес с какой-то неприязнью
В меня бросал холодные листья,

И ветер мне гудел неумолимо:
Зачем ты здесь, изнеженный поэт?
Чего от нас ты хочешь? Мимо! мимо!
Ты нам чужой, тебе здесь дела нет!

И песню я услышал в отдаленье.
Знакомая, она была горька,
Звучало в ней бессильное томленье,
Бессильная и вялая тоска.

С той песней вновь в душе зашевелилось,
О чем давно я позабыл мечтать,
И проклял я то сердце, что смутилось
Перед борьбой — и отступило вспять!..

НАЧАЛО ПОЭМЫ

Опять она, родная сторона
С ее зеленым благодатным летом,
И вновь душа поэзией полна...
Да, только здесь могу я быть поэтом!

(На Западе — не вызвал я ничем
Красивых строф, пластических и сильных,
В Германии я был, как рыба, нем,
В Италии — писал о русских ссыльных,

Давно то было... Город наш родной
Санктпетербург, — как он ни поэтичен,
Но в нем я постоянно сам не свой —
Зол, озабочен или апатичен...)

Опять леса в уборе вековом,
Зверей и птиц угрюмые чертоги
И меж деревьев, нависнувших шатром,
Травнистые, зеленые дороги!

На первый раз сказать позвольте вам,
Чем пахнут вообще дороги наши —
То запах дегтя с сеном пополам.
Не знаю, каково на нервы ваши

Он действует, но мне приятен он,
Он мысль мою свежит и направляет:
Куда б мечтой я ни был увлечен,
Он вмиг ее к народу возвращает...

Чу! воз скрипит! Плетутся два вола,
Снопы пред нами в зелени ныряют,
Подобие зеленого стола,
На коем груды золота мелькают.

(Друзья мои картежники! для вас
Придумано сравнение на досуге...)
Но мы догнали воз — и порвалась
Нить вольных мыслей. Вздрыгнул я в испуге:

Почудились на этом мне возу
Сидящие рядком, как на картине,
Столичный франт со стеклышком в глазу
И барыня в широком кринолине!..

О ПОГОДЕ

Часть вторая

I

КРЕЩЕНСКИЕ МОРОЗЫ

— Государь мой! куда вы бежите?
 «В канцелярию; что за вопрос?
 Я не знаю вас!» — Трите же, трите
 Поскорей, бога ради, ваш нос!
 Побелел! — «А! весьма благодарен!»
 — Ну, а мой-то? — «Да ваш лучезарен!»
 — То-то! принял я меры... — «Чего-с?»
 — Ничего. Пейте водку в морозы —
 Сбережете наверно ваш нос,
 На щеках же появятся розы!

Усмехнувшись, они разошлись,
 И за каждым извозчик помчался.
 Бедный Ванька! надеждой не льстись,
 Чтоб сегодня седок отыскался:
 Двадцать градусов, ветер притом —
 Бескаретные ходят пешком.

Разыгрались силы господни!
 На пространстве пяти саженьей
 Насчитаешь, наверно, до сотни
 Отмороженных щек и ушей.

Двадцать градусов! щеки и уши
Не беда,— как-нибудь ототрем!
Целиком христианские души
Часто гибнут теперь; подождем —
Часовой ли замерзнет, бедняга,
Или Ванька, уснувший в санях,
Всё прочтем, коли стерпит бумага,
Завтра утром в газетных листах.

Ежедневно газетная проза
Обличает проделки мороза;
Кучера его громко клянут,
У подъездов господ поджидая,
Бедняки ему песню поют,
Зубом на зуб едва попадая:

«Уходи из подвалов сырых,
Полутемных, зловонных, дымящихся,
Уходи от голодных, больных,
Озабоченных, вечно трудящихся,
Уходи, уходи, уходи!
Петербургскую голь пощади!»

Но мороз не щадит — прибавляется.
Приуныла столица; один
Самоед на Неве удивляется:
От каких чрезвычайных причин
На оленях никто не катается?
Там, где строй заготовленных льдин
Возвышается синею клеткою,
Ходит он со своей самоедкой,
Песни родины дальней поет,
Седока-благодетеля ждет...

Самоедские нервы и кости
Стерпят всякую стужу, но вам,
Голосистые южные гости,
Хорошо ли у нас по зимам?
Вспомним — Божию. Чванный Петрополь
Не жалел ничего для нее.
Но напрасно ты кутала в соболь
Соловьиное горло свое,
Дочь Италии! С русским морозом
Трудно ладить полуденным розам.

Перед силой его роковой
Ты поникла челом идеальным,
И лежишь ты в отчизне чужой
На кладбище пустом и печальном.
Позабыл тебя чуждый народ
В тот же день, как земле тебя сдали,
И давно там другая поет,
Где цветами тебя осыпали.
Там светло, там гудёт контрабас,
Там по-прежнему громки литавры.
Да! на севере грустном у нас
Трудны деньги и дороги лавры!

Всевозможные тифы, горячки,
Воспаленья — идут чередом,
Мрут, как мухи, извозчики, прачки,
Мерзнут дети на ложе своем.
Ни в одной петербургской больнице
Нет кровати за сотню рублей.
Появился убийца в столице,
Бич довольных и сытых людей.
С бедняками, с сословием грубым
Не имеет он дела! тайком
Ходит он по гостиным, по клубам
С смертоносным своим кистенем.

«Побранился с супругой своею
После ужина Нестор Фомищ,
Ухватил за короткую шею
И прихлопнул его паралич!
Генерал Федор Карлыч фон Штубе,
Десятипудовой генерал,
Скушал четверть телятины в клубе,
Крикнул: пас! — и со стула не встал!»
Таковы-то теперь разговоры,
Что ни день, то плачевная весть.
В клубах мрак и унынье; обжоры
Поклялись не пить и не есть.

Мучим голодом, страхом томимый,
Сановит и солиден на вид.
В сильный ветер, в мороз нестерпимый,
Кто по Невскому быстро бежит?

И кого он на Невском встречает?
И о чем начался разговор?
В эту пору никто не гуляет,
Кроме мнительных тучных обжор.
Говоря меж собой про удары,
Повторяя обеты не есть,
Ходят эти угрюмые пары,
До обеда не смея присесть,
А потом наедаются вдвое,
И наутро разносится слух,
Слух ужасный — о новом герое,
Испутившем нечаянно дух!

Никакие известья из Вильно,
Никакие статьи из Москвы
Нас теперь не волнуют так сильно,
Как подобные слухи... Увы!
Неприятно с местечек солидных,
Из хороших казенных квартир
Вдруг, без всяких причин благовидных,
Удаляться в неведомый мир!
Впрочем, если уж смерть неизбежна,
Так зимой умирать хорошо:
Для супруги, нас любящей нежно,
Сохранимся мы чисто, свежо
До последней минуты лобзанья,
И друзьям нашим будет легко
Подходить к нам в минуту прощанья;
Понесут они гроб далеко.
Похоронная музыка чище
И звончей на морозе слышна,
Вместо грязи покрыто кладбище
Белым снегом; сурово-пышна
Обстановка; гроб бросят не в лужу,
Червь не скоро в него заползет,
Сам покойник в жестокую стужу
Дольше важный свой вид сбережет.
И притом, если друг неутешный
Нас живьем схоронить поспешит,
Мы избавимся муки кромешной:
Дело смерти мороз довершит.

Умирай же, богач, в стужу сильную
Бедняки пускай осенью мрут,
Потому что за яму могильную
Вдвое больше в морозы берут.

II

КОМУ ХОЛОДНО, КОМУ ЖАРКО!

Свечерело. В предместьях дальних,
Где, как черные змеи, летят
Клубы дыма из труб колоссальных,
Где сплошными огнями горят
Красных фабрик громадные стены,
Окаймляя столицу кругом,—
Начинаются мрачные сцены.
Но в предместья мы не пойдем.
Нам зимою приятней столица
Там, где ярко горят фонари,
Где гуляют довольные лица,
Где катаются сами цари.

Надышавшись классической пылью
В Петербурге, паспорт мы берем
И чихать уезжаем в Севилью.
Но кто летом толкается в нем,
Тот ему одного пожелает —
Чистоты, чистоты, чистоты!
Грязны улицы, лавки, мосты,
Каждый дом золотухой страдает;
Штукатурка валится — и бьет
Тротуаром идущий народ,
А для едущих есть мостовая,
Не щадящая бедных боков;
Летом взроют ее, починяя,
Да наставят зловонных костров:
Как дорогой бросаются в очи
На зеленом лугу светляки,
Ты заметишь в туманные ночи
На вершине костров огоньки —
Берегись!.. В дополнение, с мая,
Не весьма-то чиста и всегда,
От природы отстать не желая,
Зацветает в каналах вода...

(Наша муза парит не высоко,
Но мы пишем не легкий сонет,
Наше дело исчерпать глубоко
Воспеваемый нами предмет.)

Уж давно в тебя летней порою
Не случилось нам заглянуть,
Милый город! где трудной борьбою
Надорвали мы смолоду грудь,
Но того мы еще не забыли,
Что в июле пропитан ты весь
Смесью водки, конюшни и пыли —
Характерная русская смесь.

Но зимой — дышишь вольно; для глаза —
Роскошь! Улицы, зданья, мосты
При волшебном сиянии газа
Получают печать красоты.
Как проворно по хрупкому снегу
Мчится тысячный, кровный рысак!
Даже клячи извозчицы бегу
Прибавляют теперь. Каждый шаг,
Каждый звук так отчетливо слышен,
Все свежо, все эффектно: зимой,
Словно весь посеребренный, пышен
Петербург самобытной красой!
По каналам, что летом зловонны,
Блещет лед, ожидая коньков,
Серебром отливают колонны,
Орнаменты ворот и мостов;
В серебре лошадиные гривы,
Шапки, бороды, брови людей,
И, как бабочек крылья, красивы
Ореолы вокруг фонарей!

Пусть с какой-то тоской безотрадной
Месяц с ясного неба глядит
На Неву, что гробницей громадной
В берегах освещенных лежит,
И на шпиль, за угрюмой Невою,
Перед длинной стеной крепостною,
Наводящей унынье и сплин.

Мы не тужим. У русской столицы,
Кроме мрачной Невы и темницы,
Есть довольно и светлых картин.

Невский полон: эстампы и книги,
Бриллианты из окон глядят,
Вновь прибывшие девы из Риги
Неподдельным румянцем блещут.
Всюду люди — шумят, суетятся.
Вот красивая тройка бежит:
«Не хотите ли с нами кататься?» —
Деве бравый усач говорит.
Поглядела, подумала, села.
И другую сманили — летят!
Полумерзлые девы несмело
На своих кавалеров глядят.
— Ваше имя? — «Матильда». — А ваше? —
«Александра». К Матильде один,
А другой подвигается к Саше.
— Вы модистка? — «Да, шью в магазин».
— Эй! пошел хорошенько, Тараска! —
Город из виду скоро пропал.

Начинается зимняя сказка:
Ветер злился, гудел и стонал,
Франты песню удалую пели,
Кучер громко подтягивал ей,
Кони, фыркая, вихрем летели,
Злой мороз пробирал до костей.
Прискакали в открытое поле.
«Да куда же везете вы нас?
Мы одеты легко... мудрено ли
Простудиться?» — Приедем сейчас!
Ну, потрогивай! живо, дружище! —
Снова скачут! Могилы вокруг,
Монументы... «Да это кладбище», —
Шепчет Саша Матильде, — и вдруг
Сани набок! Упали девицы...
Повернули назад господ.
И умчали их кони, как птицы.
Девы встали. «Куда ж вы? куда?»
Нет ответа! Несчастные девы
В чистом поле остались одни.

Дикий хохот, лихие напевы
Постепенно умолкли. Они
Огляделись: безлюдно и тихо,
Звезды с ясного неба глядят...
«Мы сегодня потешились лихо!» —
Франты в клубе друзьям говорят...

А театры, балы, маскарады?
Впрочем, здесь и конец, господа,
Мы бы там побывать с вами рады,
Но нас цензор не пустит туда.
До того, что творится в природе,
Дела нашему цензору нет.
«Вы взялись писать о погоде,
Воспевайте же данный предмет!»

— Но озябли мы, друг наш угрюмый!
Пощади — нам погреться пора!
«Вот вам случай — взгляните: над Думой
Показались два красных шара,
В вашей власти наполнить пожаром
Сто страниц — и погреемся даром!»

Где ж пожар? пешеходы глядят.
Чу! неистовый топот раздался,
И на бочке верхом полицейский солдат,
Медной шапкой блестя, показался.
Вот другой — не поспеешь считать!
Мчатся вихрем красивые тройки.
Осторожней, пожарная рать!
Кони сытые слишком уж бойки.

Вся команда на борзых конях
Через Невский проспект прокатилась
И на окнах аптек, в разноцветных шарах,
Вверх ногами на миг отразилась...

Озадаченный люд толковал,
Где пожар и причина какая?
Вдруг еще появился сигнал,
И промчалась команда другая.
Постепенно во многих местах
Небо вспыхнуло заревом красным,

Топот, грохот! Народ впопыхах
Разбежался по улицам разным,
Каждый в свой торопился квартал,
«Не у нас ли горит? — помышляя: —
Бог помилуй!» Огонь не дремал,
Лавки, церкви, дома пожирая...

Семь пожаров случилось в ту ночь,
Но смотреть их нам было невмочь.
В сильный жар да в морозы трескучие
В Петербурге пожарные случаи
Беспрестанны — на днях как-нибудь
И пожары успеем взглянуть...

ГАЗЕТНАЯ

...Через дым, разъедающий очи
Милых дам, убивающих ночи
За игрою в лото-домино,
Разглядеть что-нибудь мудрено.
Миновав этот омут крошечный,
Это тусклое царство теней,
Добрались мы походкой поспешной
До газетной...

Здесь воздух свежий;
Пол с ковром, с абажурами свеч,
Стол с газетами, с книгами шкаф.
Неуместны здесь громкие речи,
А еще неприличнее храп,
Но сморит после наших обедов
Хоть какого чтеца, и притом
Прав доньне старик Грибоедов —
С русской книгой мы вечно уснем.
Мы не любим словесности русской
И доньне, предвидя досуг,
Запасаемся книгой французской.
Что же так?.. Даже избранный круг
Увлекали талантом недавно
Граф Толстой, Фет и просто Толстой.
«Русский слог исправляется явно!» —
Замечают тузы меж собой.
Не без гордости русская пресса
Именуется иногда
Путеводной звездой прогресса,
И недаром она так горда:
Говорят — о Гомере и Овидии! —
До того расходилась печать,

Что явилась потребность субсидий.
Эк хватила куда! исполать!
Таксы нет на гражданские слезы,
Но и так они льются рекой.
Образцы изумительной прозы
Замечаются в прессе родной:
Тот добился успеху во многом
И удачно врагов обуздал,
Кто идею свободы с поджогом,
С грабежом и убийством мешал;
Тот прославился другом народа
И мечтает, что пользу принес,
Кто на тему: *вино и свобода*
На народ напечатал донос.
Нам Катков предстоит великаном,
Мы Тургенева кушать зовем...
Почему же французским романам
Предпочтение мы отдаем?
Не избыток хорошего тона,
Не картин соблазнительных ряд,
Нас отсутствие «мрака и стога»
К ним влечет... Мудрецы говорят:
«Час досуга, за утренним чаем,
Для чего я тоской отравлю?
Наши немощи знаем мы, знаем,
Но я думать о них не люблю!..»

Эта песня давно уже слышится,
Но она не ведет ни к чему,
Коли нам так писалось и пишется,
Значит — есть и причина тому!
Не заказано ветру свободному
Петь тоскливые песни в полях,
Не заказаны волку голодному
Заунывные стоны в лесах;
Спокон веку дождем разливаются
Над родной стороной небеса,
Гнуты, стонут, под бурей ломаются
Спокон веку родные леса,
Спокон веку работа народная
Под унылую песню кипит,
Вторит ей наша муза свободная,
Вторит ей — или честно молчит.

Как бы ни было, в комнате этой
Праздно кипы журналов лежат,
Пусто! разве, прикрывшись газетой,
Два-три члена солидные спят.
(Как не скажешь: москвич идеальной,
Там газетная вечно полна,
Рядом с ней, нареченная «вральней»,
Есть там мрачная зала одна,—
Если ты не московского мнения,
Не входи туда — будешь побит!)
В Петербурге любители чтенья
Пробегают один «Инвалид»;
В дни, когда высочайшим приказом
Назначается много наград,
Десять рук к нему тянется разом.
Да порой наш журнальный собрат
Дерзновенную штуку отколет,
Тронет личность, известную нам,
О! тогда целый клуб соизволит
Прикоснуться к презренным листам.
Шепот, говор. Приводится в ясность —
Кто затронут, метка ли статья?
И суровые толки про гласность
Начинаются. Слыхивал я
Здесь такие сужденья и споры...
Поневоле поникнешь лицом
И потупишь смущенные взоры...
Не в суждениях дело, а в том,
Что судила такая особа...
Впрочем, я ей обязан до гроба!

Раз послушав такого туза,
Не забыть до скончания века.
В мановении брови — гроза!
В полуслове — судьба человека!
Согласишься, почтителен, тих,
Постоишь, удалишься украдкой
И начнешь сатирический стих
В комплимент перелаживать сладкий...

Да! Но все-таки грустен напев
Наших песен, нельзя не сознаться.

Переделать его не сумев,
Мы решились при нем оставаться.
Примиритесь же с Музой моей!
Я не знаю другого напева.
Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей...

С давних пор только два человека
Постоянно в газетной сидят:
Одному уж три четверти века,
Но он крепок и силен на взгляд.
Про него бесконечны рассказы:
Жаден, скуп, ненавидит детей.
Здесь он к старосте пишет приказы,
Чтобы дома не тратить свечей.
Говорят, одному человеку
Удалось из-за плеч старика
Прочитать, что он пишет: «В аптеку,
Чтоб спасти бедняка-мужика,
Посылал ты,— нелепое барство!
Впредь расходов таких не иметь!
Деньги с миру взыскать... а лекарство
Для крестьянина лучшее — плетть...»
Анекдот этот в клубе я слышал
(Это было лет десять тому).
Из полка он за шулерство вышел,
Мать родную упрятал в тюрьму.
Про его воровские таланты
Тоже ходит таинственный слух;
У супруги его бриллианты
Родовые пропали,— двух слуг
Присудили тогда и сослали.
А потом — раз старик оплошал —
У него эти камни видали:
Сам же он у жены их украл!
Ненавидят его, но для виста
Он всегда партнеров найдет:
«Что ж? ведь в клубе играет он чисто!»
Наша логика дальше нейдет...

А другой? среди праздных местечек,
Под огромным газетным листом,
Видишь, тощий сидит человечек

С озабоченным бледным лицом,
Весь исполнен тревогою страстной,
По движениям похож на лису,
Стар и глух; и в руках его красный
Карандаш и очки на носу.
В оны годы служил он в цензуре
И доныне привычку сберег
Все, что прежде черкал в корректуре,
Отмечать: выправляет он слог,
С мысли автора краски стирает.
Вот он тихо промолвил: «шалишь!»
Глаз его под очками играет,
Как у кошки, заметившей мышь;
Карандаш за привычное дело
Принялся... «А позвольте узнать
(Он болтун — говорите с ним смело),
Что изволили вы отыскать?»

— Ужасаюсь, читая журналы!
Где я? где? Цепенеет мой ум!
Что ни строчка — скандалы, скандалы
Вот взгляните — мой собственный кум
Обличен! Моралист-проповедник,
Цыц!.. Умолкни, журнальная тварь!..
Он действительный статский советник,
Этот чин даровал ему царь!
Мало им, что они Маколея
И Гизота в печать провели,
Кровопийцу Прудона, злодея
Тьера выше небес вознесли,
К государственной росписи смеют
Прикасаться нечистой рукой!
Будет время — пожнут, что посеют!—
(Старец грозно качнул головой.)
А свобода, а земство, а гласность!
(Крикнул он и очки уронил):
Вот где бедствие! вот где опасность
Государству... Не так я служил!

О чинах, о свободе, о взятках
Я словечка в печать не пускал.
К сожаленью, при новых порядках,
Председатель отставку мне дал.

На начальство роптать не дерзаю
(*Не умею* — и этим горжусь),
Но убей меня, если я знаю,
Отчего я теперь не гожусь?
Служба всю мою жизнь поглощала,
Иногда до того я вникал,
Что во сне благодать осеняла,
И, вскочив, — я черкал и черкал!
К сочинению ключ понемногу,
К тайной цели его подберешь,
Сходишь в церковь, помолишься богу,
И опять троекратно прочтешь:
Взвешен, пойман на каждом словечке,
Сочинитель дрожал предо мной. —
Повертится, как муха на свечке,
И уйдет тихомолком домой.
Рад-радехонек, если тетрадку
Я, похерив, ему возвращу,
А то, если б пустить по порядку...
Но всего говорить не хочу!
Занимаясь семь лет этим дельцем,
Не напрасно я брал свой оклад
(Тут сравнил он себя с земледельцем,
Рвущим сорные травы из гряд).
Например, Вальтер Скотт или Купер —
Их на веру иной пропускал,
Но и в них открывал я *канупер*
(Так он вредную мысль называл).

Но зато, если дельны и строги
Мысли — кто их в печать проводил?
Я вам мысль, что «большие налоги
Любит русский народ», пропустил,
Я статью отстоял в комитете,
Что реформы раненько вводить,
Что крестьяне — опасные дети,
Что их грамоте рано учить!
Кто, чтоб нам микроскопы купили,
С представленьем к министру вошел?
А то раз цензора пропустили,
Вместо северный, скверный орел!
Только буква... Шутите вы буквой!
Автор прав, чего цензор смотрел?

Освежившись холодною клюквой,
Он прибавил: — А что я терпел!
Не один оскорбленный писатель
Письма бранные мне посылал
И грозился... (да шутишь, приятель!
Меры я надлежащие брал).
Мне мерещились авторов тени,
Третьей ночью еще Фейербах
Мне приснился — был рот его в пене,
Он держал свою шляпу в зубах,
А в руке суковатую палку...
Мне одна романистка чуть-чуть
В маскараде... но бабу-нахалку
Удержали... да, труден наш путь!

Ни родства, ни знакомства, ни дружбы
Совесть цензора знать не должна,
Долг, во-первых, — обязанность службы!
Во-вторых, сударь: дети, жена!
И притом я себя так прославил,
Что, свихнись я, — другой бы навряд
Место новое мне предоставил,
Зависть — общий порок, говорят!

Тут взглянул мне в лицо старичина:
Ужас, что ли, на нем он прочел,
Я не знаю, какая причина,
Только речь он помягче повел:
— Так храня целомудрие прессы,
Не всегда был, однако, я строг.
Если б знали вы, как интересы
Я писателей бедных берег!
Да! меня не коснутся упреки,
Что я платы за труд их лишал.
Оставлял я страницы и строки,
Только вредную мысль исключал.
Если ты написал: «равнодушно
Губернатора встретил народ»,
Исключу я три буквы: «ра — душно»
Выйдет... что же? три буквы не счет!
Если скажешь: «В дворянских именьях
Нищета ежегодно растет», —
«Речь идет о сардинских владеньях», —

Поясню,— и статейка пройдет!
Точно так: если страстную Лизу
Соблазнит русокудрый Иван,
Переносится действие в Пизу —
И спасен многотомный роман!
Незаметные эти поправки
Так изменят и мысли и слог,
Что потом не подточишь булавки!
Да, я авторов много берег!
Сам я в бедности тяжелой родился,
Сам имею детей, я не зверь!
Дети! дети! (старик омрачился.)
Воздух, что ли, такой уж теперь —
Утешения в собственном сыне
Не имею... Кто б мог ожидать?
Никакого почтения к святыне!
Спорю, спорю! не раз и ругать
Принимался, а втайне-то плачешь.
Я однажды ему пригрозил:
«Что ты бесишься? что ты чудачишь?
В нигилисты ты, что ли, вступил?»
— Нигилист — это глупое слово,—
Говорит,— но когда ты под ним
Разумел человека прямого,
Кто не любит жить чужим,
Кто работает, истины ищет,
Не без пользы старается жить,
Прямо в нос негодяя освищет,
А при случае рад и побить,—
Так, пожалуй,— зови нигилистом,
Отчего и не так! — Каково?
Что прикажете с этим артистом?
Я в студенты хотел бы его,
Чтобы чин получил... но едва ли...
— Что чины? — говорит,— ерунда!
Там таких дураков насажали,
Что их слушать не стоит труда,
Там я даром убью только время.—
И прибавил еще сгоряча
(Каково современное племя?):
— Там мне скажут: ты сын палача! —
Тут невольно я голос возвысил:
«Стой, глупец! — я ему закричал,—

Я на службе себя не унизил,
Добросовестно долг исполнял!»
— Добросовестность милое слово,—
Возразил он,— но с нею подчас...
«Что, мой друг? говори — это ново!»
Сильный спор завязался у нас;
Всю нелепость свою понемногу
Обнаружил он ясно тогда;
Между прочим, сказал: — Слава богу,
Что чиновник у нас не всегда
Добросовестен...— Вот как!.. За что же
Возрождается в сыне моем,
Что всю жизнь истреблял я?.. о боже!..

Старец скорбно поникнул челом.

«Хорошо ли, служа, корректуры
Вы скрывали от ваших детей? —
Я с участием сказал,— без цензуры
Начитался он, видно, статей?»
— И! как можно!..—

Тут нас перервали.
Старец снова газету берет...

ПЕСНИ О СВОБОДНОМ СЛОВЕ

I

РАССЫЛЬНЫЙ

Люди бегут, суетятся,
Мертвых везут на погост...
Еду кой с кем повидаться
Через Николаевский мост.

Пот отирая обильный
С голого лба, стороной —
Вижу — плетется рассыльный,
Старец угрюмый, седой.

С дедушкой этим, Минаем,
Я уж лет тридцать знаком:
Оба мы хлеб добываем
Литературным трудом.

(Молод я прибыл в столицу,
Вирши в редакцию свез,—
Первую эту страницу
Он мне в наборе принес!)

Оба судьбой мы похожи,
Если пошире глядеть:
Век свой мы лезли из кожи,
Чтобы в цензуру поспеть;

Цензор в спокойствии нашем
Равную ролю играл,—
Раньше, бывало, мы ляжем,
Если статью подписал;

Если ж сказал: «Запрещаю!»
Вновь я садился писать,
Вновь приходилось Минаю
Бегать к нему, поджидать.

Эти волнения были
Сходны в итоге вполне:
Ноги ему подкосили,
Нервы расстроили мне.

Кто поплатился дороже,
Время уж скоро решит,
Впрочем, я вдвое моложе.
Он уж непрочен на вид,

Длинный и тощий, как остов,
Но стариковски пригож...
— Эй, на Васильевский остров
К цензору, что ли, идешь?

«Баста ходить по цензуре!
Осlobонилась печать,
Авторы наши в натуре
Стали статейки пушать.

К ним да к редактору ныне
Только и носим статьи...
Словно повысились в чине,
Ожили детки мои!

Каждый теперича кроток,
Ну да и нам-то расчет:
На восемь гривен подметок
Меньше износится в год!..»

II П А В О Р Щ И К И

Чей это гимн суровый
Доносит к нам зефир?
То армии свинцовой
Смиранный командир —

Наборщик распевает
У пыльного станка,
Меж тем как набирает
Проворная рука:

— Рабочему порядок
В труде всего важней,
И лишний рубль не сладок,
Когда не спишь ночей!

Работы до отвалу,
Хоть не ходи домой.
Тетрадь оригиналу
Еще несут... ой, ой!

Тетрадь толстенька в стане,
В неделю не набрать.
Но не гордись заране,
Премудрая тетрадь!

Не похудей в цензуре!
Ужо мы наберем,
Оттиснем в корректуре
И к цензору пошлем.

Вот он тебя читает,
Надев свои очки;
Отечески марает —
Словечко, полстроки!

Но недостало силы,
Вдруг руки разошлись,
И красные чернилы
Потоком полились.

Живого нет местечка!
И только на строке
Торчит кой-где словечко,
Как муха в молоке.

Угрюмый и сердитый
Редактор этот сброд,
Как армии разбитой
Остатки, подберет;

На ниточку нанижет,
Кой-как сплотит опять
И нам приказ напишет:
«Исправив, вновь послать».

Набор мы рассыпаем
Зачеркнутых столбцов
И литеры бросаем,
Как в ямы мертвецов,

По кассам! Вновь в порядке
Лежат одна к одной.
Потерян ключ к загадке,
Что выражал их строй!

Так остается тайной,
Каков и где тот плод,
Который вихрь случайный
С деревьев в бурю рвет.

(Что, какова заметка?
Недурен оборот?
Случается нередко
У нас лихой народ.

Наборщики бывают
Философы порой:
Не всё же набирают
Они сумбур пустой.

Встречаются статейки,
Встречаются умы —
Полезные идейки
Усваиваем мы...)

Уж в новой корректуре
Статья невелика,
Глядишь — опять в цензуре
Посгладят ей бока.

Вот, наконец, и сверстка!
Но что с тобой, тетрадь?
Ты менее наперстка
Являешься в печати!

А то еще бывает,
Сам автор прибежит,
Посмотрит, повздыхает,
Да всю и порешит!

Нам все равны статейки,
Печатай, разбирай,—
Три четверти копейки
За строчку нам отдай!

Но не равны заботы.
Чтоб время навестать,
Мы слепнем от работы...
Хотите ли писать?

Мы вам дадим сюжеты:
Войдите-ка в полночь
В наборную газеты —
Кромешный ад точь-в-точь!

Наборщик безответный
Красив, как трубочист...
Кто выдумал газетный
Бесчеловечный лист?

Хоть целый свет обрыщешь,
И в самых рудниках
Тошней труда не сыщешь —
Мы вечно на ногах;

От частой недосыпки,
От пыли, от свинца
Мы все здоровьем хлипки,
Все зелены с лица;

В работе беспорядок
Нам сокращает век.
И лишний рубль не сладок,
Как болен человек...

Но вот свобода слова
Негаданно пришла,—
Не так уж бестолково
Авось пойдут дела!

Х о р

Поклон тебе, свобода!
Тра-ла, ла-ла, ла-ла!
С рабочего народа
Ты тяготу сняла!..

III

п о э т

Друзья, возрадуйтесь! — простор!
(Давай скорей бутылок!)
Теперь бы петь... Но стал я хвор!
А прежде был я пылок.
И был подвижен я, как челн
(Зачем на пробке плесень?..),
И как у моря звучных волн,
У лиры было песен.
Но жизнь была так коротка
Для песен этой лиры —
От типографского станка
До цензурской квартиры!

IV

л и т е р а т о р ы

Три друга обнялись при встрече,
Входя в какой-то магазин.
«Теперь пойдут иные речи!» —
Заметил весело один.
— Теперь нас ждут простор и слава! —
Другой восторженно сказал,
А третий посмотрел лукаво
И головою покачал! ¹

¹ Эти два последние стиха взяты у Лермонтова:

Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал...

(Прим Н. А. Некрасова.)

Я — фельетонная букашка,
Ищу посильного труда.
Я, как ходячая бумажка,
Поистрепался, господа,

Но лишь давайте мне сюжеты,
Увидите — хорош мой слог.
Сначала я писал куплеты,
Состряпал несколько эклог,

Но скоро я стихи оставил,
Поняв, что лучший на земле
Тот род, который так прославил
Булгарин в «Северной пчеле».

Я говорю о фельетоне...
Статейки я писать могу
В великосветском модном тоне,
И будут хороши, не лгу.

Из жизни здешней и московской
Черты охотно я беру.
Знаком вам господин Пановский?
Мы с ним похожи по перу.

Известен я в литературе...
Угодно ль вам меня нанять?
Умел писать я при цензуре,
Так мудрено ль теперь писать?

Признаться, я попал невольно
В литературную семью.
Ох! было время — вспомнить больно!
Дрожишь, бывало, за статью.

Мою любимую идею,
Что в Петербурге климат плох,
И ту не в каждую статейку
Вставлять я без боязни мог.

Однажды написал я сдуру,
Что видел на мосту дыру.
Переполошил всю цензуру,
Таскали даже ко двору!

Ну! дали мне головомойку,
С полгода поджимал я хвост.
С тех пор не езжу через Мойку
И не гляжу на этот мост!

Я надоел вам? извините!
Но старых ран коснулся я...
И вдруг... кто думать мог?... скажите!..
Горька была вся жизнь моя,

Но, претерпев судьбы удары,
Под старость счастье я узнал:
Курил на улицах сигары
И без цензуры сочинял!

VI

П У Б Л И К А

1

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

Боже! пошли нам терпенье!
Или цензура воспрянь!
Всюду одно осуждение,
Всюду нахальная брань!
В цивилизованном классе
Будто растление одно,
Бедность безмерная в массе
(Где же берут на вино?),

В каждом нажиться старанье,
В каждом продажная честь,
Только под шубой бараньей
Сердце хорошее есть!
Ох, этот автор злодейской!
Тоже хитрит иногда,
Думает лестью лакейской
Нас усыпить, господа!
Мы не хотим поцелуев,
Но и ругни не хотим...
Что ж это смотрит Валуев ¹,
Как этот автор терпим?
Слышали? Всё лишь подобье,
Всё у нас маска и ложь,
Глупость, разврат, узколобье...
Кто же умен и хорош?
Кто же всегда одинаков?
Истине друг и родня?
Ясно — премудрый Аксаков,
Автор премудрого «Дня»!
Пусть он таков, но за что же
Надоедает он всем?..
Чем это кончится, боже!
Чем это кончится, чем?

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

2

Нынче, журналы читая,
Просто не веришь глазам,
Слышали — новость какая?
Мы же должны мужикам!

¹ Тогдашний министр внутренних дел. (Прим. Н. А. Некрасова.)

Экой герой-сочинитель!
Экой вещун-богатырь!
Верно ли только, учитель,
Вывел ты эту цифирь?
Если ее ты докажешь,
Дай уж нам кстати совет:
Чем расплатиться прикажешь?
Суммы такой у нас нет!
Нет ничего, кроме модных,
Но пустоватых голов,
Кроме желудков голодных
И неоплатных долгов,
Кроме усов, бакенбардов
Да «как-нибудь» да «авось»...
Шутка ли! шесть миллиардов!
Смилуйся! что-нибудь сбрось!
Друг! ты стоишь на рогоже,
Но говоришь ты с ковра...
Чем это кончится, боже!..
Грешен, не жду я добра...

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

3

Мало, что в сфере публичной
Трогают всякий предмет,
Жизни касаются личной!
Просто спасения нет!
Если за добрым обедом
Выпил ты лишний бокал
И, поругавшись с соседом,
Громкое слово сказал,

Не говорю уж — подрался
(Редко друг друга мы бьем),
Хоть бы ты тут же обнялся
С этим случайным врагом,—
Завтра ж в газетах напишут!
Господи! что за скоты!
Как они знают всё, слышат!..
Что потом сделаешь ты?
Ежели скажешь: «Вы лжете!» —
Он очевидцев найдет,
Если дуэлью пугнете,
Он вас судом припугнет.
Просто — не стало свободы,
Чести нельзя защитить...
Эх! эти новые моды!
Впрочем, есть средство: побить.
Но ведь, пожалуй, по роже
Съездит и он между тем.
Чем это кончится, боже!..
Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

4

Все пошатнулось... О, где ты,
Время без бурь и тревог?..
В бога не верят газеты,
И отрицают поэты
Пользу железных дорог!
Дыбом становится волос,
Чем наводнилась печать,—
Даже умеренный «Голос»
Начал не в меру кричать;

Ни одного элемента
Не пропустил, не задев,
Он положеньем Ташкента
Разволновался, как лев;
Бдит он над западным краем,
Он о России болит,
С ожесточеньем и лаем
Он обо всем говорит!
Он изнывает в тревогах,
Точно ли вышел запрет:
Чтоб на железных дорогах
Не продавали газет?
Что — на дорогах железных!
Остановить бы везде.
Меньше бы трат бесполезных!
И без того мы в нужде.
Жизнь ежедневно дороже,
Деньги трудней между тем.
Чем это кончится, боже!..
Чем это кончится, чем?

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

5

Право, конец бы таковский,
И не велика печаль!
Только газеты московской
Было б, признаться, нам жаль,
Впрочем... как пристально взвесить,
Так и ее — что жалеть!
Уж начала куролесить,
Может совсем ошалеть.
Прежде лишь мелкий чиновник
Был твоей жертвой, печать,

Если ж военный полковник—
Стоять! ни полслова! молчать!
Но от чиновников быстро
Дело дошло до тузов,
Даже коснулся министра
Неустрашимый Катков.
Тронута там у него же
Много забористых тем...
Чем это кончится, боже!
Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

VII

ОСТОРОЖНОСТЬ

1

В Ледовитом океане
Лодка утлая плывет,
Молодой пригожей Тане
Парень песенку поет:
«Мы пришли на остров дикий,
Где ни церкви, ни попов,
Зимовать в нужде великой
Здесь привычен зверолов;
Так с тобой, моей голубкой,
Неужли нам розно спать?
Буду я песцовой шубкой,
Буду лаской согревать!»
Хорошо поет, собака,
Убедительно поет!

Но ведь это против брака,—
Не нажить бы нам хлопот?
Оправдаться есть возможность,
Да не спросят — вот беда!
Осторожность! осторожности!
Осторожность, господа!..

2

У солидного папаши
Либералка вышла дочь
(Говорят, журналы наши
Всё читала день и ночь),
Жениху с хорошим чином
Отказала, осердясь,
И с каким-то армянином
Обвенчалась, не спросясь.
В свете это сплошь бывает,
Это тиснуть мы могли б,
Но ведь это посягает
На родительский принцип!
За подобную оплошность
Не постигла б нас беда?
Осторожность, осторожность.
Осторожность, господа!

3

Наш помещик Пантелеев
Век играл, мотал и пил,
А крестьянин Федосеев
Век трудился и копил —
И по улицам столицы
Пантелеев ходит гол,
А дворянские земли
Федосеев приобрел.
В свете это все бывает,
Много есть таких дворян,
Но ведь это означает
Оскорблять дворянский сан.

Тисни, тисни! есть возможность —
А потом дрожи суда...
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

4

Что народ ни добывает,
Все не впрок ему идет:
И подрядчик нажимает,
И торгаш с него дерет.
Уж таков теперь обычай —
Стонут, воют бедняки...
Ну — а класс-то ростовщичий?
Сгубят нас ростовщики!
Я желал бы их, проклятых,
Хорошенечко пробрать,
Но ведь это на богатых
Значит бедных натравлять?
Ну, какая же возможность
Так рискнуть? кругом беда!
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

5

Крестный ход в селе Остожье,
Вдруг «пожар!» — кричит народ.
«Не бросать же дело божье —
Кончим прежде крестный ход».
И покудова с иконой
Обходили всё село,
Искрой, ветром занесенной,
И другой посад зажгло.
Погорели! В этом много
Правды горькой и простой,
Но ведь это против бога,
Против веры... ой! ой! ой!
Тут полнейшая возможность
К обвиненью без суда...
Ради бога, осторожность,
Осторожность, господа!

VIII

ПРОПАЛА КНИГА!

1

Пропала книга! Уж была
Совсем готова — вдруг пропала!
Бог с ней, когда идее зла
Она потворствовать желала!
Читать маранье праздных дур
И дураков мы недосужны.
Не нужно нам плохих брошюр,
Нам нужен хлеб, нам деньги нужны!

Но, может быть, она была
Честна... а так резка, смела?
Две, три страницы роковые...
О, если так, ее мне жаль!
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!

2

Уж напечатана — и нет!..
Не познакомимся мы с нею;
Девушка в девятнадцать лет
Не замечтается над нею;
О ней не будут рассуждать
Ни дилетант, ни критик мрачный,
Студент не будет посыпать
Ее листов золой табачной.

Пропала! с ней и труд пропал,
Затрачен даром капитал,
Пропали хлопоты большие...
Мне очень жаль, мне очень жаль,
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!

Прощай! горька судьба твоя,
Бедняжка! Как зима настанет,
За чайным столиком семья
Гурьбой читать тебя не станет.
Не занесешь ты новых дум
В глухие, темные селенья,
Где изнывает русский ум
Вдали от центров просвещения!

О, если ты честна была,
Что за беда, что ты смела?
Так редки книги не пустые...
Мне очень жаль, мне очень жаль,
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!

БАЛЕТ

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья,
Но, каюсь, ножка Терпсихоры
Прелестней чем-то для меня;
Она, пророчествуя взгляду
Неоцененную награду,
Влечет условною красой
Желаний своевольный рой...

Пушкин

Свирепеет мороз ненавистный.
Нет, на улице трудно дышать.
Муза! нынче спектакль бенефисный,
Нам в театре пора побывать.

Мы вошли среди криков и плеска.
Сядем здесь. Я боюсь первых мест,
Что за радость ослепнуть от блеска
Генеральских, сенаторских звезд.
Лучезарней румяного Феба
Эти звезды: заметно тотчас,
Что они не нахватаны с неба,—
Звезды неба не ярки у нас.

Если б смелым, бестрепетным взглядом
Мы решились окинуть тот ряд,
Что зовут «бриллиантовым рядом»,
Может быть, изощренный наш взгляд
И открыл бы предмет для сатиры
(В самом солнце есть пятнышки). Но —
Немы струны карающей лиры,
Вихорь жизни порвал их давно!

Знайте, люди хорошего тона,
Что я сам обожаю балет.
«Пораженным стрелой Купидона»
Не насмешка — сердечный привет!
Понапрасну не бейте тревогу!
Не коснусь ни военных чинов,
Ни на службе крылатому богу
Севших на ноги статских тузов.
Накрахмаленный денди и щеголь
(То есть: купчик — кутила и мот)
И мышиный жеребчик (так Гоголь
Молодящихся старцев зовет),
Записной поставщик фельетонов,
Офицеры гвардейских полков
И безличная сволочь салонов —
Всех молчаньем прейти я готов!
До балета особенно страстны
Армянин, персиянин и грек,
Посмотрите, как лица их красны
(Не в балете ли весь человек?);
Но и их я оставлю в покое,
Никого не желая сердить.
Замышляю я нечто другое —
Я загадку хочу предложить.

В маскарадной и в оперной зале,
За игрой у зеленых столов,
В клубе, в думе, в манеже, на бале —
Словом: в обществе всяких родов,
В наслажденье, в труде и в покое,
В блудном сыне, в почтенном отце —
Есть одно — *угадайте, какое?* —
Выражение на русском лице...
Впрочем, может быть, вам недосужно.
Муза! дай — если можешь — ответ!
Спору нет: мы различны наружно —
Тот чиновник, а этот корнет,
Тот помешан на тонком приличье,
Тот играет, тот любит поесть, —
Но взглядишь: при наружном различье
В нас единство глубокое есть:
Нас безденежье всех уравнило —
И великих, и малых людей —

И на каждом челе начертало
Надпись: *Где бы занять поскорей?*
Что, не так ли?..

История та же,
Та же дума на каждом лице,
Я на днях прочитал ее даже
На почтенном одном мертвеце.
Если старец игрив чрезвычайно,
Если юноша вешает нос —
Оба, верьте мне, думают тайно:
Где бы денег занять? вот вопрос!

Вот вопрос! Напряженно, тревожно
Каждый жаждет его разрешить,
Но занять, говорят, невозможно,
Невозможнее долг получить.
Говорят, никаких договоров
Должники исполнять не хотят;
Генерал-губернатор Суворов
Держит сторону их, говорят...
Осуждают юристы героя,
Но ты прав, охранитель покоя
И порядка столицы родной!
Может быть, в долговом отделенье
Насиделось бы все население,
Если б был губернатор другой!

Разорило чиновников чванство,
Прожила за границу знать,
Отчего оголело дворянство,
Неприятно и речь затевать!
На цветы, на подарки актрисам,
Правда, деньги еще достаем,
Но зато пред иным бенефисом
Рубль на рубль за неделю даем.
Как же быть? Не дешевая школа
Поощрение граций и муз...
Вянет юность обоего пола,
Терпит даже семейный союз:
Тщетно юноши рыщут по балам,
Тщетно барышни рядятся в пух —
Вовсе нет стариков с капиталом,
Вовсе нет с капиталом старух!

Сокрушаются Никольс и Плинке¹,
Без почину товар их лежит,
Сбыта нет самой модной новинке
(Догадайтесь — откройте кредит!),
Не развозят картонок нарядных
Изомбар, Андрие и Мошра²,
А звонят у подъездов парадных
С неоплаченным счетом с утра.
Что модистики! злосчастные прачки
Ходят месяц за каждым рублем!
Опустели рысистые скачки,
Жизни нет за зеленым столом.
Кто, бывало, дуря с азарту,
Кряду игрывал по сту ночей,
Пообедав, поставит на карту
Злополучных пятнадцать рублей
И уходит походкой печальной
В думу, в земство и даже в семью
Отводить болтовней либеральной
Удрученную душу свою.
С богом, друг мой! В любом комитете
Побеседовать можешь теперь
О кредите, о звонкой монете,
Об «итогах» дворянских потерь,
И о «брате» в нагольном тулупе,
И о том, за какие грехи
Нас журналы ругают и в клубе
Не дают нам стерляжьей ухи!
Там докажут тебе очевидно,
Что карьера твоя решена!

Да! трудненько и даже обидно
Жить — такие пришли времена!
Купишь что-нибудь — дерзкий приказчик
Ассигнацию щупать начнет
И потом, опустив ее в ящик,
Долгим взором тебя обведет,—
Так и треснул бы!..

Впрочем, довольно!
Продолжать бы, конечно, я мог,

¹ Хозяева английского магазина (*Прим. Н. А. Некрасовс.*)

² Известные модистики. (*Прим. Н. А. Некрасова*)

Факты есть, но касаться их больно!
И притом сохрани меня бог,
Чтоб я стих мой подделкою серий
И кредитных бумаг замарал,—
«Будто нет благородней материй?» —
Мне отечески «некто» сказал.
С этим мнением вполне я согласен,
Мир идей и сюжетов велик:
Например, как волшебно прекрасен
Бельэтаж — настоящий цветник!
Есть в России еще миллионы,
Стоит только на ложи взглянуть,
Где уселись банкирские жены,—
Сотня тысяч рублей, что ни грудь!
В жемчуге лебединые шеи,
Бриллиант по ореху в ушах!
В этих ложах — мужчины евреи,
Или греки, да немцы в крестах.
Нет купечества русского (стужа
Напугала их, что ли?). Одна
Откупщица, втянувшая мужа
В модный свет, в бельэтаже видна.
Весела ты, но в этом веселье
Можно тот же вопрос прочитать;
И на шее твоей ожерелье —
Погодила б ты им щеголять!
Пусть оно красоты идеальной,
Пусть ты в нем восхитительна, но —
Не затих еще шепот скандальный,
Будто было в закладе оно:
Говорят, чтобы в нем показаться
На каком-то парадном балу,—
Перед гнусным менялой валяться
Ты решилась на грязном полу;
И когда возвращалась ты с бала,
Ростовщик тебя встретил — и снял
Эти перлы... Не так ли достала
Ты опять их?.. Кредит твой упал,
С горя запил супруг сокрушенный,
Бог бы с ним! Расставаться тошней
С этой чопорной жизнью салонной
И с разгулом интимных ночей;
С этим золотом, бархатом, шелксом,

С этим счастьем послов принимать.
Ты готова бы с бешеным волком
Покумиться, — чтоб снова блистать,
Но свершились пути провиденья,
Все погисло — и деньги, и честь!
Нисходи же ты в область забвенья,
И супругу дай дух перевести!
Слаще пить ему водку с дворецким,
«Не белы-то снега» распевать,
Чем возиться с посольством турецким
И в ответ ему глупо мычать...

Тешить жен — богачам не забота,
Им простибельна всякая блажь.
Но прискорбно душе патриота,
Что чиновницы рвутся туда ж.
Марья Саввишна! вы бы надели
Платье проще! — Ведь как ни рядись,
Не оденетесь лучше камелий
И богаче французских актрис!
Рассчитайтесь, сударыня, с прачкой
Да в хозяйство прикиньте хоть грош,
А то с дочерью, с мужем, с собачкой
За полтину обед нехорош!

Марья Саввишна глаз не спускала
Между тем с старика со звездой.
Вообще в бельэтаже сияло
Много дам и девиц красотой.
Очи чудные так и сверкали,
Но кому же сверкали они?
Доблесть, молодость, сила — пленяли
Сердце женское в древние дни.
Наши девы практичней, умнее,
Идеал их — телец золотой,
Воплощенный в седом иудее,
Потрясающем грязной рукой
Груды золота...

Время антракта
Наконец-то прошло как-нибудь.
(Мы зевали два первые акта,
Как бы в третьем совсем не заснуть.)
Все бинокли приходят в движенье —

Появляется кордебалет.
Здесь позволю себе отступление:
Соответственной живости нет
В том размере, которым пишу я,
Чтобы прелесть балета воспеть.
Вот куплеты: попробуй, танцуй,
Театрал, их под музыку петь!

Я был престранных правил,
Поругивал балет.
Но раз бинокль подставил
Мне генерал-сосед.

Я взял его с поклоном
И с час не возвращал;
«Однако вы — *астроном!*» —
Сказал мне генерал.

Признаться, я немножко
Смутился (о профан!).
«Нет... я... но эта ножка...
Но эти плечи... стан...»

Шептал я генералу,
А он, смеясь, в ответ:
«В *стремление к идеалу*
Дурного, впрочем, нет.

Не все ж читать вам Бокля!
Не стоит этот Бокль
Хорошего бинокля...
Купите-ка бинокль!..»

Купил! — и пред балетом
Я преклонился ниц.
Готов я быть поэтом
Прелестных танцовщиц!

Как не любить балета?
Здесь мирный гражданин
Позабывает лета,
Позабывает чин,

И только ловят взоры
В услужливый лорнет,
Что «ножкой Терпсихоры»
Именовал поэт.

Не так следит астроном
За новою звездой,
Как мы... но для чего нам
Смеяться над собой?

В балете мы наивны,
Мы глупы в этот час;
Почти что конвульсивны
Движения у нас:

Вот выпорхнула дева,
Бинокли поднялись;
Взвилась ножка влево —
Мы влево подались;

Взвилась ножка вправо —
Мы вправо... — Берегись!
Не вывихни сустава,
Приятель... «Фора! bis!»

Bis!.. Но девы, подобные ветру,
Улетели гирляндой цветной!
(Возвращаемся к прежнему метру):
Пантомимною сценой большой
Утомились мы; вальс африканский
Тоже вышел топорен и вял,
Но явилась в рубаше крестьянской
Петипа — и театр застонал!
Вообще мы наклонны к искусству,
Мы его поощряем, но там,
Где есть пища народному чувству,
Торжество настоящее нам;
Неужели молчать славянину,
Неужели жалеть кулака,
Как Бернарди затянет «Лучину»,
Как пойдет Петипа трепака?..

Нет! где дело идет о народе,
Там я первый увлечься готов.
Жаль одно: в нашей скудной природе
На венки не хватает цветов!

Всё — до ластовиц белых в рубахе —
Было верно: на шляпе цветы,
Удаль русская в каждом размахе...
Не артистка — волшебница ты!
Ничего не видали вовеки
Мы сходней: настоящий мужик!
Даже немцы, евреи и греки,
Русофильствуя, подняли крик.
Все слилось в оглушительном «браво»,
Дань народному чувству платя.
Только ты, моя муза! лукаво
Улыбаешься... Полно, дитя!
Неуместна здесь строгая дума,
Неприлична гримаса твоя...
Но молчишь ты, скучна и угрюма...
Что ж ты думаешь, муза моя?

На конек ты попала обычный —
На уме у тебя мужики,
За которых на сцене столичной
Петипа пожинает венки;
И ты думаешь: Гурия рая!
Ты мила, ты воздушно легка,
Так танцуй же ты «Деву Дуная»,
Но в покое оставь мужика!
В мерзлых лапотках, в шубе нагольной,
Весь заиндедев, сам за себя
В эту пору он пляшет довольно,
Зиму дома сидеть не любя.
Подстрекаемый лютым морозом,
Совершая дневной переход,
Пляшет он за скрипучим обозом,
Пляшет он — даже песни поет!..

А то есть и такие обозы
(Вот бы Роллер нам их показал!) —
В январе, когда крепки морозы
И народ уже рекрутов сдал,

На Руси, на проселках пустынных
Много тянется поездов длинных...

Прямиком через реки, поля
Едут путники узкой тропой:
В белом саване смерти земля,
Небо хмурое, полное мглою.
От утра до вечерней поры
Всё одни пред глазами картины.
Видишь, как, обнажая бугры,
Ветер снегом заносит лощины,
Видишь, как эта снежная пыль,
Непрерывной волной набегаая,
Под собой погребает ковыль,
Всегубящей зиме помогая;
Видишь, как под кустом иногда
Припорхнет эта милая пташка,
Что от нас не летит никуда,—
Любит скудный наш север, бедняжка!
Или, щелкая, стая дроздов
Пролетит и посядет на ели.
Слышишь дикие стоны волков
И визгливое пенье метели...
Снежно — холодно — мгла и туман...
И по этой унылой равнине
Шаг за шагом идет караван
С седоками в промерзлой овчине.

Как немые, молчат мужики,
Даже песня никем не поется,
Бабы спрятали лица в платки,
Только вздох иногда пронесется
Или крик: «Ну! чего отстаешь? —
Седоком одним меньше везешь!..»

Но напрасно мужик огрызается.
Кляча еле идет — упирается;
Скрипом, визгом окрестность полна.
Словно дó сердца поезд печальный
Через белый покров погребальный
Режет землю,— и стонет она,
Стонет белое снежное море...
Тяжело ты — крестьянское горе!

Ой ты кладь, незаметная кладь!
Где придется тебя выгружать?..

Как от выстрела дым расползается
На заре по росистым травам,
Это горе идет — подвигается
К тихим селам, к глухим деревням.
Вон — направо — избенки унылые,
Отделилась подвода одна,
Кто-то молвил: «Господь с вами, милые!» —
И пропала в сугробах она...

Чу! клячонку хлестнул старичина...
Эх! чего ты торопишь ее?
Как-то ты, воротившись без сына,
Постучишься в окошко свое?..

В сердце самое русского края
Доставляется кладь роковая!

Где до солнца идет за порог
С топором на работу кручина,
Где на белую скатерть дорог
Поздним вечером светит лучина,
Там найдется кому эту кладь
По суровым сердцам разобрать,
Там она приютится, попрядется —
До другого набора проплачется!

* * *

Ликует враг, молчит в недоуменье
Вчерашний друг, качая головой,
И вы, и вы отпрянули в смущенье,
Стоявшие бесменно предо мной
Великие, страдальческие тени,
О чьей судьбе так горько я рыдал,
На чьих гробах я преклонял колени
И клятвы мести грозно повторял,
Зато кричат безличные: ликуем!
Спеша в объятья к новому рабу
И пригвождая жирным поцелуем
Несчастливого к позорному столбу.

ПЕСНИ

I

У людей-то в дому — чистота, лепота,
А у нас-то в дому — теснота, духста.

У людей-то для щей — с солонинкою чан,
А у нас-то во шах — таракан, таракан!

У людей кумовья — ребятишек дарят.
А у нас кумовья — наш же хлеб приедят!

У людей на уме — погудорить с кумой,
А у нас на уме — не пойти бы с сумой?

Кабы так нам зажить, чтобы свет удивить:
Чтобы деньги в мошне, чтобы рожь на гумне;

Чтоб шлея в бубенцах, расписная дуга,
Чтоб сукно на плечах, не посконь-дерюга;

Чтоб не хуже других нам почет от людей,
Поп в гостях у больших, у детей — грамотей;

Чтобы дети в дому, словно пчелы в меду,
А хозяйка в дому — как малинка в саду!

II
БАТЕРНА

Вянет, пропадает красота моя!
От лихого мужа нет в дому житья.

Пьяный все колотит, трезвый все ворчит,
Сам, что ни попало, из дому тащит!

Не того ждала я, как я шла к венцу!
К братцу я ходила, плакалась отцу,

Плакалась соседям, плакалась родной,
Люди не жалеют — ни чужой, ни свой!

«Потерпи, родная, — старики твердят, —
Милого побои недолго болят!»

«Потерпи, сестрица! — отвечает брат, —
Милого побои недолго болят!»

«Потерпи! — соседи хором говорят, —
Милого побои недолго болят!»

Есть солдатик — Федя, дальняя родня,
Он один жалеет, любит он меня;

Подмигну я Феде, — с Федей мы вдвоем
Далеко хлебами за село уйдем.

Всю открою душу, выплачу печаль,
Все отдам я Феде — все, чего не жаль!

«Где ты пропадала?» — спросит муженек,
— Где была, там нету! так-то, мил дружок!

Посмотреть ходила, высока ли рожь!
«Ах ты, дура баба! ты еще и врешь...»

Станет горячиться, станет попрекать...
Пусть себе бранится, мне не привыкать!

А и поколотит — не велик наклад —
Милого побои недолго болят!

III МОЛОДЫЕ

Повенчавшись, Парасковье
Муж имущество казал:
Это стойлице коровье,
А коровку бог прибрал!

Нет перинки, нет кровати,
Да теплы в избе полати,
А в клети, вместо телят,
Два котеночка пищат!

Есть и овощь в огороде —
Хрен да луковица,
Есть и медная посуда —
Крест да пуговица!

IV СВАТ И ЖЕНИХ (В кабаке за полуштофом)

1

Нутко! Марья у Зиновья,
У Никитишны Прасковья,
Степанида у Петра —
Все невесты, всем пора!
У Кондратьевны — Орина,
Что ни девка, то малина!
Думай, думай! выбирай!
По любую засылай!
Марья малость рябовата,
Да смиренна, важевата,
Марья, знаешь, мне сродни,
Будет с мужем — ни-ни-ни!
— Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,
Да чтоб мужу на порог
Не вставала поперек!
Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!

Нутко! Вера у Данилы,
 Пелагея у Гаврилы,
 Секлетей у Фрола —
 Замуж всем пора пришла!
 У Никиты — Катерина,
 Что ни девка, то малина!
 Думай, думай — выбирай!
 По любую засылай!
 Марья, знаешь, щедровита,
 Да работать, ух! сердита!
 Марья костью широка,
 Высока, статна, гладка!
 — Ай да Марья! Марья — клад!
 Сватай Марью, Марью, сват!
 Нам с лица не воду пить,
 И с корявой можно жить,
 Да чтоб мясо на костях,
 Чтобы силушка в руках!
 Ай да Марья! Марья — клад!
 Сватай Марью, Марью, сват!..

Нутко! Анна у Егора,
 У Антипки Митродора,
 Александра у Петра —
 Все невесты, всем пора!
 У Евстратья — Акулина,
 Что ни девка, то малина!
 Думай, думай — выбирай!
 По любую засылай!
 Марья, точно, щедровита,
 Да хозяйка домовита:
 Все примоеет, приберет,
 Все до нитки сбережет!
 — Ай да Марья! Марья — клад!
 Сватай Марью, Марью, сват!
 Нам с лица не воду пить,
 И с корявой можно жить,

Да чтоб по двору прошла,
Всех бы курочек сочла!
Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
(Спрашивают еще полуштоф и начинают снова.)

У

Г И М Н

Господь! твори добро народу!
Благослови народный труд,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правый суд!

Чтобы благие начинанья
Могли свободно возрасти,
Разлей в народе жажду знанья
И к знанью укажи пути!

И от ярма порабощенья
Твоих избранников спаси,
Которым знамя просвещения,
Господь! ты вверишь на Руси!..

* * *

*(Посвящается неизвестному другу, приславшему мне
стихотворение «Не может быть»)*

Умру я скоро. Жалкое наследство,
О, родина! оставляю я тебе.
Под гнетом роковым провел я детство
И молодость — в мучительной борьбе.
Недолгая нас буря укрепляет,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая — навеки поселяет
В душе привычки робкой тишины.
На мне года гнетущих впечатлений
Оставили неизгладимый след.
Как мало знал свободных вдохновений,
О, родина! печальный твой поэт!
Каких преград не встретил мимоходом
С своей угрюмой музой на пути?..
За каплю крови, общую с народом,
И малый труд в заслугу мне сочти!

Не торговал я лирой, но, бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука... Давно я одинок;
Вначале шел я с дружною семьею,
Но где они, друзья мои, теперь?
Одни давно расстались со мною,
Перед другими сам я запер дверь;
Те жребием постигнуты жестоким,
А те прешли уже земной предел...

За то, что я остался одиноким,
Что я ни в ком опоры не имел,
Что я, друзей теряя с каждым годом,
Встречал врагов все больше на пути—
За каплю крови, общую с народом,
Прости меня, о, родина! прости!..

Я призван был воспеть твои страдания,
Терпеньем изумляющий народ!
И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым бог тебя ведет;
Но, жизнь любя, к ее минутным благам
Прикованный привычкой и средой,
Я к цели шел колеблющимся шагом,
Я для нее не жертвовал собой.
И песнь моя бесследно пролетела,
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться в ней успела
К тебе, моя родная сторона!
За то, что я, черствея с каждым годом,
Ее умел в душе моей спасти,
За каплю крови, общую с народом,
Мои вины, о, родина! прости!..

ЕЩЕ ТРОЙКА

1

Ямщик лихой, лихая тройка
И колокольчик под дугой,
И дождь, и грязь, но кони бойко
Телегу мчат. В телеге той
Сидит с осанкою победной
Жандарм с усищами в аршин,
И рядом с ним какой-то бледный
Лет в девятнадцать господин.
Все кони взмылены с натуги,
Весь ад осенней русской вьюги
Навстречу; не видать небес,
Нигде жилья не попадает,
Все лес кругом, угрюмый лес...
Куда же тройка поспешает?
Куда Макар телят гоняет.

2

Какое ты свершил деянье,
Кто ты, преступник молодой?
Быть может, ты имел свиданье
В глухую ночь с чужой женой?
Но подстерег супруг ревнивый
И длань занес — и оскорбил,
А ты, безумец горделивый,
Его на месте положил?
Ответа нет. Бушует вьюга,

Завидев кабачок, как друга,
Жандарм командует: стоять!
Девятый шкалик выпивает...
Чу! тройка тронулась опять!
Гремит, звенит — и улетает,
Куда Макар телят гоняет.

3

Иль погубил тебя презренный,
Но соблазнительный металл?
Дитя корысти современной,
Добра чужого ты взалкал,
И в доме, издавна знакомом,
Когда все погрузились в сон,
Ты совершил грабеж со взломом
И пойман был и уличен?

Ответа нет. Бушует выюга;
Обняв преступника, как друга,
Жандарм напившийся храпит;
Ямщик то свищет, то зевает,
Поет... А тройка все гремит,
Гремит, звенит — и улетает,
Куда Макар телят гоняет.

4

Иль, может быть, ночным артистом
Ты не был, друг? и просто мы
Теперь столкнулись с нигилистом,
Сим кровожадным чадом тьмы?
Какое ж адское коварство
Ты помышлял осуществить?
Разрушить думал государство
Или инспектора побить?

Ответа нет. Бушует выюга,
Вся тройка в сторону с испуга
Шарахнулась. Озлясь, кнутом
Ямщик по всем по трем стегает;
Телега скрылась за холмом,
Мелькнула вновь — и улетает,
Куда Макар телят гоняет!..

СЦЕНЫ ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ «МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА»

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Зимняя картина. Равнина, занесенная снегом, кое-где деревья, пни, кустарник; впереди сплошной лес. По направлению к лесу, без дороги, кто на лыжах, кто на четвереньках, кто барахтаясь по пояс в снегу, тянется вереница загонщиков, человек сто: мужики, оставшие солдаты, бабы, девки, мальчишки и девочки. Каждый и каждая с дубинкою; у некоторых мужиков ружья. За народом С а в е л и й, окладчик, продавший медведя и распоряжающийся охотою. По дороге, протапываемой народом, пробираются, часто спотыкаясь, господа охотники. Впереди к н я з ь В о е х о т с к и й, старик лет 65-ти, сановник; за ним б а р о н ф о н - д е р - Г р е б е н, нечто вроде посланника, важная, надменная фигура, лет 50-ти. Он изредка переговаривается с Воехотским, но оба они более заняты трудным процессом ходьбы. За ними М и ш а, плотный, полнолицый господин, лет 45-ти, действительный статский советник, служит; здоров до избытка, шутильщик и хохотун; рядом с ним П а л ь ц о в, господин лет 50-ти, не служил и не служит. Они горячо разговаривают.

М и ш а и П а л ь ц о в продолжают прежде начатый разговор.

П а л ь ц о в

...Что ты ни говори, претит душе моей
Тот круг, где мы с тобою бродим:
Двух-трех порядочных людей
На сотню франтов в нем находим.

А что такое русский, франт?
Все совершенствуется в свете,
А у него единственный талант,
Единственный прогресс — в жилете.

Вино, рысак, лоретка — тут он весь
И с внутренним и с внешним миром.
Его тщеславие вращается дондесь
Между конюшней и трактиром.
Программа жалкая его —
Не делать ровно ничего,
Считая глупостью и ложью
Все, кроме светской суеты;
Гнушаться чернью, быть на «ты»
Со всею именитой молодежью;
За недостатком гордости в душе,
Являть ее в своей осанке;
Дрожать для дела на гроше
И тысячи бросать какой-нибудь цыганке;
Знать наизусть Елен и Клеопатр,
Наехавших из Франции в Россию,
Ходить в Михайловский театр
И презирать — *Александрию*.
Французским *jeunes premiers*¹ в манерах
подражать,
Искусно на коньках кататься,
На скачках призы получать
И каждый вечер напиваться
В трактирах и в других домах,
С отличной стороны известных,
Или в милютиных рядах,
За лавками, в конурах тесных,
Где царствует обычай вековой
Не мыть полов, салфеток, стклянок,
Куда влекут они с собой
И чопорных, брезгливых парижанок,
Чтобы в разгаре кутежа,
В угоду пристающим спьяна
Есть устрицы с железного ножа
И пить вино из грязного стакана!

В одном прогресс являет он —
Наш милый франт — что все мельчает,
Лет в двадцать волосы теряет,
Тщедушен, ростом умален
И слабосилием наказан.

¹ Актеры, исполняющие роли первых любовников (франц.).

Стаканом можно каждого спить
И каждого нетрудно удавить
На узкой ленточке, которой он повязан!

М и ш а

Ты метко франтов очертил.

П а л ь ц о в

Одно я только позабыл,
Коснувшись этой тли снаружи,
Что эти полумертвецы,
Развратом юности ослабленные души,
Невежды, если не глупцы,—
Со временем родному краю
Готовятся...

М и ш а

Я понимаю.

Но не одних же пустомель
Встречаем мы и в светском мире:
Есть люди — их понятия шире,
Доступна им живая цель.
Сбери-ка эти единицы,
Таланты, знания, умы,
С великорусской Костромы
До полурусской Ниццы,
Соедини-ка их в одно
Разумным, общерусским делом...

П а л ь ц о в

Соединить их — мудрено!
Занесся ты, в порыве смелом,
Бог весть куда, любезный друг!
Вернись-ка к фактам!

М и ш а

Факты трудны!

Не говорю, чтоб были скудны,
Но не припомнишь вдруг!
Я сам не слишком обольщаюсь,
Не ждал я и не жду чудес,
Но твердо за одно ручаюсь,
Что с мели сдвинул нас прогресс.

Вот, например: давно не очень
Жизнь на Руси груба была
И, как под музыку, текла
Под град ругательств и пощечин:
Тот звук, как древней драме хор,
Необходим был жизни нашей.
Ну, а теперь — гуманный спор,
Игривый спич за полной чашей!

П а л ь ц о в

Вот чудо!

М и ш а

Чуда, друг мой, нет,
Но все же выигрыш в итоге.
Засевши на большой дороге
С дворовой челядью, мой дед
Был, говорят, грозой краю,
А я — его любезный внук —
Я друг народа, друг наук,
Я в комитетах заседаю!

П а л ь ц о в

Ты шутишь?

М и ш а

Нет, я не шучу!
Я этой резкостью сравненья
Одно сказать тебе хочу:
«Держись на русской точке зренья»
И ты утетишься, друг мой!
Не слишком длинное пространство
Нас разделяет с стариной,
Но уж теперь не то дворянство,
В литературе дух иной,
Администраторы иные...

П а л ь ц о в

Да! люди тонко развитые!
О них судить не нашему уму,
Довольно с нас благоговеть, гордиться.
Ты эпитафию читал ли одному?
По-моему, десяткам пригодится!

«Систему полумер приняв за идеал,
Ни прогрессист, ни консерватор,
Добро ты портил, зла не улучшал,
Но честный был администратор...»
В администрацию попасть большая честь;
Но будь талант — пути открыты,
И надобно признаться, всё в ней есть,
Есть даже, кажется, спириты!

М и ш а

Давно ли чуждо было нам
Все, кроме личного расчета?
Теперь к общественным делам
Явилась рьяная забота!

П а л ь ц о в

(смеется)

С тех пор, как родину прогресс
Поставил в новые условия,
О, Русь! вселился новый бес
Почти во все твои сословья.
То бес «общественных забот».
Кто им не одержим? Но — чудо! —
Не много выиграл народ,
И легче нет ему покуда
Ни от чиновных мудрецов,
Ни от фанатиков народных,
Ни от начитанных глупцов,
Лакеев мыслей благородных!

М и ш а

Ну, зол ты стал, как погляжу!
Прослыть стараясь Вельзевулом,
Ты и себя ругнул огулом.
А я опять-таки скажу:
Часть общества по мере сил развита;
Не сплошь мы пошлости рабы:
Есть признаки осмысленного быта,
Есть элементы для борьбы.
У нас есть крепостник-плантатор,
Но есть и честный либерал;
Есть заскорузлый консерватор,
А рядом — сам ты замечал —
Великосветский радикал!

П а л ь ц о в

Двух слов без горечи не бросит,
Без грусти ни на чем не остановит глаз,
Он не идет, а, так сказать, проносит
Себя, как контрабанду, среди нас.

Шалит землевладелец крупный,
Морочит модной маской свет
Иль точно тайной недоступной
Он полон — не велик секрет!

М и ш а

И то уж хорошо, что времена пришли
Брать эти — не другие роли...
Давно ли мы безгласно шли,
Куда погонят нас, давно ли?..
Теперь, куда ни посмотри,
Зачатки критики, стремленье...

П а л ь ц о в

(с *гневом*)

Пожалуйста, не говори
Про русское общественное мнение!
Его нельзя не презирать
Сильней невежества, распутства, тунеядства;
На нем предательства печать
И непонятного злорадства!
У русского особый взгляд,
Преданьям рабства страшно верен:
Всегда побитый виноват,
А битым — счет потерян!
Как будто с умыслом силки
Мы расставляем мысли смелой:
Сперва — сторонников полки,
Восторг почти России целой,
Потом — усталость; наконец,
Все настороже, все в тревоге,
И покидается боец
Почти один на полдороге...
Победа! мимо всех преград
Прошла и принялась идея:
Ура! кричим мы не робея,
И тот, кто рад, и кто не рад...

Зато с каким зловещим тактом
Мы неудачу сторожим!
Заметив облачко над фактом,
Как стушеваться мы спешим!
Как мы вертим хвостом лукаво,
Как мы уходим величаво
В скорлупку пошлости своей!
Как негодуем, как клеветаем,
Как ретроградам рукоплещем,
Как выдаем своих друзей!
Какие слышатся аккорды
В постыдной оргии тогда!
Какие выдвинутся морды
На первый план! Гроза, беда!
Облава — в полном смысле слова!..
Свалились в кучу — и готово
Холопской дури торжество,
Мычанье, хрюканье, блеянье
И жеребьячье гоготанье —
Ату его! ату его!..

Не так ли множество идей
Погибло несомненно важных,
Помяв порядочных людей
И выдвинув вперед продажных?
Нам все равно! Не дорожим
Мы шагом к прочному успеху.
Прогресс?.. его мы не хотим —
Нам дай новинку, дай потеху!
И вот новинке всякий рад
День, два; все полны грез и веры.
А завтра с радостью глядят,
Как «рановременные» меры
Теряют должные размеры
И с треском пятятся назад!..

Народ впереди остановился. Остановились и охотники. Савелий, объяснив что-то князю Воехотскому, причем таинственно указывая по направлению к лесу, подходит к Пальцову и Мише.

С а в е л и й

На нумера извольте становиться.
Теперь нельзя курить
И громко говорить здесь не годится.

М и ш а

Что ж можно? Можно водку пить!
(*Хочет и, наливая из фляжки, потчует Пальцова и пьет сам*).

Савелий, расставив охотников по цепи, в расстоянии шагов пятидесяти друг от друга, разделяет народ на две половины; одна молча и с предосторожностями отправляется по линии круга направо, другая — налево.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Барон фон-дер-Гребен и князь Восхотский.
На № 5-м. Барон сидит на складном стуле; снег около него утопан, под ногами ковер. Близ него прислонены к дереву три штуцера со взведенными курками. В нескольких шагах от него, сзади, мужик с рогатиной.

К н. Воехотский
(*подходя к барону с своего, соседнего номера*)

Теперь, барон, вы видели природу,
Вы видели народ наш?

Б а р о н

И не мог
Не заключить, что этому народу
Пути к развитию заградил сам бог.

К н. Воехотский
Да! да! непобедимые условия!
Но, к счастью, народ не выше их:
Невежество, бесчувственность воловь
Полезны при условиях таких.

Б а р о н

Когда природа отвечать не может
Потребностям, которые родит
Развитие — оно беды умножит
И только даром страсти распалит.

К н. Воехотский

Вы угадали мысль мою: нелепо
В таких условиях просвещать народ.

На почве, где с трудом родится репа,
С развитием банан не расцветет.
Нам не указ Европа: там избыток
Во всех дарах, по милости судеб;
А здесь один суровый черный хлеб
Да из него же гибельный напиток!
И средства нет прибавить что-нибудь.
Болото, мох, песок — куда ни взглянешь!
Не проведешь сюда железный путь,
К путям железным весь народ не стянешь!
А здесь — вот, например, зимой —
Какие тут возможны улучшения?..
Хоть лошадям убавьте-ка мученья,
Устройте экипаж другой!
Здесь мужику, что вышел за ворота,
Кровавый труд, кровавая борьба:
За крошку хлеба капля пота —
Вот в двух словах его судьба!
Его сама природа осудила
На грубый труд, неблагодарный бой
И от отчаянья разумно оградила
Невежества спасительной броней.
Его удел — безграмотство, беспутство,
Убожество и чувством и умом,
Его узда — налоги, труд, рекрутство,
Его утеха — водка с дурманом!

Б а р о н

So, so... ¹

С Ц Е Н А П Я Т А Я

П а л ь ц о в М и ш а

На № 1-м. К Пальцову подходит с своего номера Миша.

М и ш а

Еще не скоро выйдет зверь...
Покамест приведем-ка в ясность
То время, как слова «свобода», «гласность»,
Которыми набили мы теперь

¹ Так, так... (нем.)

Оскому, как незрелыми плодами,
Не слышались и в шутку между нами,
Когда считался зверем либерал,
Когда слова: «общественное благо»
И произнести нужна была отвага,
Которую никто не обладал!
Когда одни житейские условия
Сближали нас, а попросту — расчет,
И лишь в одном сливались все сословья,
Что дружно налегали на народ...

П а л ь ц о в

Великий век, когда блистал
Среди безгласных поколений
Администратор-генерал
И откупщик — кабачный гений!

М и ш а

Ты, думаю, охоту на двуногих
Застал еще в ребячестве своем.
Слышал ты вопли стариков убогих
И женщин, засекаемых кнутом?
Я думаю, ты был не полугода
И не забыл порядки тех времен,
Когда в ответ стенаниям народа
Мысль русская стонала в полутон?

П а л ь ц о в

Великий век — великих мер!
«Не рассуждать — повиноваться!» —
Девиз был общий; сам Гомер
Не смел Омиром называться.

М и ш а

Припомни, как в то время золотое
Учили нас? Раздолье-то какое!
Сын барина, чиновника, князька
Настолько норовил образоваться,
Чтоб на чужие плечи забираться
Уметь, — а там дорога широка!
Три фазиса дворянское развитие
Прекрасные являло нам тогда:

В дни юности — кутеж и стеклобитье,
Наука жизни — в зрелые года
(Которую не в школах европейских —
Мы черпали в гостиных и лакейских),
И, наконец, заветная мечта —
Почетные, доходные места...

Припомнил ты то время золотое,
Которого исчадьё мы прямое,
Припомнил? — Ну, так полюбуйся им!

Как яблоню качает проходящий,
Весь занятый минутой настоящей,
Желанием одним руководим —
Набрать плодов и дале в путь пуститься,
Не думая, что много их свалится,
Которых он не сможет захватить,
Которые напрасно будут гнить:
Так русское общественное древо
Кто только мог направо и налево
Раскачивал, спеша набить карман,
Не думая о том, что будет дале...
Мы все тогда жирели, наживали,
Все... кроме, разумеется, крестьян...
Да в стороне стоял один, печален,
Тогдашний чистоплотный либерал:
Он рук в грязи житейской не марал,
Он для того был слишком идеален,
Но он зато не делал ничего...

П а л ь ц о в

О ком ты говоришь?

М и ш а

В литературе

Описан он достаточно: его
Прозвали «лишним». Честный по натуре,
Он был аристократ, гуляка и лентяй;
Избыточно снабженный всем житейским,
Следил он за движеньем европейским...

П а л ь ц о в

Да это — я!

М и ш а

Как хочешь, понимай!
Тип был один, оттенков было много,
Судили их тогда довольно строго,
Но я недавно начал понимать,
Что мы добром должны их поминать...

Диалектик обаятельный,
Честен мыслью, сердцем чист!
Помню я твой взор мечтательный,
Либерал-идеалист!
Созерцающий, читающий,
С неотступною хандрой
По Европе разъезжающий,
Здесь и там — всему чужой.
Для действительности скованный,
Верхоглядом жил ты зря,
Ты бродил разочарованный,
Красоту боготворя;
Всё с погибшими созданиями
Да с брошюрами возясь,
Наполняя ум свой знаньями,
Обходил ты жизни грязь;
Грозный деятель в теории,
Беспощадный радикал,
Ты на улице истории
С полицейским избегал;
Злых, надменных, угнетающих
Лишь презреньем ты карал,
Не спасал ты утопающих,
Но и в воду не толкал...
Ты, в котором чуть не гения
Долго видели друзья,
Рыцарь доброго стремления
И беспутного житья!
Хоть реального усилия
Ты не сделал никогда,
Чувству горького бессилия
Подчинившись навсегда,—
Все же чту тебя и ныне я,
Я люблю припоминать
На челе твоём уныния
Беспредельного печать;

Ты стоял перед отчизною,
Честен мыслью, сердцем чист,
Воплощенной укоризною,
Либерал-идеалист!

П а л ь ц о в

Куда ж девались люди эти?

М и ш а

Бог весть! Я не встречаю их.
Их песня спета — что нам в них?
Герои слова, а на деле — дети!
Да! одного я встретил: глуп, речист
И стар, как возвращенный декабрист.
В них вообще теперь не много толку.
Мудрейшие достали втихомолку
Такого рода прочные места,
Где служба по возможности чиста,
И, средние оклады получая,
Не принося ни пользы, ни вреда,
Живут себе под старость припевая;
Зато теперь клеймит их иногда
Предателями племя молодое;
Но я ему сказал бы: не забудь,
Кто выдержал то время роковое,
Есть от чего тому и отдохнуть.
Бог нá помочь! бросайся прямо в пламя
И погибай...
Но, кто твое держал когда-то знамя —
Тех не пятнай!
Не предали они — они устали
Свой крест нести;
Покинул их дух Гнева и Печали
На полпути...

Еще добром должны мы помянуть
Тогдашнюю литературу,
У ней была задача: как-нибудь
Намеком натолкнуть на честный путь
К развитию способную натуру...

Хорошая задача! Не забыл,
Я думаю, ты истинных светил,
Отметивших то время роковое:
Белинский жил тогда, Грановский, Гоголь жил,
Еще найдется славных двое, трое,—
У них тогда училось все живое...

Белинский был особенно любим...
Молясь твоей многострадальной тени,
Учителя! перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!

В те дни, как все коснело на Руси,
Дремля и раболепствуя позорно,
Твой ум кипел — и новые стези
Прокладывал, работая упорно.

Ты не гнушался никаким трудом:
«Чернорабочий я — не белоручка!» —
Говаривал ты нам — и напролом
Шел к истине, великий самоучка!

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

Недаром ты, мужая по часам,
На взгляд глупцов казался переменчив,
Но, пред врагом заносчив и упрям,
С друзьями был ты кроток и застенчив.

Не думал ты, что стоишь ты венца,
И разум твой горел не угасая,
Самим собой и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя,—

То недовольство, при котором нет
Ни самообольщенья, ни застоя,
С которым и на склоне наших лет
Постыдно мы не убежим из строя,—

То недовольство, что душе живой
Не даст восстать противу новой силы
За то, что заслоняет нас собой
И старцам говорит: «Пора в могилы!»

Грановского я тоже близко знал —
Я слушал лекции его три года.
Великий ум! счастливая природа!
Но говорил он лучше, чем писал.
Оно и хорошо — писать не время было:
Почти что ничего тогда не проходило!
Бывали случаи: весь век
Считался умным человек,
А в книге глупым очутился:
Пропал и ум, и слог, и жар,
Как будто с бедным приключился
Апоплексический удар!

Когда же в книгах будем мы блистать
Всей русской мыслью, речью, даром,
А не зайками хромыми выступать
С апоплексическим ударом?..

Перед рядами многих поколений
Прошел твой светлый образ; чистых впечатлений
И добрых знаний много сеял ты,
Друг Истины, Добра и Красоты!
Пытлив ты был: искусство и природа,
Наука, жизнь — ты всё познать желал,
И в новом творчестве ты силы почерпал,
И в гении угасшего народа...
И всем делиться с нами ты хотел!
Не диво, что тебя мы горячо любили:
Терпимость и любовь тобой руководили.
Ты настоящее оплакивать умел
И брата узнавал в рабе иноплеменном,
От нас веками отдаленном!
Готовил родине ты честных сыновей,
Провидя луч зари за непроглядной далью.
Как ты любил ее! Как ты скорбел о ней!
Как рано умер ты, терзаемый печалью!

Когда над бедной русскою землею
Заря надежды медленно всходила,
Созрел недуг, посеянный тоской,
Которая всю жизнь тебя крушила...

Да! славной смертью, смертью роковой
Грановский умер... кто не издевался
Над «беспредметною» тоской?
Но глупый смех к чему ни придирался!
«Гражданской скорбью» наши мудрецы
Прозвали настроение такое...
Над чем смеяться вздумали, глупцы!
Опошлить чувство силится какое!
Поверхностной иронии печать

Мы очень часто налагаем

На то, что должно уважать,
Зато — достойное презренья уважаем!
Нам юноша, стремящийся к добру,
Смешон восторженностью странной,
А зрелый муж, поверженный в хандру,
Смешон тоскою постоянной;
Не понимаем мы глубоких мук,
Которыми болит душа иная,
Внимая в жизни вечно ложный звук
И в праздности невольной изнывая;
Не понимаем мы — и где же нам понять? —
Что белый свет кончается не нами,
Что можно личным горем не страдать

И плакать честными слезами.
Что туча каждая, грозящая бедой,
Нависшая над жизнью народной,
След оставляет роковой
В душе живой и благородной!

Да! были личности!.. Не пропадет народ,
Обретший их во времена крутые!

Мудреными путями бог ведет
Тебя, многострадальная Россия!
Попробуй, усомнись в твоих богатырях
Доисторического века,
Когда и в наши дни выносят на плечах
Все поколение два-три человека!

Как ты меня, однако ж, взволновал!
Не шуточное вышло излиянье,
Я лучший перл со дна души достал,
Чистейшее мое воспоминанье!
Мне стало грустно... Надо попадать,
По мере сил, опять на тон шутливый...

В лесу раздается сигнальный выстрел и вслед за тем крики, трескотки, хлопушки. Охотники поспешно расходятся на свои номера и становятся пастороже, со взведенными штуцерами...

ПЕСНЯ

(Из «Медвежьей охоты»)

Отпусти меня, родная,
Отпусти, не споря!
Я не травка полевая,
Я выросла у моря.

Не рыбацкий парус малый,
Корабли мне снятся,
Скучно! в этой жизни вялой
Дни так долго длятся.

Здесь, как в клетке, заперта я,
Сон кругом глубокий,
Отпусти меня, родная,
На простор широкий,

Где сама ты грудью белой
Волны пересекала,
Где тебя я гордой, смелой,
Счастливой видала.

Ты не с песнею победной
К берегу пристала,
Но хоть час из жизни бедной
Торжество ты знала.

Пусть и я сломлюсь от горя,
Не жалея ты дочку!
Коли вырастет у моря —
Не спастись цветочку,

Все равно! сегодня счастье,
Завтра буря грянет,
Разыграется ненастье,
Ветер с моря встанет,

В день один песку нагонит
На прибрежный цветик
И навеки похоронит!..
Отпусти, мой светик!..

ПЕСНЯ О ТРУДЕ
(Из «Медвежьей охоты»)

Кто хочет сделаться глупцом,
Тому мы предлагаем:
Пускай пренебрежет трудом
И жить начнет лентяем.

Хоть Геркулесом будь рожден
И умственным атлетом,
Все ж будет слаб, как тряпка, он
И жалкий трус при этом.

Нет в жизни праздника тому,
Кто не трудится в будень.
Пока есть лишний мед в дому,
Терпим пчелами трутень;

Когда ж общественной нужды
Придет крутое время,
Лентяй, не годный никуда!
Ты всем двойное бремя.

Когда придут зараза, мор,
Ты первый кайся богу,
Запрешь врага на замок,
Но смерть найдет дорогу!..

Кому бросаются в глаза
В труде одни мозоли,
Тот глуп, не смыслит ни аза!
Страдает праздность боле.

Когда придет упадок сил,
Хандра подступит злая,—
Верь, ни единый пес не был
Тоскливее лентяя!

Итак — о славе не мечтай,
Не будь на деньги падок,
Трудись по силам и желай,
Чтоб труд был вечно сладок.

Чтоб испустить последний вздох
Не в праздности — в работе,
Как старый пес мой, что издох
Над гаршнепом в болоте!..

ЧЕЛОВЕК СОРОКОВЫХ ГОДОВ

...Пришел я к крайнему пределу...
Я добр, я честен; я служить
Не соглашусь дурному делу,
За добрым рад не есть, не пить,
Но иногда пройти сторонкой
В вопросе грозном и живом,
Но понижать мой голос звонкий
Перед влиятельным лицом —
Увы! вошло в мою натуру!..
Не от рожденья я таков,
Но я прошел через цензуру
Незабываемых годов.
На всех рожденных в двадцать пятом
Году и около того
Отяготел жестокий фатум:
Не выйти нам из-под него.
Я не продам за деньги мненья,
Без крайней нужды не солгу...
Но — гибнуть жертвой убежденья
Я не могу... я не могу...

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКИМ ДЕТЯМ

I

ДЯДЮШКА ЯКОВ

Дом — не тележка у дядюшки Якова.
Господи боже! чего-то в ней нет!
Седенький сам, а лошадка каракова;
Вместе обоим сто лет.
Ездит старик, продает понемногу,
Рады ему, да и он-то того:
Выпито вечно и сыт, слава богу.
Пусто в деревне — ему ничего.
Знает, где люди: и куплю, и мену
На полосах поведет старина;
Дай ему свеклы, картофельку, хрену,
Он тебе все, что полюбится, — на! —
Бог, видно, дал ему добрую душу.
Ездит — кричит то и знай:

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!

У дядюшки у Якова
Сбоина макова
Больно лакома —
На грош два кома!
Девкам утехи —
Рожки, орехи!

Эй! малолетки!
Пряники редки,
Всякие штуки:
Окуни, щуки,
Киты, лошадки!
Посмотришь — любви,
Раскусишь — сладки,
Оближешь губы!..»

— Стой, старина! — Старика обступили,
Парней, и девок, и детушек тьма.
Все наменяли сластей, накупили —
То-то была суета, кутерьма!
Смех на какого-то Кузю печального:
Держит коня перед носом сусального;
Конь загляденье, и лаком кусок...
Где тебе вытерпеть? Ешь, паренек!
Жалко девочку сиротку Феклушу:
Все-то жукт, а ты слюнки глотай...

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!

У дядюшки у Якова
Про баб товару всякого.
Ситцу хорошего —
Нарядно, дешево!
Эй, молодежи!
Красны девицы,
Тетушки, сестры!
Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Всё — чего надо!..»

Зубы у девок, у баб разгорелись.
Лен, и полотна, и пряжу несут.
«Стойте! не вдруг! белены вы обьелись?
Тише! поспеете!..» Так вот и рвут!

Зорек торгаш, а то просто беда бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клянчат, ласкаются, только держись!

— Цвет ты наш маков,
Дядюшка Яков,
Не дорожись!

«Меньше нельзя, разрази мою душу!
Хочешь — бери, а не хочешь — прощай!»

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!

У дядюшки у Якова
Хватит про всякого.
Новы коврижки —
Гляди-ко: книжки!
Мальчик-сударик,
Купи букварик!
Отцы почтенны!
Книжки неценны;
По гривне штука —
Деткам наука!
Для ребятишек —
Тимошек, Гришек,
Гаврюшек, Ванек...
Букварь не пряник,
А почитай-ка,
Язык прикусишь...
Букварь не сайка,
А как раскусишь,
Слаще ореха!
Пяток — полтина,
Глянь — и картина!
Ей-ей утеха!
Умен с ним будешь,
Денег добудешь...
По буквари!
По буквари!
Хватай — бери!
Читай — смотри!»

И букварей таки много купили:
— Будет вам пряников; нате-ка вам! —
Пряники, правда, послаще бы были,
Да рассудилось уж так старикам.
Книжки с картинками, писаны четко —
То-то дойти бы, что писано тут!
Молча крепилась Феклуша сиротка,
Глядя, как пряники дети жуют,
А как увидела в книжках картинки,
Так на глаза навернулись слезинки.
Сжалился, дал ей букварь старина:
«Коли бедна ты, так будь ты умна!»
Экой старик! видно добрую душу!
Будь же ты счастлив! Торгуй, наживай!

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

II

пчелы

Натко медку! с караваем покушай,
Притчу про пчелок послушай!

Нынче не в меру вода разлилась,
Думали, просто идет наводнение,
Только и сухо, что наше селение
По огороды, где ульи у нас.
Пчелка осталась водой окруженная,
Видит и лес и луга вдалеке,
Ну — и летит, — ничего налегке,
А как назад полетит нагруженная,
Сил не хватает у милой. — Беда!
Пчелами вся запестрела вода,
Тонут работницы, тонут, сердечные!
Горю помочь мы не чаяли, грешные,
Не догадаться самим бы вовек!
Да нанесло человека хорошего,
Под благовещенье помнишь прохожего?
Он надоумил, христов человек!

Слушай, сынок, как мы пчелок избавили.
Я при прохожем тужил-тосковал;
«Вы бы им дó суши вехи поставили»,—
Это он слово сказал!

Веришь: чуть первую веху зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,
Поняли пчелки сноровку мудреную:
Так и валят и валят отдыхать!
Как богомолки у церкви на лавочке,
Сели — сидят.

На бугре-то ни травочки,
Ну, а в лесу и в полях благодать:
Пчелкам не страшно туда залетать,
Всё от единого слова хорошего!
Кушай на здоровье, будем с медком.
Благослови бог прохожего!

Кончил мужик, осенился крестом;
Мед с караваем парнишка докушал,
Тятину притчу тем часом прослушал
И за прохожего низкий поклон
Господу богу отвесил и он.

III

ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН

Дело под вечер, зимой,
И морозец знатный.
По дороге столбовой
Едет парень молодой,
Ямщикок обратный;
Не спешит, трусит слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка —
Рытвины, ухабы.
Нагоняет ямщикок
Вожака с медведем:
«Посади нас, паренек,
Веселей доедем!»
— Что ты? с мишкой? — «Ничего!
Он у нас смиренный;

Лишний шкалик за него
Поднесу, почтенный!»
— Ну, садитесь! — Посадил
Бородач медведя,
Сел и сам — и потрусил
Полегоньку Федя...
Видит Трифон кабачок,
Приглашает Федю.
«Подожди ты нас часок!» —
Говорит медведю.
И пошли. Медведь смирен,
Видно, стар годами,
Только лапу лижет он
Да звенит цепями...

Час проходит — нет ребят,
То-то выпьют лихо!
Но привычные стоят
Лошаденки тихо.

Свечерело. Дрожь в конях,
Стужа злее на ночь;
Заворочался в санях
Михайло Иваныч,
Кони дернули; стряслась
Тут беда большая —
Рявкнул мишка! — понеслась
Тройка, как шальная!

Колокольчик услышал,
Выбежал Федюха,
Да напрасно — не догнал!
Экая поруха!

Быстро, бешено неслась
Тройка — и не диво:
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво;
Только стон кругом стоял:
«Очищай дорогу!
Сам Топтыгин генерал
Едет на берлогу!»

Вздрогнет встречный мужичок,
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок
Рявкнет на ухабе.
А коням подавно страх —
Не передохнули!
Верст пятнадцать на весь мах,
Бедные, отдули!

Прямо к станции летит
Тройка удалая.
Проезжающий сидит,
Головой мотая,
Ладит вывернуть кольцо.
Вот и стала тройка;
Сам смотритель на крыльцо
Выбегает бойко.
Видит, ноги в сапогах
И медвежья шуба,
Не заметил впопыхах,
Что с железом губа,
Не подумал: где ямщик
От коней гуляет?
Видит — барин материк,
«Генерал», — смекает.
Поспешил фуражку снять:
«Здравия желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю?..»
Хочет барину помочь
Юркий старичишка;
Тут во всю медвежью мочь
Заревел наш мишка!
И смотритель отскочил:
«Господи помилуй!
Сорок лет я прослужил
Верой, правдой, силой;
Много видел на тракту
Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту
Не хватает многих,—
А такого не видал,
Господи Иисусе!

Небывалый генерал,
Видно, в новом вкусе!..»

Прибежали ямщики,
Подивились тоже;
Видят — дело не с руки,
Что-то тут негоже!
Собрался честной народ,
Все село в тревоге:
«Генерал в санях ревет,
Как медведь в берлоге!»
Трус бежит, а кто смелей,
Те — потехе ради,
Жмутся около саней;
А смотритель сзади.
Струсил, издали кричит:
«В избу не хотите ль?»
Мишка вновь как зарычит...
Убежал смотритель!
Оробел и убежал
И со всею свитой...

Два часа в санях лежал
Генерал сердитый.
Прибежали той порой
Ямщик и вожатый;
Вразумил народ честной
Трифон бородатый
И Топтыгина прогнал
Из саней дубиной...
А смотритель обругал
Ямщика скотиной...

* * *

Зачем меня на части рвете,
Клеймите именем раба?..
Я от костей твоих и плоти,
Остервенелая толпа!
Где логика? Отцы — злодеи,
Низкопоклонники, лакеи,
А в детях видя подлецов,
И негодуют и дивятся,
Как будто от таких отцов
Герои где-нибудь рождаются?
Блажен, кто в юности слепой
Погорячится и с размаху
Положит голову на плаху...
Но кто, пощаженный судьбой,
Узнает жизнь, тому дороги
И к честной смерти не найти.
Стоять он будет на пути
В недоумении, в тревоге
И думать: глупо умирать,
Чтоб им яснее доказать,
Что прочен только путь неправый;
Глупей трагедией кровавой
Без всякой пользы тешить их!
Когда являлся сумасшедший,
Навстречу смерти гордо шелший,
Что было в помыслах твоих,
О публика! одну идею
Твоя вмещала голова:

«Посмотрим, как он сломит шею!»
Но жизнь не так же дешева!

Не оправданий я ищу,
Я только суд твой отвергаю.
Я жить в позоре не хочу,
Но умереть за что — не знаю.

ВЫБОР

Ночка сегодня морозная, ясная.
В горе стоит над рекой
Русская девица, девица красная,
Щупает прорубь ногой.
Тонкий ледок под ногою ломается,
Вот на него набежала вода;
Царь водяной из воды появляется,
Шепчет: «Бросайся, бросайся сюда!
Любо здесь!» Девица, зову покорная,
Вся наклонилась к нему.
«Сердце покинет кручинушка черная,
Только разок обойму,
Прянь!..» И руками к ней длинными тянется...

Синие льды затрещали кругом,
Дрогнула девица! Ждет — не оглянется,—
Кто-то шагает, идет напрямиком.
«Прянь! Будь царицею царства подводного!..»

Тут подошел воевода Мороз:
— Я тебя, я тебя, вора негодного!
Чуть было девку мою не унес!—
Белый старик с бородою пушистою
На воду трижды дохнул,
Прорубь подернулась корочкой льдистою,
Царь водяной подо льдом потонул.

Молвил Мороз: — Не топися, красавица!
Слез не осушишь водой,
Жадная рыба, речная пиявица
Там твой нарушат покой;
Там защекотят тебя водяные,
Раки выпьются в высокую грудь,
Ноги опутают травы речные.
Лучше со мной эту ночьку побудь!
К утру я горе твое успокою,
Сладкие грезы его усыпят,
Будешь ты так же пригожа собою,
Только красивее дам я наряд:
В белом венке голова засияет
Завтра, чуть красное солнце взойдет.

Деввица берег реки покидает,
К темному лесу идет.

Села на пень у дороги; ласкается
К ней воевода-старик.
Дрогнется — зубы колотят — зевается —
Вот и закрыла глаза... забывается...
Вдруг разбудил ее Лешего крик:

«Девонька! встань ты на резвые ноги,
Долго Морозко тебя протомит.
Спал я и слышал давно: у дороги
Кто-то зубами стучит,
Жалко мне стало. Иди-ка за мною,
Что за охота всю ноченьку ждать!
Да и умрешь — тут не будет покою:
Станут оттаивать, станут качать!
Я заведу тебя в чащу лесную,
Где никому до тебя не дойти,
Выберем, девонька, сосну любую...»

Деввица с Лешим решила идти.

Идут. Навстречу медведь попадается,
Деввица вскрикнула — страх обуял.
Хохотом Лешего лес наполняется:
«Смерть не страшна, а медведь испугал!

Экой лесок, что ни дерево — чудо!
Девонька! глянь-ка, какие стволы!
Глянь на вершины — с синицу оттуда
Кажутся спящие летом орлы!
Темень тут вечная, тайна великая,
Солнце сюда не доносит лучей,
Буря взиграет — ревущая, дикая —
Лес не подумает кланяться ей!
Только вершины поропщут тревожно...
Ну, полезай! подсажу осторожно...
Люб тебе, девица, лес вековой!
С каждого дерева броситься можно
Вниз головой!»

С У Д
Современная повесть

I

«Однажды, зимним вечерком»
Я перепуган был звонком,
Внезапным, властным... Вот опять!
Зачем и кто — как угадать?
Как сладить с бедной головой,
Когда врывается толпой
В нее тревожных мыслей рой?

*Вечерний звон! вечерний звон!
Как много дум наводит он!*¹

За много лет всю жизнь мою
Припомнил я в единый миг,
Припомнил каждую статью
И содержанье двух-трех книг,
Мной сочиненных. Вспоминал
Я также то, где я бывал,
О чем и с кем вступал я в спор;
А звон неумолим и скор
Меж тем на миг не умолкал,
Пока я брюки надевал...

О невидимая рука!
Не обрывай же мне звонка!
Тотчас я силы соберу,
Зажгу свечу — и отопру.

¹ Козлов. (Прим. Н. А. Некрисова.)

Гляжу — чуть теплится камин.
Невинный «Модный магазин»
(Издательницы Софьи Мей),
И письма — память лучших дней —
Жены теперешней моей,
Когда, наивна и мила,
Она невестою была,
И начатой недавно труд,
И мемуары — весом с пуд —
И приглашенья двух вельмож,
В дома которых был я вхож, —
До прейскуранта крымских вин
Всё быстро бросил я в камин!
И если б истребленья дух
Насытить время я имел,
Камин бы долго не потух.
Но колокольчик мой звенел —
Что миг — настойчивей и злей.
Пылай, камин! Гори скорей,
Записок толстая тетрадь!
Пора мне гостя принимать...

Ну, догорела! Выхожу
В гостиную — и нахожу
Жену... О верная жена!
Ни слез, ни жалоб, лишь бледна.
Блажен, кому дана судьбой
Жена с геройскою душой,
Но тот блаженней, у кого
Нет близких ровно никого...
«Не бойся ничего! поверь,
Все пустяки!» — шепчу жене,
Но голос изменяет мне.
Иду — и отворяю дверь...
*Одно из славных русских лиц*¹,
Со взором кротким без границ,
Полуопущенным к земле,
*С печатью тайны на челе*²,
Тогда предстал передо мной
Администратор молодой.

¹ Лермонтов. (Прим. Н. А. Некрасова.)

² Веневитинов. (Прим. Н. А. Некрасова.)

Не только этот грустный взор,
Формально все — до звука шпор —
Так деликатно было в нем,
Что с этим тактом и умом
Он даже больше был бы мил,
Когда бы меньше был уныл.
Кивнув угрюмо головой,
Я указал ему на стул,
Не сел он; стоя предо мной,
Он лист бумаги развернул
И подал мне. Я прочитал
И ожил — духом просиял!

Вечерний звон! вечерний звон!
Как много дум наводит он!
Порой таких ужасных дум,
Что и действительность сама
Не помрачает так ума,
Напротив, возвращает ум!

«Судить назначено меня
При публике, при свете дня! —
Я крикнул весело жене, —
Прочти, мой друг! Поди ко мне!»
Жена поспешно подошла
И извещение прочла:
«Понеже в вашей книге есть
Такие дерзкие места,
Что оскорбилась чья-то честь
И помрачилась красота,
То вас за дерзость этих мест
Начальство отдало под суд,
А книгу взяло под арест». —
И дальше чин, и подпись тут.
Я сущность передал — но слог...
Я слога передать не мог!
Когда б я слог такой имел,
Когда б владел таким пером,
Я не дрожал бы, не бледнел
Перед нечаянным звонком...

Заметив радость, а не злость
В лице моем, почтенный гость

Любезно на меня взглянул.
Вновь указав ему на стул,
Я папиросу предложил.
Он сел и скромно закурил.
Тогда беседа началась
О том, как многое у нас
Несовершенно; как далек
Тот возжеланный идеал,
Какого всякий бы желал
Родному краю: нет дорог,
В торговле плутни и застой,
С финансами хоть волком вой,
Мужик не чувствует добра,
Et caetera, et caetera...¹
Уж час в беседе пролетел,
А не коснулись между тем
Мы очень многих важных тем,
Но тут огарок догорел,
Дымясь,— и вдруг расстались мы
Среди зловония и тьмы.

II

Ну, суд, так суд! В судебный зал
Сберется грозный трибунал,
Придут враги, придут друзья,
Предстану — обвиненный — я,
И этот труд, горячий труд
Анатомировать начнут!

Когда я отроком блуждал
По тихим волжским берегам,
«Суд в подземелье» я читал —
Жуковского поэму, — там,
Что стих, то ужас: темный свод,
Грозя обрушиться, гнетет;
Визжа, заржавленная дверь
Поет: «Не вырвешься теперь!»
И ряд угрюмых клобуков
При бледном свете ночников,

¹ И так далее, и так далее... (франц.)

Кивая, вторит ей в ответ:
«Преступнику спасенья нет!»
Потом, я помню, целый год
Во сне я видел этот свод,
Монахов, стражей, палачей;
И живо так в душе моей
То впечатленье детских дней,
Что я и в зрелые года
Боюсь подземного суда.
Вот почему я ликовал,
Когда известье прочитал,
Что гласно буду я судим,—
Хоть утверждают: гласность — дым.
Оно, конечно: гласный суд —
Все ж суд. Притом же, говорят,
Там тоже спуску не дают;
Посмотрим, в чем я виноват.
(Сажусь читать, надев халат.)

Каких задач, каких трудов
Для человеческих голов
Враждебный рок не задавал?
Но — литератор прежних дней!
Ты никогда своих статей
С подобным чувством не читал,
Как я в ту роковую ночь.
Скажу вам прямо — скрытность прочь,—
Я с точки зрения судьи
Всю ночь читал мои статьи.
И нечто странное со мной
Происходило... Боже мой!
То, оправданья подобрав,
Я говорил себе: я прав!
То сам себя воображал
Таким злодеем, что дрожал
И в зеркало гляделся я...
Занятые скверное, друзья!

Примите добрый мой совет,
Писатели грядущих лет!
Когда постигнет вас беда,
Да будет чужд ваш бедный ум

Судебно-полицейских дум,—
Оставьте дело до суда!
Нет пользы голову трудить
Над тем, что будут говорить
Те, коих дело обвинять,
Как наше — книги сочинять.
А если нервы не уснут
На милом слове «гласный суд»,
Подлей побольше рому в чай
И безмятежно засыпай!..

III

Заснул и я, но тяжек сон
Того, кто горем удручен.
Во сне я видел, что герой
Моей поэмы роковой,
С полуобритой головой,
В одежде арестантских рот,
Вдоль по Владимирке идет.
А дева, далеко отстав,
По плечам кудри разметав,
Бежит за милым, на бегу
Нырять по груди в снегу,
Бежит, и плачет, и поет...

Дитя фантазии моей,
Не плачь! До снеговых степей,
Я знаю, дело не дойдет.
В твоей судьбе середины нет:
Или увидишь божий свет,
Или — преступной признана —
С позором будешь сожжена!
Итак, молись, моя краса,
Чтобы по милости твоей
Не стали наши небеса
Еще туманней и темней!

Потом другой я видел сон,
И был безмерно горек он:
Вхожу я в суд — и на скамьях
Друзей, родных встречает взор,

Но не участие в их чертах —
Негодование и укор!
Они мне взглядом говорят:
«С тобой мы незнакомы, брат!»
— Что с вами, милые мои? —
Тогда невольно я спросил;
Но только я заговорил,
Толпа покинула скамьи,
И вдруг остался я один,
*Как голый пенёк среди долин*¹
Тогда, отчаяньем объят,
Я разревелся пред судом
И повинился даже в том,
В чем вовсе не был виноват!..

Проснувшись, долго помышлял
Я о моем жестоком сне,
Мужаться слово я давал,
Но страшно становилось мне:
Ну, как и точно разревусь,
От убеждений отрекусь?
Почем я знаю: хватит сил
Или не хватит — устоять?..
И начал я припоминать,
Как развивался я, как жил:
Родился я в большом доме,
Напоминающем тюрьму,
В котором грозный властелин
Свободно действовал один,
Держа под страхом всю семью
И челядь жалкую свою;
Рассказы няни о чертях
Вносили в душу тот же страх;
Потом я в корпус поступил
И там под тем же страхом жил.
Случайно начал я писать, —
Тут некий образ посещать
Меня в часы работы стал:
С пером, со стклянкою чернил
Он над душой моей стоял,

¹ Лермонтов. (Прим. Н. А. Некрасова.)

Воображение леденил,
У мысли крылья обрывал.
Но не доволен был он строг,
И я терпел еще за то,
Что он подчас мой труд берег
Или вычеркивал не то.
И так писал я двадцать лет
И вышел я — такой поэт,
Каким я выйти мог... Да, да!
Грозит последняя беда...
Пошли вам бог побольше сил!
Меня же так он сотворил,
Что мимо будки городской
Иду с стесненною душой,
И, право, я не поручусь,
Что пред судом не разревусь...

IV

Не так счастливец молодой
Идет в таинственный покой,
Где, нетерпения полна,
Младая ждет его жена,
С каким я трепетом вступал
В тот роковой, священный зал,
Где жизнь и смерть, и честь людей
В распоряжении судей.
Герой — а я теперь герой —
Быть должен весь перед тобой,
О публика! во всей красе...
Итак, любуйся: я плешив,
Я бледен, нервен, я чуть жив,—
И таковы почти мы все.
Но ты не думай, что тебя
Хочу разжалобить: любя
Свой труд — я вовсе не ропщу,
Я сожалений не ищу;
«Коварный рок», «жестокий рок»
Не больше был ко мне жесток,
Как и к любому бедняку
То правда: рос я не в шелку,
Под бурей долго я стоял,»

Меня тиранила нужда,
Гнела любовь, гнела вражда;
Мне граф Орлов мораль читал,
И цензор слог мой исправлял, —
Но не от этих общих бед
Я слаб и хрупок, как скелет.
Ты знаешь, я — «любимец муз»,
А невозможно рассказать,
Во что обходится союз
С иною музой; благодать
Тому, чья муза не бойка:
Горит он редко и слегка.
Но горе, ежели она
Славолюбива и страстна.
С железной грудью надо быть,
Чтоб этим ласкам отвечать,
Объяття эти выносить,
Кипеть, гореть — и погасать,
И вновь гореть — и снова стыть.
Довольно! разве досказать —
Удобный случай благо есть,
Что я, когда начну писать, —
Перестаю и спать, и есть...

Не то, чтоб ощутил я страх,
Когда уселись на местах
И судьи и народ честной,
Интересующийся мной,
И приготовился читать
Тот, чье призванье — обвинять;
Но живо вспомнил я тогда
Счастливой юности года,
Когда придешь, бывало, в класс
И знаешь: сечь начнут сейчас!

Толпа затихла, начался
Доклад — и длился два часа...

Я в деле собственном моем,
Конечно, не судья; но в том,
Что обвинитель мой читал,
Своей статьи я не узнал,
Так пахарь был бы удивлен,

Когда бы рожь посеял он,
А уродилось бы зерно
Ни рожь, ни греча, ни пшено,—
Ячень колючий — и притом
Наполовину с дурманом!
О прокурор! ты не статью,
Ты душу вывернул мою!
Слагая образы мои,
Я только голосу любви
И строгой истины внимал,
А ты так ясно доказал,
Что я законы нарушал!

Но где ж не грозен прокурор?..
Смягченный властью судей,
Не так был грозен приговор:
Без поэтических затей,
Не на утесе вековом,
Где море пенится кругом
И бьется жадною волной
О стены башни крепостной,—
На гауптвахте городской,
Под вечным смрадом тютюна,
Я месяц высидел сполна...
Там было сыро; по углам
Белела плесень; по стенам
Клопы гуляли; в щели рам
Дул ветер, порошил снежок.
Сиди-посиживай, дружок!
Я спать здоров, но сон был плох
По милости проклятых блох.
Другая, горшая беда:
В мой скромный угол иногда
Являлся гость: дебош ночной
Свершив, гвардейский офицер,
Любезный, статный, молодой
И либеральный выше мер,
День-два беседовал со мной.
Уйдет один, другой придет
И те же басенки плетет...

Блоха — бессонница — тютюн —
Усатый офицер-болтун —

Тютюн — бессонница — блоха —
Все это мелочь, чепуха!
Но веришь ли, читатель мой!
Так иногда с блохами бой
Был тошен; смрадом тютюна
Так жизнь была отравлена,
Так больно клоп меня кусал
И так жестоко донимал
Что день, то новый либерал,
Что я закаялся писать...
Бог весть, увидимся ль опять!..

Э П И Л О Г

Зимой поэт молчал упорно,—
Зимой писать охоты нет;
Но вотдохнула благотворно
Весна — не выдержал поэт!
Вновь пишет он, призванью верен.
Пиши, но будь благонамерен!
И не рискуй опять попасть
На гауптвахту или в часть!

Э Й, И В А Н!

(Тип недавнего прошлого)

Вот он весь, как намалеван,
Верный твой Иван:
Неумыт, угрюм, оплеван,
Вечно полупьян;
На желудке мало пищи,
Чуть живой на взгляд.
Не прикрыты, голенищи
Рыжие торчат;
Вечно теплая шапчонка
Вся в пуху на нем,
Туго стянут сюртучонко
Узким ремешком;
Из кармана кончик трубки
Виден, да кисет.
Разве новенькие зубки
Выйдут — старых нет...

Род его тысячелетний
Не имел угла —
На запятках и в передней
Жизнь веками шла.
Ремесла Иван не знает,
Делай, что дают:
Шьет, кует, варит, строгают,
Не потрафил — бьют!
«Заживет!» Грубит, ворует,
Божится и врет,
И за рюмочку целует
Ручки у господ.

Выпить может сто стаканов —
Только подноси...
Мало ли таких Иванов
На святой Руси?..

«Эй, Иван! иди-ка стряпать!
Эй, Иван! чеши собак!»
Удалось Ивану сцапать
Где-то четвертак,
Поминай теперь, как звали!
Шапку набекрень —
И пропал! Напрасно ждали
Ваньку целый день:
Гитарист и соблазнитель
Деревенских дур
(Он же тайный похититель
Индюков и кур),
У корчемника Игнатки
Приютился плут,
Две пригожие солдатки
Так к нему и льнут.
«Эй вы, павы, павы, павы!
Шевелись живей!»
В Ваньке пляшут все суставы
С ног и до ушей,
Пляшут ноздри, пляшет в ухе
Белая серьга.
Ванька весел, Ванька в духе —
Жизнь недорога!

Утром с барином расправа:
«Где ты пропадал?»
— Я... нигде-с... ей-богу... право...
У ворот стоял! —
«Весь-то день?..» Ответы грубы,
Ложь глупа, нагла;
Были зубы — били в зубы,
Нет, — трещит скула.
— Виноват! — порядком струся,
Говорит Иван.
«Жарь к обеду с кашей гуся,
Щи вари, болван!»

Ванька снова лямку тянет,
А потом опять
Что-нибудь у дворни стянет...
«Неужли плошать?
Коли плохо положили —
Стало, не запрет!»
Господа давно решили,
Что души в нем нет.
Неизвестно — есть ли, нет ли,
Но с ним случай был:
Чуть живого сняли с петли,
Перед тем грустил.
Господам конфузно было:
— Что с тобой, Иван?
«Так, под сердце подступило».
И глядят: не пьян!
Говорит: «Вы потеряли
Верного слугу,
Все равно — помру с печали,
Жить я не могу!
А всего бы лучше с глотки
Петли не снимать...»
Сам помещик выслал водки
Скуку разогнать,
Пил детина ерофеич,
Плакал да кричал:
«Хоть бы раз Иван Мосеич
Кто меня назвал!..»

Как мертвецки накатили,
В город тем же днем:
«Лишь бы лоб ему забрили —
Вешайся потом!»

Понадеялись на дружбу,
Да не та пора:
Сдать беззубого на службу
Не пришлось. «Ура!»
Ванька снова водворился
У своих господ
И совсем от рук отбился,
Без просыпу пьет.

Хоть бы в каторгу уroda —
Лишь бы с рук долой!
К счастью, тут пришла свобода:
«С богом, милый мой!»

И, затерянный в народе,
Вдруг исчез Иван...
Как живешь ты на свободе?
Где ты?.. Эй, Иван!

С РАБОТЫ

— Здравствуй, хозяйюшка! Здравствуйте, детки!

Выпить бы. Эки стоят холода!

«Или ты забыл, что намедни последки

Выпил с десятником?»

— Ну, не беда!

И без вина отогреюсь я, грешный,

Ты обряди-ка савраску, жена,

Поголодал он весною, сердечный,

Как подобрались сеня.

Эк я умаялся!.. Что, обрядила?

Дай-ка горяченьких щец.

«Печи я нынче, родной, не топила,

Не было, знаешь, дровец!»

— Ну, и без щей поснедаю я, грешный.

Ты овсеца бы савраске дала,—

В лето один он управил, сердечный,

Пашни четыре тягла.

Трудно и нынче нам с бревнами было,

Портится путь... Ин и хлебушка нет?..

«Вышел, родной... У соседей просила,

Завтра сулили чем свет!»

— Ну, и без хлеба улягусь я, грешный.

Кинь под савраску соломки, жена!

В зиму-то вывез он, вывез, сердечный,

Триста четыре бревна...

МАТЬ

Она была исполнена печали,
И между тем как, шумны и резвы,
Три отрска вокруг нее играли,
Ее уста задумчиво шептали:
«Несчастные! зачем родились вы?
Пойдете вы дорогою прямою,
И вам судьбы своей не избежать!»
Не омрачай веселья их тоскою,
Не плачь над ними, мученица-мать!
Но говори им с молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее —тернового венка...

Не рыдай так безумно над ним,
Хорошо умереть молодым!

Беспощадная пошлость ни тени
Положить не успела на нем;
Становись перед ним на колени,
Украшай его кудри венком!
Перед ним преклониться не стыдно,
Вспомни, сколько пали в борьбе,
Сколько раз уже было тебе
За великое имя обидно!
А теперь его слава прочна:
Под холодную крышку гроба
На нее не наложат пятна
Ни ошибка, ни сила, ни злоба...

Не хочу я сказать, что твой брат
Не был гордою волей богат,
Но, ты знаешь, кто ближнего любит
Больше собственной славы своей,
Тот и славу сознательно губит,
Если жертва спасает людей.
Но у жизни есть мрачные силы —
У кого не слабели шаги
Перед дверью тюрьмы и могилы?
Долговечность и слава — враги.

Русский гений издавна венчает
Тех, которые мало живут,
О которых народ замечает:
«У счастливого недруги мрут,
У несчастного друг умирает...»

* * *

Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!

Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу вселенского горя
Всю расплещи!..

ДОМА — ЛУЧШЕ!

В Европе удобно, но родины ласки
Ни с чем не сравнимы. Вернувшись домой,
В телегу спешу пересесть из коляски —
И марш на охоту! Денек недурной,

Под солнцем осенним родная картина
Отвыкшему глазу нова...
О матушка Русь! ты приветствуешь сына
Так нежно, что кругом идет голова!

Твои мужики на меня выгоняли
Зверей из лесов целый день.
А ночью возвратный мой путь освещали
Пожары твоих деревень.

* * *

Наконец, не горит уже лес,
Снег прикрыл почернелые пеня,
Но помещик душой не воскрес,
Потеряв половину имения.

Приуныл и мужик.— Чем я буду топить? —
Говорит он, лицо свое хмуря.
«Ты не будешь топить — будешь пить», —
Завывает в ответ ему буря...

ДЕДУШКА

(Посвящается З-н-ч-е)

I

Раз у отца, в кабинете,
 Саша портрет увидал,
 Изображен на портрете
 Был молодой генерал.
 «Кто это? — спрашивал Саша, —
 Кто?..» — Это дедушка твой. —
 И отвернулся папаша,
 Низко поник головой.
 «Что же не вижу его я?»
 Папа ни слова в ответ.
 Внук, перед дедушкой стоя.
 Зорко глядит на портрет:
 «Папа, чего ты вздыхаешь?
 Умер он... жив? говори!»
 — Вырастешь, Саша, узнаешь.
 «То-то... ты скажешь, смотри!..»

II

«Дедушку знаешь, мамаша?» —
 Матери сын говорит.
 — Знаю, — и за руку Саша
 Маму к портрету тащит,
 Мама идет против воли.
 «Ты мне скажи про него,
 Мама! недобрый он, что ли,
 Что я не вижу его?

Ну, дорогая! ну, сделай
Милость, скажи что-нибудь!»
— Нет, он и добрый и смелый,
Только несчастный.— На грудь
Голову скрыла мамаша,
Тяжко вздыхает, дрожит —
И зарыдала... А Саша
Зорко на деда глядит:
«Что же ты, мама, рыдаешь,
Слова не хочешь сказать!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь.
Лучше пойдем-ка гулять...

III

В доме тревога большая.
Счастливы, светлы лицом,
Заново дом убирая,
Шепчутся мама с отцом.
Как весела их беседа!
Сын подмечает, молчит.
— Скоро увидишь ты деда! —
Саше отец говорит...
Дедушкой только и бредит
Саша,— не может уснуть:
«Что же он долго не едет?..»
— Друг мой! Далеко ему путь! —
Саша тоскливо вздыхает,
Думает: «Что за ответ!»
Вот наконец приезжает
Этот таинственный дед.

IV

Все, уж давно поджидая,
Встретили старого вдруг...
Благословил он, рыдая,
Дом, и семейство, и слуг,
Пыль отряхнул у порога,
С шеи торжественно снял

Образ распятого бога
И, покрестившись, сказал:
— Днесь я со всем примирился,
Что потерпел на веку!.. —
Сын пред отцом преклонился,
Ноги омыл старику;
Белые кудри чесала
Дедушке Сашина мать,
Гладила их, целовала,
Сашу звала целовать.
Правой рукою мамашу
Дед обхватил, а другой
Гладил румяного Сашу:
— Экой красавчик какой! —
Дедушку пристальным взглядом
Саша рассматривал, — вдруг
Слезы у мальчика градом
Хлынули, к дедушке внук
Кинулся: «Дедушка! где ты
Жил-пропадал столько лет?
Где же твои эполеты,
Что не в мундир ты одет?
Что на ноге ты скрываешь?
Ранена, что ли, рука?..»
— Вырастешь, Саша, узнаешь.
Ну, поцелуй старика!..

V

Повеселел, оживился,
Радостью дышит весь дом.
С дедушкой Саша сдружился,
Вечно гуляют вдвоем.
Ходят лугами, лесами,
Рвут васильки среди нив;
Дедушка древен годами,
Но еще бодр и красив,
Зубы у дедушки целы,
Поступь, осанка тверда,
Кудри пушисты и белы,
Как серебро борода;

Строен, высокого роста,
Но как младенец глядит,
Как-то апостольски просто,
Ровно всегда говорит...

VI

Выйдут на берег покатый
К русской великой реке —
Свищет кулик вороватый,
Тысячи лап на песке;
Барку ведут бечевою,
Чу, бурлаков голоса!
Ровная гладь за рекою —
Нивы, покосы, леса.
Легкой прохладой дует
С медленных дремлющих вод...
Дедушка землю целует,
Плачет — и тихо поет...
«Дедушка! что ты роняешь
Крупные слезы, как град?..»
— Вырастешь, Саша, узнаешь!
Ты не печалься — я рад...

VII

Рад я, что вижу картину,
Милую с детства глазам.
Глянь-ка на эту равнину —
И полюби ее сам!
Две-три усадьбы дворянских,
Двадцать господних церквей,
Сто деревенок крестьянских
Как на ладони на ней!
У леса стадо пасется —
Жаль, что скотинка мелка;
Песенка где-то поется —
Жаль — неисходно горька!
Ропот: «Подайте же руку
Бедным крестьянам скорей!»

Тысячелетнюю муку,
Саша, ты слышишь ли в ней?..
Надо, чтоб были здоровы
Овцы и лошади их,
Надо, чтоб были коровы
Толще московских купчих,—
Будет и в песне отрада,
Вместо унынья и мук.
Надо ли? — «Дедушка, надо!»
— То-то! попомни же, внук!..

УШ

Озими пышному восходу,
Каждому цветику рад,
Дедушка хвалит природу,
Гладит крестьянских ребят.
Первое дело у деда
Потолковать с мужиком,
Тянется долго беседа,
Дедушка скажет потом:
«Скоро вам будет нетрудно,
Будете вольный народ!»
И улыбнется так чудно,
Радостью весь расцветет.
Радость его разделяя,
Прыгало сердце у всех.
То-то улыбка святая!
То-то пленительный смех!

ІХ

— Скоро дадут им свободу,—
Внуку старик замечал: —
Только и нужно народу.
Чудо я, Саша, видал:
Горсточку русских сослали
В страшную глушь за раскол,
Волю да землю им дали;
Год незаметно прошел —
Едут туда комиссары,
Глядь — уж деревня стоит;

Риги, сараи, амбары!
В кузнице молот стучит,
Мельницу выстроят скоро.
Уж запаслись мужики
Зверем из темного бора,
Рыбой из вольной реки.
Вновь через год побывали,
Новое чудо нашли:
Жители хлеб собирали
С прежде бесплодной земли.
Дома одни лишь ребята
Да здоровенные псы,
Гуси кричат, поросята
Тычут в корыто носы...

Х

Так постепенно в полвека
Вырос огромный посад —
Воля и труд человека
Дивные дивы творят!
Все принялось, раздобрело!
Сколько там, Саша, свиней,
Перед селением бело
На полверсты от гусей;
Как там возделаны нивы,
Как там обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители, бодры всегда,
Видно — ведется копейка!
Бабу там холит мужик:
В праздник на ней душегрейка —
Из соболей воротник!

ХІ

Дети до возраста в неге,
Конь — хоть сейчас на завод,
В кованой, прочной телеге
Сотню пудов увезет...
Сыты там кони-то, сыты,
Каждый там сыто живет,

Тесом там избы-то крыты,
Ну, уж зато и народ!
Взросшие в нравах суровых,
Сами творят они суд,
Рекрутов ставят здоровых,
Трезво и честно живут,
Подати платят до срока,
Только ты им не мешай.
«Где ж та деревня?» — Далеко,
Имя ей: *Тарбагатай*,
Страшная глушь, за Байкалом...
Так-то, голубчик ты мой,
Ты еще в возрасте малом,
Вспомнишь, как будешь большой...

ХП

Ну... а покуда подумай,
То ли ты видишь кругом:
Вот он, наш пахарь угрюмый,
С темным, убитым лицом:
Лапти, лохмотья, шапчонка,
Рваная сбруя; едва
Тянет косулю клячонка,
С голоду еле жива!
Голоден труженик вечный,
Голоден тоже, божусь!
Эй! отдохни-ко, сердечный!
Я за тебя потружусь! —
Глянул крестьянин с испугом,
Барину плуг уступил;
Дедушка долго за плугом,
Пот отирая, ходил;
Саша за ним торопился,
Не успевал догонять:
«Дедушка! где научился
Ты так отлично пахать?
Точно мужик, управляешь
Плугом, а был генерал!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь,
Как я работником стал!

ХІІІ

Зрелище бедствий народных
Невыносимо, мой друг;
Счастье умов благородных
Видеть довольство вокруг.
Нынче полегче народу:
Стих, притаился в тени
Барин, прослышав свободу...
Ну, а как в наши-то дни!

Словно как омут, усадьбу
Каждый мужик объезжал.
Помню ужасную свадьбу,
Поп уже кольца менял,
Да, на беду, помолиться
В церковь помещик зашел:
«Кто им позволил жениться?
Стой!» — и к попу подошел...
Остановилось венчанье!
С барином шутка плоха —
Отдал наглец приказанье
В рекруты сдать жениха,
В девичью — бедную Грушу!
И не перечил никто!..
Кто же имеющий душу
Мог это вынести?.. кто?..

ХІV

Впрочем, не то еще было!
И не одни господа —
Сок из народа давила
Подлых подъячих орда.
Что ни чиновник — стяжатель,
С целью добычи в поход
Вышел... а кто неприятель?
Войско, казна и народ!
Всем доставалось исправно.
Стачка, порука кругом:
Смелые грабили явно,
Трусы тащили тайком.

Непроницаемой ночи
Мрак над страну висел...
Видел — имеющий очи
И за отчизну болел.
Стоны рабов заглушая
Лестью да свистом бичей,
Хищников алчная стая
Гибель готовила ей...

XV

Солнце не вечно сияет,
Счастье не вечно везет:
Каждой стране наступает
Рано иль поздно черед,
Где не покорность тупая —
Дружная сила нужна;
Грянет беда роковая —
Скажется миготом страна.
Единодушие и разум
Всюду дадут торжество,
Да не придут они разом,
Вдруг не создашь ничего, —
Красноречивым воззваньем
Не разогреешь рабов,
Не озаришь пониманьем
Темных и грубых умов.
Поздно! Народ угнетенный
Глух перед общей бедой.
Горе стране разоренной!
Горе стране отсталой!..
Войско одно — не защита.
Да ведь и войско, дитя,
Было в то время забито,
Лямку тянуло кряхтя...

XVI

Дедушка кстати солдата
Встретил, вином угостил,
Поцеловавши, как брата,
Ласково с ним говорил:

— Нынче вам служба не бремя —
Кротко начальство теперь...
Ну, а как в наше-то время!
Что ни начальник, то зверь!
Душу вколачивать в пятки
Правилом было тогда.
Как ни трудись, недостатки
Сыщет начальник всегда:
«Есть в маршировке старанье,
Стойка исправна совсем,
Только заметно дыханье...»
Слышишь ли?.. дышат зачем!

ХVII

А недоволен парадом —
Ругань польется рекой,
Зубы посыплются градом,
Порет, гоняет сквозь строй!
С пеною у рта обрыщет
Весь перепуганный полк,
Жертв покрупнее приищет
Остервенившийся волк:
«Франтики! подлые души!
Под караулом сгною!»
Слушал — имеющий уши,
Думушку думал свою.
Брань пострашней караула,
Пуль и картечи страшней...
Кто же, в ком честь не уснула,
Кто примирился бы с ней?..
«Дедушка! ты вспоминаешь
Страшное что-то?.. скажи!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь.
Честью всегда дорожи.
Взрослые люди — не дети,
Трус — кто сторицей не мстит!
Помни, что нету на свете
Неотразимых обид.

XVIII

Дед замолчал и уныло
Голову свесил на грудь.
— Мало ли, друг мой, что было!..
Лучше пойдем отдохнуть.—
Отдых недолог у деда —
Жить он не мог без труда:
Гряды копал до обеда,
Переплетал иногда;
Вечером шилом, иглой
Что-нибудь бойко тачал,
Песней печальной и долгой
Дедушка труд сокращал.
Внук не проронит ни звука,
Не отойдет от стола:
Новой загадкой для внука
Дедова песня была...

XIX

Пел он о славном походе
И о великой борьбе;
Пел о свободном народе
И о народе-рабе;
Пел о пустынях безлюдных
И о железных цепях;
Пел о красавицах чудных
С ангельской лаской в очах;
Пел он об их увяданье
В дикой, далекой глуши
И о чудесном влиянье
Любящей женской души...
О Трубецкой и Волконской
Дедушка пел — и вздыхал,
Пел — и тоской вавилонской
Келью свою оглашал...
«Дедушка, дальше!.. А где ты
Песенку вызнал свою?
Ты повтори мне куплеты —
Я их мамаше спою.
Те имена поминаешь
Ты иногда по ночам...»

— Вырастешь, Саша, узнаешь —
Все расскажу тебе сам!
Где научился я пенью,
С кем и когда я певал...
«Ну! приучусь я к терпенью!» —
Саша уныло сказал...

XX

Часто каталися летом
Наши друзья в челноке,
С громким, веселым приветом
Дед приближался к реке:
— Здравствуй, красавица Волга!
С детства тебя я любил.
«Где ж пропадал ты так долго?» —
Саша несмело спросил.
— Был я далеко, далеко...
«Где же?..» Задумался дед.
Мальчик вздыхает глубоко,
Вечный предвидя ответ.
«Что ж, хорошо ли там было?»
Дед на ребенка глядит:
— Лучше не спрашивай, милый!
(Голос у деда дрожит.)
Глухо, пустынно, безлюдно,
Степь полумертвая сплошь.
Трудно, голубчик мой, трудно!
По году весточки ждешь,
Видишь, как тратятся силы —
Лучшие божьи дары,
Близким копаешь могилы,
Ждешь и своей до поры...
Медленно-медленно таешь...
«Что ж ты там, дедушка, жил?..»
— Вырастешь, Саша, узнаешь! —
Саша слезу уронил...

XXI

«Господи! слушать наскучит!
Вырастешь! — мать говорит,
Папочка любит, а мучит:
Вырастешь — тоже твердит!

То же и дедушка... Полно!
Я уже вырос — смотри!..
(Стал на скамеечку челна)
Лучше теперь говори!..»
Деда целует и гладит:
«Или вы все заодно?..»
Дедушка с сердцем не сладит,
Бьется, как голубь, оно.
«Дедушка, слышишь? хочу я
Все непременно узнать!»
Дедушка, внука целуя,
Шепчет: — Тебе не понять.
Надо учиться, мой милый!
Все расскажу, погоди!
Пособерись-ка ты с силой,
Зорче кругом погляди.
Умник ты, Саша, а все же
Надо историю знать
И географию тоже.
«Долго ли, дедушка, ждать?»
— Годик, другой, как случится.—
Саша к мамаше бежит:
«Мама! хочу я учиться!» —
Издали громко кричит.

XXII

Время проходит. Исправно
Учится мальчик всему —
Знает историю славно
(Лет уже десять ему),
Бойко на карте покажет
И Петербург и Читу,
Лучше большого расскажет
Многое в русском быту.
Глупых и злых ненавидит,
Бедным желает добра,
Помнит, что слышит и видит...
Дед примечает: пора!
Сам же он часто хворает,
Стал ему нужен костыль...
Скоро уж, скоро узнает
Саша печальную быль...

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКИМ ДЕТЯМ

I

ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

1

В августе, около «Малых Вежей»
С старым Мазаем я бил дупелей.

Как-то особенно тихо вдруг стало,
На небе солнце сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на нем,
А разразилась жестоким дождем!

Прямы и светлы, как прутья стальные,
В землю вонзались струи дождевые

С силой стремительной... Я и Мазай,
Мокрые, скрылись в какой-то сарай.

Дети, я вам расскажу про Мазая.
Каждое лето домой приезжая,

Я по неделе гощу у него.
Нравится мне деревенька его:

Летом ее убирая красиво,
Исстари хмель в ней родится на диво,

Вся она тонет в зеленых садах;
Домики в ней на высоких столбах

(Всю эту местность вода понимает,
Так что деревня весною всплывает,

Словно Венеция). Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.

Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной дорогой ходить ему — скупа!

За сорок верст в Кострому напрямиком
Сбегать лесами ему нипочем:

«Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно». — А леший? — «Не верю!

Раз в кураже я их звал-поджидал
Целую ночь, — никого не видал!

За день грибов собираешь корзину,
Ешь мимоходом бруснику, малину;

Вечером пеночка нежно поет,
Словно как в бочку пустую угод

Ухает; сыч разлетается к ночи,
Рожки точены, рисованы очи.

Ночью... ну, ночью робел я и сам:
Очень уж тихо в лесу по ночам.

Тихо как в церкви, когда отслужили
Службу и накрепко дверь затворили, —

Разве какая сосна заскрипит,
Словно старуха во сне проворчит...»

Дня не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,

Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять.

Впрочем, в отчаянье он не приходит:
Выпалят дедушка — заяц уходит,

Дедушка пальцем косому грозит:
«Врешь — упадешь!» — добродушно кричит.

Знает он много рассказов забавных
Про деревенских охотников славных:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,

Сядет за кустом — тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит — и грянет!

Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.

«Что ты таскаешь горшок с угольками?»
— Больно, родимый, я зябок руками;

Ежели зайца теперь сослежу,
Прежде я сяду, ружье положу,

Над уголочками руки погрею
Да уж потом и палю по злодею!

«Вот так охотник!» — Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.

Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)

Я от Мазая рассказы слышал.
Дети, для вас я один записал...

2

Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями ее не ловили,

Кабы силками ее не давили;
Зайцы вот тоже,— их жалко до слез!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут,—
Нет! еще мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал — их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет —
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нем собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверкам; уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,
Меньше сажени в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: «Прыгайте сами!»
Прыгнули зайцы мои,— ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой:
«То-то! — сказал я,— не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазяя!»
Этак гуторя, плывем в тишине.
Столбик не столбик, зайчишка на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его — тягота не велика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста, как купчиха!
Я ее, дуру, накрыл зипуном —
Сильно дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Сидя, и стоя, и лежа пластом,
Зайцев с десятков спасалось на нем.
«Взял бы я вас — да потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...

Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:

«Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил — и «с богом!» сказал...

И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: «У-х!
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А, чур, зимой
Не попадайся!
Прицелюсь — бух!
И ляжешь... Ууу-х!..»

Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклал — и домой приволок;
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выспались, плотно наелись;
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул — и дали стречка!
Я проводил их все тем же советом:
«Не попадайтесь зимой!»

Я их не бью ни весной, ни летом:
Шкура плохая — линяет косой!..»

II С О Л О В Ы

Качая младшего сына,
Крестьянка старшим говорила:
«Играйте, детушки, пока!
Я сарафан почти дошила;

Сейчас буренку обряжу,
Коня навяжем травку кушать,

И вас в ту рощицу свожу —
Пойдем соловушек послушать.

Там их, что в кузове груздей.
— Да не мешай же мне, проказник! —
У нас нет места веселей;
Весною, дети, каждый праздник

По вечерам туда идут
И стар и молод. На поляне
Девы красные поют,
Гуторят пьяные крестьяне.

А в роще, милые мои,
Под разговор и смех народа
Поют и свищут соловьи
Звончей и слаще хоровода!

И хорошо и любо всем...
Да только — (Клим, не трогай Сашу!) —
Чуть-чуть соловушки совсем
Не разлюбили рощу нашу:

Ведь наш-то курский соловей
В цене — тут много их ловили, —
Ну, испугались сетей,
Да мимо нас и прокатили!

Пришла, рассказывал ваш дед,
Весна, а роща как немая
Стоит — гостей залетных нет!
Взяла крестьян тоска большая.

Уж вот и праздник наступил
И на поляне погуляли,
Да праздник им не в праздник был!
Крестьяне бороды чесали.

И положили меж собой —
Умел же бог на ум наставить —
На той поляне, в роще той
Сетей, силков вовек не ставить.

И понемногу соловьи
Опять привыкли к роще нашей,
И нынче, милые мои,
Им места нет любей и краше!

Туда с сетями сколько лет
Никто и близко не подходит,
И строго-настрого запрет
От деда к внуку переходит.

Зато весной весь лес гремит!
Что день, то новый хор прибует...
Под песни их деревня спит,
Их песня нас поутру будит...

Запомнить надобно и вам,
Избави бог тут ставить сети!
Ведь надо ж бедным соловьям
Дать где-нибудь и отдых, дети...»

Середний сын кота дразнил,
Меньшой полз матери на шею,
А старший с важностью спросил,
Кубарь пуская перед нею:

— А есть ли, мама, для людей
Такие рощицы на свете? —
«Нет, мест таких... без податей
И без рекрутчины, нет, дети.

А если б были для людей
Такие рощи и полянки,
Все на руках своих детей
Туда бы отнесли крестьянки...»

НЕДАВНЕЕ ВРЕМЯ

(А. Н. Еракову)

I

Нынче скромн наш клуб именитый,
 Редки в нем и негромки пиры.
 Где ты, время ухи знаменитой?
 Где ты, время безумной игры?
 Воротили бы, если б могли мы,
 Но, увы! не воротишься ты!
 Прежде были легко уловимы
 Характерные клуба черты:
 В молодом поколении — фатство,
 В стариках, если смею сказать,
 Застарелой тоски тунейдства,
 Самодурства и лени печать.
 А теперь элемент старобарский¹
 Вытесняется быстро: в швейцарской
 Уж лакеи не спят по стенам;
 Изменились и люди и нравы,
 Только старые наши уставы
 Неизменны, назло временам.
 Да Крылов роковым переменам
 Не подвергся (во время онó
 Старый дедушка был у нас членом,
 Бюст его завели мы давно)...

Прежде всякая новость отсюда
 Разносила в другие кружки;
 Мы не знали, что думать, покуда
 Не заявят тузы-старики,

Как смотреть на такое-то дело,
На такую-то меру; ключом
Самобытная жизнь здесь кипела,
Клуб снабжал всю Россию умом...

Не у нас ли впервые раздался
Слух (то было в тридцатых годах),
Что в Совете вопрос обсуждался:
Есть ли польза в железных путях?
— Что ж, признали? — до новостей лаком,
Я спросил у туза-старика:
«Остается покрытая лаком
Резолюция в тайне пока...»

Крепко в душу запавшее слово
Также здесь услышал я впервой:
«Привезли из Москвы Полевого...»
Возвращаясь в тот вечер домой,
Думал я невеселые думы
И за труд неохотно я сел.
Тучи на небе были угрюмы,
Ветер что-то насмешливо пел.
Напевал он тогда, без сомненья:
«Не такие еще поощренья
Встретишь ты на пути роковом»,
Но не понял я песенки спросту,
У Цепного бессмертного мосту
Мне ее пояснили потом...

Получив роковую повестку,
Сбрил усы и пошел я туда.
Сняв с седой головы своей феску
И почтительно стоя, тогда
Князь Орлов прочитал мне бумагу...
Я в ответ заикнулся сказать:
— Если б даже имел я отвагу
Столько дерзких вещей написать,
То цензура... — «К чему оправданья?
Император помиловал вас.
Но смотрите!. Какого вы звания?»
— Дворянин. — «Пробегал я сейчас
Вашу книгу: свободы крестьянства
Вы хотите? На что же тогда

Пригодится вам ваше дворянство?..
Завираетесь вы, господа!
За опасное дело беретесь,
Бросьте! бросьте!.. Ну, бог вас прости!
Только знайте: еще попадетесь,
Я не в силах вас буду спасти...»

Помню я Петрашевского дело,—
Нас оно поразило, как гром,
Даже старцы ходили несмело,
Говорили негромко о нем.
Молодежь оно сильно пугнуло,
Поседели иные с тех пор,
И декабрьским террором пахнуло
На людей, переживших террор.
Вряд ли были тогда демагоги,
Но сказать я обязан, что все ж
Приговоры казались нам строги,—
Мы жалели тогда молодежь.

А война? До царя не скорее
Доходили известья о ней:
Где урон отзывался сильнее?
Кто победу справлял веселей?
Прискакавшего прямо из боя
Здесь не раз мы видали героя
В дни, как буря кипела в Крыму.
Помню, как мы внимали ему:
Мы к рассказчику густо теснились,
И героев войны имена
В нашу память глубоко ложились,
Впрочем, нам изменила она!
Замечательно странное свойство
В нас суровый наш климат развил —
Забываем явивших героизм,
Помним тех, кто себя посрамил:
Кто нагрел свои гнусные руки,
У солдат убавляя паек.
Кто, внимая предсмертные муки,
Прятал русскую корпию впрок
И потом продавал англичанам,—
Всех и мелких и крупных воров,
Отдыхающих с полным карманом,
Не забудем во веки веков!

Все, кем славилась наша столица,
Здесь бывали; куда ни взгляни —
Именитые, важные лица.
Здесь, я помню, в парадные дни
Странен был среди знати высокой
Человек без звезды на груди.
Гость-помещик из глуши далекой
Только рот разевай да гляди:
Здесь посланники всех государей,
Здесь банкиры с тугим кошельком,
Цвет и соль министерств, канцелярий,
Откупные тузы,— и притом
Симметрия рассчитана строго;
Много здесь и померкнувших звезд,
Говоря прозаичнее: много
Генералов, лишившихся мест...

Зажигались сотнями свечи,
Накрывались пышно столы,
Говорились парадные речи...
Говорили министры, послы,
Наши Фоксы и Роберты Пили
Здесь за благо отечества пили,
Здесь бывали интимны они...
Есть и нынче парадные дни,
Но пропала их важность и сила.
Время нашего клуба прошло,
Жизнь течение свое изменила,
Как река изменяет русло...

II

Очень жаль, что тогдашних обедов
Не могу я достойно воспеть,
Тут бы нужен второй Грибоедов...
Впрочем, Муза! не будем робеть!
Начинаю.

— Москва. День субботний.
(Петербург не лишен едоков,
Но в Москве грандиозней, животней
Этот тип.) Среди полных столов

Вот рядом старики объедады:
Впятером им четыреста лет,
Вид их важен, чины их не малы,
Толщиною же равных им нет.
Раздражаясь из каждой безделки,
Порицают неловкость слуги
И от жадности, вместо тарелки,
На салфетку валят пироги;
Шевелясь, как осенние мухи,
Льют, роняют, — беспамятны, глухи;
Взор их медлен, бесцветен и туп.
Скушав суп, старина засыпает
И, проснувшись, слугу вопрошает:
«Человек! подавал ты мне суп?..»
Впрочем, честь их чужда укоризны:
Добывали места для родни
И в сенате на пользу отчизны
Подавали свой голос они.
Жаль, уж их потеряла Россия
И оплакал москвич от души:
Подкосила их «ликантропия»,
Их заели подкожные вши...

— *Петербург.* Вот питух престарелый,
Я так живо припомнил его!
Окружен батареею целой
Разных вин, он не пьет ничего.
Пить любил он; я думаю, море
Выпил в долгую жизнь; но давно
Пить ему запретили (о горе!..).
Старый грешник играет в вино:
Наслаждение его роковое —
Нюхать, чмокать, к свече подносить
И раз двадцать вино дорогое
Из стакана в стакан перелить.
Перельет — и воды подмешает,
Поглядит — и опять перельет;
Кто послушает, как он вздыхает,
Тот мучения старца поймет.
«Выпить, что ли?» — Опаснее яда
Вам вино! — закричал ему врач...
«Ну, не буду! не буду, палач!»
Это сцена из Дантова «Ада»...

Рядом юноша, стройный, красивый,
Схожий в профиль с великим Петром,
Наблюдает с усмешкой ленивой
За соседом своим чудачком.
Этот юноша сам возбуждает
Много мыслей: он так еще млад,
Что в приемах большим подражает:
Приправляет кайеном салат,
Портер пьет, объедается мясом;
Наливая с эффектом вино,
Замечает искусственным басом,—
Отчего перегрето оно?

Очень мил этот юноша свежий!
Меток на слово, в деле удал,
Он уж был на охоте медвежьей,
И медведь ему ребра помял,
Но Сережа осилил медведя.
Кстати тут он узнал и друзей:
Убежали и Миша и Федя,
Не бежал только егерь Корней.
Это в нем скептицизм породило:
«Люди — свиньи!» — Сережа решил
И по-своему метко и мило
Всех знакомых своих окрестил.

Знаменит этот юноша русский:
Отчеканено имя его
На подарках всей труппы французской!
(Говорят, миллион у него.)
Признак русской широкой природы —
Жажду выдвинуть личность свою
Насыщает он в юные годы
Удальством в рукопашном бою,
Гомерической, дикой попойкой,
Приводящей в смятение трактир,
Да игрой, да отчаянной тройкой.
Он своей молодежи кумир,
С ним хорошее общество дружно,
И он счастлив, доволен собой,
Полагая, что больше не нужно
Ничего человеку. Друг мой!
Маловато прочесть два романа

Да поэму «Монго» изучить
(Эту шалость поэта-улана),
Чтоб разумно и доблестно жить.
Недостаточно ухарски править,
Мчась на бешеной тройке стремглав,
Двадцать тысяч на карту поставить
И глазком не моргнуть, проиграв,—
Есть иное величие в мире,
И не торный ведет к нему путь,
Человеку прекрасней и шире
Можно силы свои развернуть!

Если гордость, похвальное свойство,
Ты насытишь рутинным путем,
И недремлющий дух беспокойства
Разрешится одним кутежом;
Если с жизни получишь ты мало,
Не судьба тому будет виной:
Ты другого не знал идеала,
Не провидел ты цели иной!

Впрочем, быть генерал-адъютантом,
Украшенья носить на груди
С меньшим знанием, с меньшим талантом
Можно... Светел твой путь впереди!
Не одно, целых три состоянья
На своем ты веку проживешь:
Как не хватит отцов достоянья,
Ты жену с миллионом возьмешь;
А потом ты повисишься чином —
Подоспеет казенный оклад.
По таким-то разумным причинам
Твоему я бездействию рад!

Жаль одно: на пустые приманки,
Милый юноша! ловишься ты,
Отвратительны эти цыганки,
А друзья твои — точно скоты.
Ты, чей образ в порыве желанья
Ловит женщина страстной мечтой,
Ищешь ты покупного лобзанья,
Ты бежишь за продажной красой!
Ты у старцев, чьи икры на вате,
У кого разжижение в крови,

Отбиваешь с оркестром кровати!
Ты — не знаешь блаженства любви?..

Очень милы балетные феи,
Но не стоят хороших цветов,
Украшать скаковые трофеи
Годны только твоих кучеров.
Те же деньги и то же здоровье
Мог бы ты поумнее убить, —
Не хочу я впадать в пустословье
И о честном труде говорить.
Не ленив человек современный,
Но на что расточается труд?
Чем работать для цели презренной,
Лучше пусть эти баловни пьют...

Знал я юношу: в нем сочетались
Дарованье, ученость и ум,
Сочиненья его покупались,
А одно даже сделало шум.
Но, к несчастью, был он помешан
На комфорте — столичный недуг, —
Каждый час его жизни был взвешен,
Вечно было ему недосуг:
Чтоб приставить кушетку к камину,
Чтоб друзей угощать за столом,
Он по месяцу, сгорбивши спину,
Изнывал за постылым трудом.
«Знаю сам, — говорил он частенько, —
Что на лучшее дело гожусь,
Но устроюсь сперва хорошенько,
А потом и серьезно займусь».
Суетился, спешил, торопился,
В день по несколько лекций читал;
Секретарствовал где-то, учился
В то же время, статейки писал...
Так трудясь неразборчиво, жадно,
Раздробившись на тысячу дел,
Ничего он не сделал изрядно,
Да и сам-то пожить не успел,
Не потешил ни бога, ни черта,

Не увлекся ничем никогда,
И бессмысленной жертвой комфорта
Пал — под игом пустого труда!

Знал я мужа: командой пожарной
И больницею он заправлял,
К дыму, к пламени в бане угарной
Он нарочно солдат приучал.
Вечно ревностный, вечно неспящий,
Столько делал фальшивых тревог,
Что, случится пожар настоящий —
Смотришь, лошади, люди без ног!
«Смирно! кутай башку в одеяло!» —
В лазарете кричат фельдшера.
Настежь форточки — ждут генерала, —
Вся больница в тревоге с утра.
Генерал на минуту придет,
Смотришь: к вечеру в этот денек
Десять новых горячечных бредит,
А иной и умрет под шумок...

Знал я старца: в душе его бедной
Поселился панический страх,
Что погубит нас Запад зловерный.
Бледный, худенький, в синих очках,
Он недавно еще попадался
В книжных лавках, в кофейных домах,
На журналы, на книги бросался,
С карандашиком вечно в руках:
Пояснения, заметки, запросы
Составлял трудолюбец-старик,
Он на вывески даже доносы
Сочинял, если не было книг.
Все его инстинктивно дичились,
Был он грязен, жил в крайней нужде,
И зловещие слухи носились
Об его бескорыстном труде.

Взволновался Париж беспокойный,
Наступили февральские дни,
Сам ты знаешь, читатель достойный,
Как у нас отразились они.

Подоспело удобное время,
И в комиссию мрачный донос
На погибшее блудное племя
В три приема доносчик принес.
И вещал он властям предержажшим:
«Многолетний сей труд рассмотри
И мечом правосудья разящим
Буесловия гидру сотри!..»
Суд отказом его не обидел,
Но старик уже слишком наврал:
Демагога в Булгарине видел,
Робеспьером Сенковского звал.
Возвратили!.. В тоске безысходной
Старец скорбные очи смежил,
И Линяев, сатирик холодный,
Эпитафию старцу сложил:
*«Здесь обрел даровую квартиру
Муж злокачествен, подл и плешив
И оставил в наследие миру
Образцовых доносов архив».*
Так погиб бесполезно, бесследно
Труд почтенный; не правда ли, жаль?

«Иногда и лениться не вредно»,—
Такова этих притчей мораль...

III

Время в клуб воротиться, к обеду...
Нет, уж поздно! Обед при конце,
Слишком мы протянули беседу
О Сереже, лихом молодце.
Стариков полусонная стая
С мест своих тяжело поднялась,
Животами друг друга толкая,
До диванов кой-как доплелась.
Закурив дорогие сигары,
Неиграющий люд на кружки
Разделился; пошли тары-бары...
(Козыряют давно игроки.)

Нынче множество тем для витийства,
Утром только газеты взгляни —

Интересные кражи, убийства,
Но газеты молчали в те дни.
Никаких «современных вопросов»,
Слухов, толков, живых новостей,
Исключение одно: для доносов
Допускалось. Доносчик Авдей
Представлялся исчадием ада
В добродушные те времена;
Вообще же в стенах Петрограда,
По газетам, была тишина.
В остальной необъятной России
И подавно! Своим чередом
Шли дожди, бунтовали стихии,
А народ... мы не знали о нем.
Правда, дикие, смутные вести
Долетали до нас иногда
О мужицкой расправе, о мести,
Но не верилось как-то тогда
Мрачным слухам. Покой нарушался
Только голодом, мором, войной,
Да случайно впросак попадался
Колоссальный ворище порой —
Тут молва создавала поэмы,
Оживало все общество вдруг...
А затем обиходные темы
Сокращали наш мирный досуг.

Две бутылки бордо уничтожа,
Не касаясь общественных дел,
О борзых, о лоретках Сережа
Говорить бесподобно умел:
Берты, Минны и прочие... дуры
В живописном рассказе его
Соблазнительней самой натуры
Выходили. Но лучше всего
Он дразнил петербургских актеров
И жеманных французских актрис.
Темой самых живых разговоров
Были скачки, парад, бенефис.
В офицерском кругу говорили
О тугом производстве своем
И о том, чьи полки победили
На маневрах под Красным Селом:

— Верно, явится завтра в приказе
Благодарность войскам, господа:
Сам фельдмаршал воскликнул в экстазе:
«Подавайте Европу сюда!..»
Тут же шли бесконечные споры
О дуэли в таком-то полку
Из-за Клары, Арманс или Лоры,
Да шептались стихи в уголку
На игривые, милые темы...
(Может быть, вам знакомы они?..)

Интересами личными все мы
Занимались больше в те дни.
Впрочем, были у нас русофилы
(Те, что видели в немцах врагов),
Наезжали к нам славянофилы,
Светский тип их тогда был таков:
В Петербурге шампанское с квасом
Попивали из древних ковшей,
А в Москве восхваляли с экстазом
Допетровский порядок вещей;
Но, живя за границей, владели
Очень плохо родным языком,
И понятия они не имели
О славянском призванье своем.
Я однажды смеялся до колик,
Слыша, как князь NN говорил:
«Я, душа моя, славянофил».
— А религия ваша? — «Католик».

Не задеты ничем за живое,
Всякий спор мы бросали легко,
Вот за картами — дело другое! —
Волновались мы тут глубоко.
Чу! какой-то игрок крутонравный,
Проклиная несчастье, гремит,
Чу! наш друг, путешественник славный,
Монотонно и дерзко ворчит:
Дух какой-то враждой непонятной
За игрой омрачается в нем;
Человек он весьма деликатный,
С добрым сердцем, с развитым умом,

Несомненным талантом владея,
Он прославился книгой своей,
Он из Африки негра-лакея
Вывез (очень хороший лакей,
Впрочем, смысла в подобных затеях
Я не вижу: по воле судьбы
Петербург недостатка в лакеях
Никогда не имел)... Но свиреп
Он в игре, как гиена: осадок
От сибирских лихих непогод,
От египетских злых лихорадок
И от всяких житейских невзгод
Он бросает в лицо партенёра
Так язвительно, тонко и зло,
Что игра прекращается скоро,
Как бы жертве его ни везло...

Генерал с поврежденной рукою
Также здесь налицо; до сих пор
От него еще дышит войною,
Пахнет дымом Федюхиных гор.
В нем героя война отличила,
Но игрок навсегда пострадал:
Пуля пальцы ему откусила...
Праздно бродит седой генерал!

В тесноте, доходящей до давки,
Весь в камнях, подрумянен, завит,
Принимающий всякие ставки
За столом миллионщик сидит:
Тут идут смертоносные схватки.
От надменных игорных тузов
До копеечных трех игроков
(Называемых: *териц от девятки*)
Все участвуют в этом бою,
Горячась и волнуясь немало...
(Тут и я, мой читатель, стою
И пытаю фортуны, бывало...)
При счастливой игре нехорош,
Жаден, дерзок богач-старичишка,
Придирается, спорит за грош,
Рад удаче своей, как мальчишка,

Но зато при несчастье он мил!
Он, бывало, нас много смешил...
При несчастье вздыхал он нервно,
Потирал покрасневший нос
И певал про себя иронически:
 «Веселись, храбрый Росс!..»

Бой окончен, старик удаляется,
Взяв добычи порядочный пук...
За три комнаты слышно: стук! стук!
То не каменный гость приближается...
Стук! стук! стук! равномерно стучит,
Словно ступа, нога деревянная:
Входит старый седой инвалид,
 Тоже личность престранная...

Муза! ты отступаешь от плана!
Общий очерк затеяли мы,
Так не тронь же, мой друг, ни Ивана,
Ни Луки, ни Фомы, ни Кузьмы!
Дорисуй впечатление — и мирно
Удались, не задев единиц!
Да, играли и кушали жирно,
Много было типических лиц,—
Но приспевшие дружно реформы
Дали обществу новые формы...

IV

Благодатное время надежд!
Да! прошедшим и ты уже стало!
К удовольствию диких невежд,
Ты обетов своих не сдержало.
Но шумя и куда-то спеша
И как будто оковы сбивая,
Русь! была ты тогда хороша!
(Разуметь надо: Русь городская.)
Как невольник, покинув тюрьму,
Разгибается, вольно вздыхает
И, не веря себе самому,
Богатырскую мощь ощущает,—

Ты казалась сильна, молода,
К Правде, к Свету, к Свободе стремилась,
В прегрешениях тяжких тогда,
Как блудница, ты громко винилась,
И казалось нам в первые дни:
Повториться не могут они...

Приводя наше прошлое в ясность,
Проклиная бесправье, безгласность,
Произвол и господство бича,
Далеко мы зашли сгоряча!
Между тем, как народ неразвитый
Ел кору и молчал, как *убитый*,
Мы сердечно болели о нем,
Мы взывали: «Даруйте свободу
Угнетенному нами народу,
Мы прошедшее сами клянем!
Посмотрите на нас: мы обжоры,
Мы ходячие трупы, гробы,
Казнокрады, народные воры,
Угнетатели, трусы, рабы!»
Походя на толпу сумасшедших,
На самих себя вьющих бичи,
Сознаваться в недугах прошедших
Были мы до того горячи,
Что превысили всякую меру...
Крылось что-то неладное тут,
Но не вдруг потеряли мы веру...
Призывая на дело, на труд,
Понял горькую истину сразу
Только юноша-гений тогда,
Произнесший бессмертную фразу:
«В настоящее время, когда...»
Дело двинулось... волею власти...
И тогда-то во всей наготе
Обнаружились личные страсти
И слышались речи — не те:
«Это яд, уж давно отравлявший
Наше общество, силу забрал!» —
Восклищал, словно с неба упавший,
Суясь всюду, сморчок-генерал.
(Как цветы, что в ночи распускаются,
Эти люди в чинах повышаются

В строгой тайне,— и в жизни потом
С непонятым апломбом являются
В роковом ореоле своем.)
«Со времен Петрашевского строго
За развитием его я следил,
Я наметил поборников много,
Но... напрасно я труд погубил!
Горе! горе! Имею сынишку,
Тяжкой службой, бессонным трудом
Приобрел я себе деревнишку...
Что ж... пойду я теперь нагишом?
Любо вам рисоваться, мальчишки!
А со мной-то что сделали вы?..»

Если б только такие людишки
Порицали реформу... увы!
Радикалы вчерашние тоже
Восклицали: «Что будет?... о боже!..»
Уступать не хотели земли...
(Впрочем,— надо заметить,— не много,
Разбирая прошедшее строго,
Мы бы явных протестов начли:
По обычаю мудрых холопов,
Мы держались больше подкопов
Или рабски за временем шли...)

Некто, слывший по службе за гения,
Генерал Фердинанд фон дер Шпехт
(Об отводе лесов для сечения
Подававший обширный проект),
Нам предсказывал бунты народные.
(«Что, не прав я?..» — потом он кричал.)
— Всё они! всё мальчишки негодные! —
Негодующий хор повторял.

Та вражда к молодым поколениям
Здесь начальные корни взяла,
Что впоследствии диким явленьем
В нашу жизнь так глубоко вошла.
Учрежденным тогда комитетам
Потерявшие ум старики
Посылали, сердясь не по летам,
Брань такую: «мальчишки! щенки!..»

(Там действительно люди засели
С средним чином, без лент и без звезд,
А иные тузы полетели
В то же время с насиженных мест.)
Не щадя даже сына родного,
Уничтожить иной был готов
За усмешку, за резкое слово
Безбородых, безусых бойцов;
Их ошибки встречались шипеньем,
Их несчастье — скаканьем и пеньем;
«Ну! теперь-то припрут молодцов!
Лезут на стену, корчат Катонов,
Посевают идеи Прудонов,
А пугни — присмирееет любой,
Станет петь превосходство неволи...»

Правда, правда! народ молодой
Брал подчас непосильные роли.
Но молчать бы вам лучше, глупцы,
Да решением вопроса заняться:
Таковы ли бывают отцы,
От которых герои родятся?..

Клубу нашему тоже на долю
Неприятностей выпало вволю.
Чуть тронулся крестьянский вопрос
И порядок нарушился древний,
Стали «плохо писать из деревни».
— Не сыграть ли в картишки? — «На что-с? —
Отвечал вопрошаемый грубо:—
Своротили вы, сударь, с ума!..»
Члены мирно дремавшего клуба
Разделились; пошла кутерьма:
Крепостник, находя незаконной,
Откровенно реформу бранил,
А в ответ якобинец салонный
Говорил, говорил, говорил...

Сам себе с наслаждением внимая,
Формируя парламентский слог,
Всем недугам родимого края
Подводил он жестокий итог;

Человеком идей прогрессивных
Не без цели стараясь прослыть,
Убеждал старикашек наивных
Встрепенуться и Русь полюбить!
Всё отдать для отчизны священной,
Умереть, если так суждено!..
Ты не пой, соловей современный!
Эту песню мы знаем давно!
Осуждаешь ты старое смело,
Недоволен и новым слегка,
Ты способен и доброе дело
Между фразами сделать пока;
Ты теперь еще шуткою дерзкой
Иногда подлеца оборвешь,
Но получишь ты ключ камергерский
И уста им навеки запрешь!
Пуще тех «гуртовых» генералов,
Над которыми ныне остришь,
Станешь ты нажимать либералов,
С ними всякую связь прекратишь,—
Этим ты стариков успокоишь,
И помогут тебе старики.
Ловко ты свое здание строишь,
Мастерски расставляешь силки!..

Словом, мирные дни миновали,
Много выбыло членов тогда,
А иные ходить перестали,
Остальных разделяла вражда.
Хор согласный — стал дик и нестроен,
Ни игры, ни богатых пиров!
Лишь один оставался спокоен —
Это дедушка медный Крылов:—
Не бездушным глядел истуканом,
Он лукавым сатиром глядел,
Игрокам, бюрократам, дворянам
Он, казалось, насмешливо пел:

«Полно вам — благо сами вы целы —
О наделах своих толковать,
Смерть придет — уравниет наделы!
Если вам мудрено уравниать...

Полно вам враждовать меж собою
За чины, за места, за кресты —
Смерть придет и отнимет без бою
И чины, и места, и кресты!..

Пусть вас минус в игре не смущает,
Игроки! пусть не радует плюс,
Смерть придет — все итоги сравниет:
Будет, будет у каждого *плюс!*..»

Губернаторы, места лишённые,
Земледельцы-дворяне стеснённые,
Откупные тузы разорённые,
Игроки, прогоревшие в прах,—
Генерал, проигравший сражение,
Адмирал, потерпевший крушение,—
Находили ли вы утешение
В этих кратких и мудрых словах?..

Послесловие

С плеч упало тяжелое бремя,
Написал я четыре главы.
«Почему же не новсе время,
А недавнее выбрали вы? —
Замечает читатель, живущий
Где-нибудь в захолустной дали:—
Спены, очерки жизни текущей
Мы бы с большей охотой прочли.
Ваши книги расходятся худо!
А зачем же вчерашнее блюдо,
Вместо свежего, ставить на стол?
Чем в прошедшем упорно копать,
Не гораздо ли лучше касаться
Новых язв, народившихся зол?»

Для людей, в захолустье живущих,
Мы действительно странны, смешны,
Но, читатель! в вопросах текущих
Права голоса мы лишены,
Прикасаться к ним робко, несмело
Значит пуще запутывать их,—

Шить на мертвых нетрудное дело,
Нам желательно шить на живых.
Устарелое вымерло племя,
Вообще устоялись умы,
Потому-то недавнее время,
Государь мой! и тронули мы
(Да и то с подобающим тактом)...
Погоди, если мы проживем,
Дав назад отодвинуться фактам,—
И вперед мы рассказ поведем,—
Мы коснемся столичных пожаров
И волнений в среде молодой,
Понесенных прогрессом ударов
И печальных потерь... Да и той
Злополучной поры не забудем,
Что прогресс повернула вверх дном,
И всегда по возможности будем
Верны истине — *задним числом*...

1871—1872

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ

*Поэма в двух частях
(1826 год)*

Часть первая

Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок;

Сам граф-отец не раз, не два
Его попробовал сперва.

Шесть лошадей в него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.

Сам граф подушки поправлял,
Медвежью полость в ноги стлал,

Творя молитву, образок
Повесил в правый уголок

И — зарыдал... Княгиня-дочь...
Куда-то едет в эту ночь...

I

«Да, рвем мы сердце пополам
Друг другу, но, родной,
Скажи, что ж больше делать нам?
Поможешь ли тоской!

Один, кто мог бы нам помочь
Теперь... Прости, прости!
Благослови родную дочь
И с миром отпусти!

II

Бог весть, увидимся ли вновь,
Увы! надежды нет.
Прости и знай: твою любовь,
Последний твой завет
Я буду помнить глубоко
В далекой стороне...
Не плачу я, но нелегко
С тобой расстаться мне!

III

О, видит бог!.. Но долг другой,
И выше и трудней,
Меня зовет... Прости, родной!
Напрасных слез не лей!
Далек мой путь, тяжел мой путь,
Страшна судьба моя,
Но сталью я одеда грудь...
Гордись — я дочь твоя!

IV

Прости и ты, мой край родной,
Прости, несчастный край!
И ты... о город роковой,
Гнездо царей... прощай!
Кто видел Лондон и Париж,
Венецию и Рим,
Того ты блеском не прельстишь,
Но был ты мной любим.

V

Счастливо молодость моя
 Прошла в стенах твоих,
 Твои балы любила я,
 Катанья с гор крутых,
 Любила плеск Невы твоей
 В вечерней тишине,
 И эту площадь перед ней
 С героем на коне...

VI

Мне не забыть... Потом, потом
 Расскажут нашу быль...
 А ты будь проклят, мрачный дом,
 Где первую кадриль
 Я танцевала... Та рука
 Досель мне руку жжет...
 Ликуй.
»

*

Покоен, прочен и легок,
 Катится городом возок.

Вся в черном, мертвенно-бледна,
 Княгиня едет в нем одна,

А секретарь отца (в крестах,
 Чтоб наводить дорогой страх)

С прислугой скачет впереди...
 Свища бичом, крича: «пади!»

Ямщик столицу миновал...
 Далеко княгине путь лежал,

Была суровая зима...
 На каждой станции сама

Выходит путница: «Скорей
 Перепрягайте лошадей!»

И сыплет щедрою рукой
Червонцы челяди ямской.

Но труден путь! В двадцатый день
Едва приехали в Тюмень,

Еще скакали десять дней,
«Увидим скоро Енисей,—

Сказал княгине секретарь.—
Не ездит так и государь!..»

*

Вперед! Душа полна тоски,
Дорога все трудней,
Но грезы мирны и легки —
Приснилась юность ей.
Богатство, блеск! Высокий дом
На берегу Невы,
Обита лестница ковром,
Перед подъездом львы,
Изящно убран пышный зал,
Огнями весь горит.
О радость! нынче детский бал,
Чу! музыка гремит!
Ей ленты алые вплели
В две русые косы,
Цветы, наряды принесли
Невиданной красоты.
Пришел папаша — сед, румян,—
К гостям ее зовет:
«Ну, Катя! чудо сарафан!
Он всех с ума сведет!»
Ей любо, любо без границ.
Кружится перед ней
Цветник из милых детских лиц,
Головок и кудрей.
Нарядны дети, как цветы,
Нарядней старики:
Плюмажи, ленты и кресты,
Со звоном каблучки...
Танцует, прыгает дитя,
Не мысля ни о чем,

И детство резвое шутя
Проносится... Потом
Другое время, бал другой
Ей снится: перед ней
Стоит красавец молодой,
Он что-то шепчет ей...
Потом опять балы, балы...
Она — хозяйка их,
У них сановники, послы,
Весь модный свет у них...

«О милый! что ты так угрюм?
Что на сердце твоём?»
— Дитя! Мне скучен светский шум,
Уйдем скорей, уйдем!

И вот уехала она
С избранником своим.
Пред нею чудная страна,
Пред нею — вечный Рим...
Ах! чем бы жизнь нам помянуть —
Не будь у нас тех дней,
Когда, урвавшись как-нибудь
Из родины своей
И скучный север миновав,
Примчимся мы на юг.
До нас нужды, над нами прав
Ни у кого... Сам-друг
Всегда лишь с тем, кто дорог нам,
Живем мы, как хотим:
Сегодня смотрим древний храм,
А завтра посетим
Дворец, развалины, музей..
Как весело притом
Делиться мыслию своей
С любимым существом!

Под обаяньем красоты,
Во власти строгих дум,
По Ватикану бродишь ты,
Подавлен и угрюм;
Отжившим миром окружен,
Не помнишь о живом.

Зато как странно поражен
Ты в первый миг потом,
Когда, покинув Ватикан,
Вернешься в мир живой,
Где ржет осел, шумит фонтан,
Поет мастеровой;
Торговля бойкая кипит,
Кричат на все лады:
— Кораллов! раковин! улит!
Мороженой воды! —
Танцует, ест, дерется голь,
Довольная собой,
И косу, черную как смоль,
Римлянке молодой
Старуха чешет... Жарок день,
Несносен черни гам,
Где нам найти покой и тень?
Заходим в первый храм.

Не слышен здесь житейский шум,
Прохлада, тишина
И полусумрак... Строгих дум
Опять душа полна.
Святых и ангелов толпой
Вверху украшен храм,
Порфир и яшма под ногой,
И мрамор по стенам...

Как сладко слушать моря шум!
Сидишь по часу нем;
Неугнетенный, бодрый ум
Работает меж тем...
До солнца горною тропой
Взберешься высоко —
Какое утро пред тобой!
Как дышится легко!
Но жарче, жарче южный день,
На зелени долин
Росинки нет... Уйдем под тень
Зонтообразных пинн...

Княгине памятны те дни
Прогулок и бесед,

В душе оставили они
Неизгладимый след.
Но не вернуть ей дней былых,
Тех дней надежд и грез,
Как не вернуть потом о них
Пролитых ею слез!..

Исчезли радужные сны,
Пред нею ряд картин
Забытой богом стороны:
Суровый господин
И жалкий труженик-мужик
С понурой головой...
Как первый властвовать привык,
Как рабствует второй!
Ей снятся группы бедняков
На нивах, на лугах,
Ей снятся стоны бурлаков
На волжских берегах...
Наивным ужасом полна,
Она не ест, не спит,
Засыпать спутника она
Вопросами спешит:
«Скажи, ужель весь край таков?
Довольства тени нет?..»
— Ты в царстве нищих и рабов! —
Короткий был ответ...

Она проснулась — в руку сон!
Чу, слышен впереди
Печальный звон — кандалыный звон!
«Эй, кучер, погоди!»
То ссыльных партия идет,
Больней заныла грудь,
Княгиня деньги им дает,—
«Спасибо, добрый путь!»
Ей долго, долго лица их
Мерещатся потом,
И не прогнать ей дум своих,
Не позабыться сном!
«И та здесь партия была...
Да... нет других путей...
Но след их выюга замела.
Скорей, ямщик, скорей!..»

Мороз сильней, пустынной путь,
 Чем дале на восток;
 На триста верст какой-нибудь
 Убогий городок,
 Зато как радостно глядишь
 На темный ряд домов,
 Но где же люди? Всюду тишь,
 Не слышно даже псов.
 Под кровлю всех загнал мороз,
 Чаек от скуки пьют.
 Прошел солдат, проехал воз,
 Куранты где-то бьют.
 Замерзли окна... огонек
 В одном чуть-чуть мелькнул..
 Собор... на выезде острог...
 Ямщик кнутом махнул:
 «Эй вы!» — и нет уж городка,
 Последний дом исчез...
 Направо — горы и река,
 Налево — темный лес...

Кипит больной, усталый ум,
 Бессонный до утра,
 Тоскует сердце. Смена дум
 Мучительно быстра:
 Княгиня видит то друзей,
 То мрачную тюрьму,
 И тут же думается ей —
 Бог знает почему,—
 Что небо звездное — песком
 Посыпанный листок,
 А месяц — красным сургучом
 Оттиснутый кружок...

Пропали горы; началась
 Равнина без конца.
 Еще мертвей! Не встретит глаз
 Живого деревца.
 «А вот и тундра!» — говорит
 Ямщик, бурят степной.

Княгиня пристально глядит
И думает с тоской:
«Сюда-то жадный человек
За золотом идет!
Оно лежит по руслам рек,
Оно на дне болот.
Трудна добыча на реке,
Болота страшны в зной,
Но хуже, хуже в руднике,
Глубоко под землей!..
Там гробовая тишина,
Там безрассветный мрак...
Зачем, проклятая страна,
Нашел тебя Ермак?..»

Чредой спустилась ночи мгла,
Опять взошла луна.
Княгиня долго не спала,
Тяжелых дум полна...
Уснула... Башня снится ей...
Она вверху стоит;
Знакомый город перед ней
Волнуется, шумит;
К Сенатской площади бегут
Несметные толпы:
Чиновный люд, торговый люд,
Разносчики, попы;
Пестреют шляпки, бархат, шелк,
Тулупы, армяки...
Стоял уж там Московский полк,
Пришли еще полки,
Побольше тысячи солдат
Сошлось. Они «ура!» кричат,
Они чего-то ждут...

Народ галдел, народ зевал,
Едва ли сотый понимал,
Что делается тут...
Зато посмеивался в ус,
Лукаво щуря взор,
Знакомый с бурями француз,
Столичный куафёр...

Приспели новые полки:
«Сдавайтесь!» — тем кричат.
Ответ им — пули и штыки,
Сдаваться не хотят.
Какой-то храбрый генерал,
Влетев в каре, грозиться стал —
С коня снесли его.
Другой приблизился к рядам:
«Прощенье царь дарует вам!»
Убили и того.

Явился сам митрополит
С хоругвями, с крестом:
«Покайтесь, братия! — гласит, —
Падите пред царем!»
Солдаты слушали, крестясь,
Но дружен был ответ:
«Уйди, старик! молись за нас!
Тебе здесь дела нет...»

Тогда-то пушки навели,
Сам царь скомандовал: «Па-ли!..
...О милый! Жив ли ты?
Княгиня, память потеряв,
Вперед рванулась и стремглав
Упала с высоты.

Пред нею длинный и сырой
Подземный коридор,
У каждой двери часовой,
Все двери на запор.
Прибою волн подобный плеск
Снаружи слышен ей;
Внутри — бряцанье, ружей блеск
При свете фонарей,
Да отдаленный шум шагов
И долгий гул от них,
Да перекрестный бой часов,
Да крики часовых...

С ключами, старый и седой,
Усатый инвалид:
«Иди, печальница, за мной! —
Ей тихо говорит. —

Я проведу тебя к нему,
Он жив и невредим...»
Она доверилась ему,
Она пошла за ним...

Шли долго, долго... Наконец
Дверь визгнула,— и вдруг
Пред нею он... живой мертвец...
Пред нею — бедный друг!
Упав на грудь ему, она
Торопится спросить:
«Скажи, что делать? Я сильна,
Могу я страшно мстить!
Достанет мужества в груди,
Готовность горяча,
Просить ли надо?..» — Не ходи,
Не тронешь палача!
«О милый! что сказал ты? Слов
Не слышу я твоих.
То этот страшный бой часов,
То крики часовых!
Зачем тут третий между нас?..»
— Наивен твой вопрос.

«Пора! пробил урочный час!» —
Тот «третий» произнес...

Княгиня вздрогнула,— глядит
Испуганно кругом,
Ей ужас сердце леденит:
Не все тут было сном!..
Луна плыла среди небес
Без блеска, без лучей,
Налево был угрюмый лес,
Направо — Енисей.
Темно! Навстречу ни души,
Ямщик на козлах спал,
Голодный волк в лесной глуши
Пронзительно стонал,
Да ветер бился и ревел,
Играя на реке,
Да инородец где-то пел
На странном языке.

Суровым пафосом звучал
Неведомый язык
И пуще сердце надрывал,
Как в бурю чайки крик...

Княгине холодно; в ту ночь
Мороз был нестерпим,
Упали силы, — ей невмочь
Бороться больше с ним.
Рассудком ужас овладел,
Что не доехать ей.
Ямщик давно уже не пел,
Не понукал коней,
Передней тройки не слышать,
«Эй! жив ли ты, ямщик?»
Что ты замолк? не вздумай спать!»
— Не бойтесь, я привык...

Летят... Из мерзлого окна
Не видно ничего,
Опасный гонит сон она,
Но не прогнать его!
Он волю женщины больной
Мгновенно покорил
И, как волшебник, в край иной
Ее переселил.
Тот край — он ей уже знаком,—
Как прежде неги полн,
И теплым солнечным лучом
И сладким пеньем волн
Ее приветствовал, как друг...
Куда ни поглядит:
«Да, это юг! да, это юг!» —
Все взору говорит...

Ни тучки в небе голубом,
Долина вся в цветах,
Все солнцем залито,— на всем,
Внизу и на горах,
Печать могучей красоты,
Ликует все вокруг;
Ей солнце, море и цветы
Поют: «Да — это юг!»

В долине между цепью гор
И морем голубым
Она летит во весь опор
С избранником своим.
Дорога их — роскошный сад,
С деревьев льется аромат,
На каждом дереве горит
Румяный, пышный плод,
Сквозь ветви темные сквозит
Лазурь небес и вод;
По морю реют корабли,
Мелькают паруса,
А горы, видные вдаль,
Уходят в небеса.
Как чудны краски их! За час
Рубины рдели там,
Теперь заискрился топаз
По белым их хребтам...
Вот выючный мул идет шажком,
В бубенчиках, в цветах,
За мулом — женщина с венком,
С корзинкою в руках.
Она кричит им: «Добрый путь!»
И, засмеявшись вдруг,
Бросает быстро ей на грудь
Цветок... да! это юг!
Страна античных, смуглых дев
И вечных роз страна...
Чу! мелодический напев,
Чу! музыка слышна!..

«Да, это юг! да, это юг!
(Поет ей добрый сон)
Опять с тобой любимый друг,
Опять свободен он!..»

Часть вторая

Уже два месяца почти
Бессменно день и ночь в пути

На диво слаженный возок,
А все конец пути далек!

Княгинин спутник так устал,
Что под Иркутском захворал,

Два дня прождав его, она
Помчалась далее одна...

Ее в Иркутске встретил сам
Начальник городской;
Как мощи сух, как палка прям,
Высокий и седой.
Сползла с плеча его доха,
Под ней — кресты, мундир,
На шляпе — перья петуха.
Почтенный бригадир,
Ругнув за что-то ямщика,
Поспешно подскочил
И дверцы прочного возка
Княгине отворил...

Княгиня
(*входит в станционный дом*)

В Нерчинск! Закладывать скорей!

Губернатор
Пришел я — встретить вас.

Княгиня
Велите ж дать мне лошадей!

Губернатор
Прошу помедлить час.
Дорога наша так дурна,
Вам нужно отдохнуть...

Княгиня
Благодарю вас! Я сильна...
Уж недалек мой путь...

Губернатор
Все ж будет верст до восьмисот,
А главная беда:
Дорога хуже тут пойдет,
Опасная езда!..

Два слова нужно вам сказать
По службе,— и притом
Имел я счастье графа знать,
Семь лет служил при нем.
Отец ваш редкий человек
По сердцу, по уму,
Запечатлев в душе навек
Признательность к нему,
К услугам дочери его
Готов я... весь я ваш...

Княгиня

Но мне не нужно ничего!
(Отворяя дверь в сени.)
Готов ли экипаж?

Губернатор

Покуда я не прикажу,
Его не подадут...

Княгиня

Так прикажите ж! Я прошу...

Губернатор

Но есть зацепка тут:
С последней почтой прислана
Бумага...

Княгиня

Что же в ней:
Уж не вернуться ль я должна?

Губернатор

Да-с, было бы верней.

Княгиня

Да кто ж прислал вам и о чем
Бумагу? что же — там
Шутили, что ли, над отцом?
Он все устроил сам!

Губернатор

Нет... не решусь я утверждать...
Но путь еще далек...

Княгиня

Так что же даром и болтать!
Готов ли мой возок?

Губернатор

Нет! Я еще не приказал...

Княгиня! здесь я — царь!
Садитесь! Я уже сказал,
Что знал я графа встарь,
А граф... хоть он вас отпустил,
По доброты своей,
Но ваш отъезд его убил...
Вернитесь поскорей!

Княгиня

Нет! что однажды решено —
Исполню до конца!
Мне вам рассказывать смешно,
Как я люблю отца,
Как любит он. Но долг другой,
И выше и святей,
Меня зовет. Мучитель мой!
Давайте лошадей!

Губернатор

Позвольте-с. Я согласен сам,
Что дорог каждый час,
Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?
Бесплодна наша сторона,
А та — еще бедней,
Короче нашей там весна,
Зима — еще длинней.
Да-с, восемь месяцев зима
Там — знаете ли вы?
Там люди редки без клейма,
И те душой черствы;
На воле рыскают кругом
Там только варнаки;
Ужасен там тюремный дом,
Глубоки рудники.
Вам не придется с мужем быть
Минуты глаз на глаз:

В казарме общей надо жить,
А пища: хлеб да квас.
Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам,
Убийства и разбой;
Короток им и страшен суд,
Грознее нет суда!
И вы, княгиня, вечно тут
Свидетельницей... Да!
Поверьте, вас не пощадят,
Не сжалятся никто!
Пускай ваш муж — он виноват...
А вам терпеть... за что?

Княгиня

Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пускай же будет и моя
Не радостней его!

Губернатор

Но вы не будете там жить:
Тот климат вас убьет!
Я вас обязан убедить,
Не ездите вперед!
Ах! вам ли жить в стране такой,
Где воздух у людей
Не паром — пылью ледяной
Выходит из ноздрей?
Где мрак и холод круглый год,
А в краткие жары —
Непрсыхающих болот
Зловредные пары?
Да... страшный край! Откуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной...

Княгиня

Живут же люди в том краю,
Привыкну я шутя...

Г у б е р н а т о р

Живут? Но молодость свою
Припомните... дитя!
Здесь мать — водицей снеговой,
Родив, омоет дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкает всю ночь,
А будит дикий зверь, рыча
Близ хижины лесной,
Да пúрга, бешено стуча
В окно, как домовой.
С глухих лесов, с пустынных рек
Сбирая дань свою,
Окреп туземный человек
С природою в бою,
А вы?..

К н я г и н я

Пусть смерть мне суждена —
Мне нечего жалеть!..
Я еду! еду! я должна
Близ мужа умереть.

Г у б е р н а т о р

Да, вы умрете, но сперва
Измучите того,
Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него
Прошу: не ездите туда!
Сноснее одному,
Устав от тяжкого труда,
Прийти в свою тюрьму,
Прийти — и лечь на голый пол
И с черствым сухарем
Заснуть... а добрый сон пришел —
И узник стал царем!
Летя мечтой к родным, к друзьям,
Увидя вас самих,
Проснется он к дневным трудам
И бодр, и сердцем тих.
А с вами?.. с вами не знать
Ему счастливых грез,

В себе он будет сознавать
Причину ваших слез.

Княгиня

Ах!.. Эти речи побережь
Вам лучше для других.
Всем вашим пыткам не извлечь
Слезы из глаз моих!
Покинув родину, друзей,
Любимого отца,
Приняв обет в душе моей
Исполнить до конца
Мой долг,— я слез не принесу
В проклятую тюрьму —
Я гордость, гордость в нем спасу,
Я силы дам ему!
Презрение к нашим палачам,
Сознание правоты
Опорой верной будет нам.

Губернатор

Прекрасные мечты!
Но их достанет на пять дней.
Не век же вам грустить?
Поверьте совести моей,
Захочется вам жить.
Здесь черствый хлеб, тюрьма, позор,
Нужда и вечный гнет,
А там балы, блестящий двор,
Свобода и почет.
Как знать? Быть может, бог судил...
Понравится другой,
Закон вас права не лишил...

Княгиня

Молчите!.. Боже мой!..

Губернатор

Да, откровенно говорю,
Вернитесь лучше в свет.

Княгиня

Благодарю, благодарю
За добрый ваш совет!

И прежде был там рай земной,
А нынче этот рай
Своей заботливой рукой
Расчистил Николай.
Там люди заживо гниют —
Ходячие гробы,
Мужчины — сборище Иуд,
А женщины — рабы.
Что там найду я? Ханжество,
Поруганную честь,
Нахальной дряни торжество
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат!
Вернуться? жить среди клевет,
Пустых и темных дел?..
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и тупых,
Не покажусь я палачу
Свободных и святых.
Забывать того, кто нас любил,
Вернуться — все простя?

Г у б е р н а т о р

Но он же вас не пощадил?
Подумайте, дитя:
О ком тоска? к кому любовь?

К н я г и н я

Молчите, генерал!

Г у б е р н а т о р

Когда б не доблестная кровь
Текла в вас — я б молчал.
Но если рветесь вы вперед,
Не веря ничему,
Быть может, гордость вас спасет...
Достались вы ему

С богатством, с именем, с умом,
С доверчивой душой,
А он, не думая о том,
Что́ станется с женой,
Увлекся призраком пустым,
И — вот его судьба!..
И что ж?.. бежите вы за ним,
Как жалкая раба!

К н я г и н я

Нет! я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба —
Я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть его рабой!
Но знаю: к родине любовь
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

Княгиня кончила... Молчал
Упрямый старичок.
— Ну, что ж? Велите, генерал,
Готовить мой возок? —
Не отвечая на вопрос,
Смотрел он долго в пол,
Потом в раздумье произнес:
«До завтра», — и ушел...

Назавтра тот же разговор.
Просил и убеждал,
Но получил опять отпор
Почтенный генерал.
Все убежденья истощив
И выбившись из сил,
Он долго, важен, молчалив,
По комнате ходил

И наконец сказал: «Быть так!
Вас не спасешь, увь!..
Но знайте: сделав этот шаг,
Всего лишитесь вы!»

— Да что же мне еще терять?

«За мужем поскакав,
Вы отречение подписать
Должны от ваших прав!»

Старик эффектно замолчал,
От этих страшных слов
Он, очевидно, пользы ждал.
Но был ответ таков:
«У вас седая голова,
А вы еще дитя!
Вам наши кажутся права
Правами — не шутя.
Нет! ими я не дорожу,
Возьмите их скорей!
Где отречение? Подпишу!
И живо — лошадей!..»

Г у б е р н а т о р

Бумагу эту подписать!
Да что вы?.. Боже мой!
Ведь это значит нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажете прости,
Что вам дано отцом,
Что по наследству перейти
Должно бы к вам потом!
Права имущества, права
Дворянства потерять!
Нет, вы подумайте сперва,—
Зайду я к вам опять!..

Ушел и не был целый день...
Когда спустилась тьма,
Княгиня, слабая как тень,
Пошла к нему сама.

Ее не принял генерал:
Хворает тяжело...
Пять дней, покуда он хворал,
Мучительных прошло.
А на шестой пришел он сам
И круто молвил ей:
«Я отпустить не вправе вам,
Княгиня, лошадей!
Вас по этапу поведут
С конвоем...»

Княгиня

Боже мой!
Но так ведь месяцы пройдут
В дороге?..

Губернатор

Да, весной
В Нерчинск придете, если вас
Дорога не убьет.
Навряд версты четыре в час
Закованный идет;
Посередине дня — привал,
С закатом дня — ночлег,
А ураган в степи застал —
Закапывайся в снег!
Да-с, промедленьям нет числа,
Иной упал, ослаб...

Княгиня

Не хорошо я поняла —
Что значит ваш этап?

Губернатор

Под караулом казаков
С оружием в руках,
Этапом водим мы воров
И каторжных в цепях,
Они дорогою шалят,
Того гляди сбегут,

Так их канатом прикрутят
Друг к другу — и ведут.
Трудненок путь! Да, вот-с каков:
Отправится пятьсот,
А до нерчинских рудников
И трети не дойдет!
Они, как мухи, мрут в пути,
Особенно зимой...
И вам, княгиня, так идти?..
Вернитесь-ка домой!

Княгиня

О нет! я этого ждала...
Но вы, но вы... злодей!..
Неделя целая прошла...
Нет сердца у людей!
Зачем бы разом не сказать?..
Уж шла бы я давно...
Велите ж партию собирать —
Иду! мне все равно!..

«Нет! вы поедете!..— вскричал
Нежданно старый генерал,
Закрыв рукой глаза.—
Как я вас мучил... Боже мой!..
(Из-под руки на ус седой
Скатилась слеза.)
Простите! да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ
Преграды ставить вам!
И разве их не ставил я?
Я делал все, что мог,
Перед царем душа моя
Чиста, свидетель бог!
Осторожным жестким сухарем
И жизнью взаперти,
Позором, ужасом, трудом
Этапного пути
Я вас старался напугать.
Не испугались вы!

И хоть бы мне не удержать
На плечах головы,
Я не могу, я не хочу
Тиранить больше вас...
Я вас в три дня туда домчу...
(Отворяя дверь, кричит.)
Эй! запрягать, сейчас!..»

КНЯГИНЯ М. Н. ВОЛКОНСКАЯ

Бабушкины записки

(1826—27)

Глава I

Проказники внуки! Сегодня они
С прогулки опять воротились:
«Нам, бабушка, скучно! В ненастные дни,
Когда мы в портретной садились
И ты начинала рассказывать нам,
Так весело было!.. Родная,
Еще что-нибудь расскажи!..» По углам
Уселись. Но их прогнала я:
«Успеете слушать; рассказов моих
Достанет на целые томы,
Но вы еще глупы: узнаете их,
Как будете с жизнью знакомы!
Я все рассказала доступное вам
По вашим ребяческим летам;
Идите гулять по полям, по лугам!
Идите же... пользуйтесь летом!»

И вот, не желая остаться в долгу
У внуков, пишу я записки;
Для них я портреты людей берегу,
Которые были мне близки.
Я им завещаю альбом — и цветы
С могилы сестры-Муравьевой,
Коллекцию бабочек, флору Читы
И виды страны той суровой;

Я им завещаю железный браслет...
Пускай берегут его свято:
В подарок жене его выковал дед
Из собственной цепи когда-то...

Родилась я, милые внуки мои,
Под Киевом, в тихой деревне;
Любимая дочь я была у семьи.
Наш род был богатый и древний,
Но пуще отец мой возвысил его:
Заманчивей славы героя,
Дороже отчизны — не знал ничего
Боец, не любивший покоя.
Творя чудеса, девятнадцати лет
Он был полковым командиром,
Он мужеством добыл и лавры побед,
И почести, чтимые миром.
Воинская слава его началась
Персидским и шведским походом,
Но память о нем нераздельно слилась
С великим 12-м годом:
Тут жизнь его долгим сраженьем была.
Походы мы с ним разделяли,
И в месяц иной не zapomним числа,
Когда б за него не дрожали.
«Защитник Смоленска» всегда впереди
Опасного дела являлся...
Под Лейпцигом раненный, с пульей в груди,
Он вновь через сутки сражался,
Так летопись жизни его говорит:¹
В ряду полководцев России,
Покуда отечество наше стоит,
Он памятен будет! Витии
Отца моего осыпали хвалой,
Бессмертным его называя;
Жуковский почтил его громкой строфой,
Российских вождей прославляя:
Под Дашковой личного мужества жар
И жертву отца-патриота
Поэт воспевае². Воинственный дар
Являя в сраженьях без счета,

Не силой одною врагов побеждал
Ваш прадед в борьбе исполинской:
О нем говорили, что он сочетал
С отвагою гений воинский.

Войной озабочен, в семействе своем
Отец ни во что не мешался,
Но крут был порою; почти божеством
Он матери нашей казался,
И сам он глубоко привязан был к ней.
Отца мы любили — в герое.
Окончив походы, в усадьбе своей
Он медленно гас на покое.
Мы жили в большом подгородном дому.
Детей поручив англичанке,
Старик отдыхал³. Я училась всему,
Что нужно богатой дворянке.
А после уроков бежала я в сад
И пела весь день беззаботно,
Мой голос был очень хорош, говорят,
Отец его слушал охотно;
Записки свои приводил он к концу,
Читал он газеты, журналы,
Пиры задавал; наезжали к отцу
Седые, как он, генералы,
И шли бесконечные споры тогда;
Меж тем молодежь танцевала.
Сказать ли вам правду? была я всегда
В то время царицею бала:
Очей моих томных огонь голубой,
И черная с синим отливом
Большая коса, и румянец густой
На личике смуглом, красивом,
И рост мой высокий, и гибкий мой стан,
И гордая поступь — пленяли
Тогдашних красавцев: гусаров, улан,
Что близко с полками стояли.
Но слушала я неохотно их лесть...
Отец за меня постарался:
«Не время ли замуж? Жених уже есть,
Он славно под Лейпцигом дрался,
Его полюбил государь, наш отец,
И дал ему чин генерала.

Постарше тебя... а собой молодец,
Волконский! Его ты видала
На царском смотру... и у нас он бывал,
По парку с тобой все шатался!»
— Да, помню! Высокий такой генерал...
«Он самый!» Старик засмеялся...
— Отец! он так мало со мной говорил! —
Заметила я, покраснела...
«Ты будешь с ним счастлива!» — круто решил
Старик,— возражать я не смела...

Прошло две недели — и я под венцом
С Сергеем Волконским стояла,
Не много я знала его женихом,
Не много и мужем узнала,—
Так мало мы жили под кровлей одной,
Так редко друг друга видали!
По дальним селеньям, на зимний постой,
Бригаду его разбросали,
Ее объезжал беспрестанно Сергей.
А я между тем расхворалась;
В Одессе потом, по совету врачей,
Я целое лето купалась;
Зимой он приехал за мною туда,
С неделю я с ним отдохнула
При главной квартире... и снова беда!
Однажды я крепко уснула,
Вдруг слышу я голос Сергея (в ночи,
Почти на рассвете то было):
«Вставай! поскорее найди мне ключи!
Камин затопи!» Я вскочила...
Взглянула: встревожен и бледен он был.
Камин затопила я живо.
Из ящиков муж мой бумаги сносил
К камину — и жег торопливо.
Иные прочитывал бегло, спеша,
Иные бросал не читая.
И я помогала Сергею, дрожа
И глубже в огонь их толкая...
Потом он сказал: «Мы поедem сейчас»,—
Волос моих нежно касаясь.
Все скоро уложено было у нас,
И утром, ни с кем не прощаясь,

Мы тронулись в путь. Мы скакали три дня;
Сергей был угрюм, торопился,
Довез до отцовской усадьбы меня
И тотчас со мною простился.

Глава II

«Уехал!.. Что значила бледность его
И все, что в ту ночь совершилось?
Зачем не сказал он жене ничего?
Недоброе что-то случилось!»
Я долго не знала покоя и сна,
Сомнения душу терзали:
«Уехал, уехал! опять я одна!..»
Родные меня утешали,
Отец торопливость его объяснял
Каким-нибудь делом случайным:
«Куда-нибудь сам император послал
Его с поручением тайным.
Не плачь! Ты походы делила со мной,
Превратности жизни военной
Ты знаешь; он скоро вернется домой!
Под сердцем залог драгоценный
Ты носишь: теперь ты беречься должна!
Все кончится ладно, родная;
Жена муженька проводила одна,
А встретит, ребенка качая!..»

Увы! предсказанье его не сбылось!
Увидеться с бедной женою
И с первенцем сыном отцу довелось
Не здесь — не под кровлей родною!

Как дорого стоил мне первенец мой!
Два месяца я прохворала.
Измучена телом, убита душой,
Я первую няню узнала.
Спросила о муже.— Еще не бывал!
«Писал ли?» — И писем нет даже.
«А где мой отец?» — В Петербург ускакал,
«А брат мой?» — Уехал туда же.

«Мой муж не приехал, нет даже письма,
И брат и отец ускакали,—
Сказала я матушке.— Еду сама!
Довольно, довольно мы ждали!»
И как ни старалась упрашивать дочь
Старушка, я твердо решилась;
Припомнила я ту последнюю ночь
И все, что тогда совершилось,
И ясно сознала, что с мужем моим
Недоброе что-то творится...

Стояла весна, по разливам речным
Пришлось черепахой тащиться.

Доехала я чуть живая опять.
«Где муж мой?» — отца я спросила.
— В Молдавию муж твой ушел воевать.
«Не пишет он?..» Глянул уныло
И вышел отец... Недоволен был брат,
Прислуга молчала, вздыхая.
Заметила я, что со мною хитрят,
Заботливо что-то скрывая;
Ссылаясь на то, что мне нужен покой,
Ко мне никого не пускали,
Меня окружили какой-то стеной,
Мне даже газет не давали!
Я вспомнила: много у мужа родных,
Пишу — отвечать умоляю.
Проходят недели — ни слова от них!
Я плачу, я силы теряю...

Нет чувства мучительней тайной грозы.
Я клятвой отца уверяла,
Что я не пролью ни единой слезы,—
И он и кругом все молчало!
Любя, меня мучил мой бедный отец;
Жалея, удваивал горе...
Узнала, узнала я все наконец!..
Прочла я в самом приговоре,
Что был заговорщиком бедный Сергей:
Стояли они настороже,
Готовя войска к низверженью властей.
В вину ему ставилось тоже,

Что он... Закружилась моя голова...
Я верить глазам не хотела...
«Ужели?..» — в уме не вязались слова:
Сергей — и бесчестное дело!

Я помню, сто раз я прочла приговор,
Вникая в слова роковые;
К отцу побежала, — с отцом разговор
Меня успокоил, родные!
С души словно камень тяжелый упал.
В одном я Сергея винила:
Зачем он жене ничего не сказал?
Подумав, и то я простила:
«Как мог он болтать? Я была молода,
Когда ж он со мной расставался,
Я сына под сердцем носила тогда:
За мать и дитя он боялся! —
Так думала я. — Пусть беда велика,
Не все потеряла я в мире.
Сибирь так ужасна, Сибирь далека,
Но люди живут и в Сибири!..»

Всю ночь я горела, мечтая о том,
Как буду лелеять Сергея.
Под утро глубоким, крепительным сном
Уснула — и встала бодрее.
Поправилось скоро здоровье мое,
Приятельниц я повидала,
Нашла я сестру, расспросила ее
И горького много узнала!
Несчастные люди!.. «Все время Сергей
(Сказала сестра) содержался
В тюрьме; не видал ни родных, ни друзей...
Вчера только с ним повидался
Отец. Повидаться с ним можешь и ты:
Когда приговор прочитали,
Одели их в рубище, сняли кресты,
Но право свиданья им дали!..»

Подробностей ряд пропустила я тут...
Оставив следы роковые,
Доныне о мщенье они вопиют...
Не знайте их лучше, родные.

Я в крепость поехала к мужу с сестрой.
Пришли мы сперва к «генералу»,
Потом нас привел генерал пожилой
В обширную мрачную залу.
«Дождитесь, княгиня! мы будем сейчас!»
Раскланявшись вежливо с нами,
Он вышел. С дверей не спускала я глаз,
Минуты казались часами.
Шаги постепенно смолкали вдали,
За ними я мыслью летела.
Мне чудилось: связку ключей принесли,
И ржавая дверь заскрипела;
В угрюмой каморке с железным окном
Измученный узник томился.
«Жена к вам приехала!..» Бледный лицом,
Он весь задрожал, оживился:
— Жена!..— Коридором он быстро бежал,
Довериться слуху не смея...

«Вот он!» — громогласно сказал генерал,
И я увидала Сергея...

Недаром над ним пронеслася гроза:
Морщины на лбу появились,
Лицо было мертвенно-бледно, глаза
Не так уже ярко светились,
Но больше в них было, чем в прежние дни,
Той тихой, знакомой печали;
С минуту пылливо смотрели они
И радостью вдруг заблистали,
Казалось, он в душу мою заглянул...
Я горько, припав к его груди,
Рыдала... Он обнял меня и шепнул:
«Здесь есть посторонние люди».
Потом он сказал, что полезно ему
Узнать добродетель смиренья,
Что, впрочем, легко переносит тюрьму,
И несколько слов ободренья
Прибавил... По комнате важно шагал
Свидетель; нам было неловко...
Сергей на одежду свою показал:
«Поздравь меня, Маша, с обновкой,—
И тихо прибавил: — *пойми и прости!*»,—

Глаза засверкали слезою.
Но тут соглядатай успел подойти,
Он низко поник головою.
Я громко сказала: «Да, я не ждала
Найти тебя в этой одежде,—
И тихо шепнула: — *я все поняла.*
Люблю тебя больше, чем прежде...»
«Что делать? И в каторге буду я жить
(*Покуда мне жить не наскучит*)».
— Ты жив, ты здоров, так о чем же тужить?
(*Ведь каторга нас не разлучит?*)

«Так вот ты какая!» — Сергей говорил,
Лицо его весело было...
Он вынул платок, на окно положил,
И рядом я свой положила,
Потом, расставаясь, Сергеев платок
Взяла я — мой мужу остался...
Нам после годичной разлуки часок
Свиданья короток казался,
Но что ж было делать! Наш срок миновал —
Пришлось бы другим дожидаться...
В карету меня посадил генерал,
Счастливо желал оставаться...

Великую радость нашла я в платке:
Целуя его, увидала
Я несколько слов на одном уголке;
Вот что я, дрожа, прочитала:
«Мой друг, ты свободна. Пойми — не пеняй!
Душевно я бодр и — желаю
Жену мою видеть такой же. Прощай!
Малютке поклон посылаю...»

Была в Петербурге большая родня
У мужа; всё знать — да какая!
Я ездила к ним, волновалась три дня,
Сергея спасти умоляя.
Отец говорил: «Что ты мучишься, дочь?
Я все испытал — бесполезно!»
И правда: они уж пытались помочь,
Моля императора слезно,

Но просьбы до сердца его не дошли...
Я с мужем еще повидалась,
И время пришло: его увезли!..
Как только одна я осталась,
Я тотчас слышала в сердце моем,
Что надо и мне торопиться,
Мне душен казался родительский дом,
И стала я к мужу проситься.

Теперь расскажу вам подробно, друзья,
Мою роковую победу.
Вся дружно и грозно восстала семья,
Когда я сказала: «Я еду!»
Не знаю, как мне удалось устоять,
Чего натерпелась я... Боже!
Была из-под Киева вызвана мать,
И братья приехали тоже:
Отец «образумить» меня приказал.
Они убеждали, просили,
Но волю мою сам господь подкреплял,
Их речи ее не сломили!
А много и горько поплакать пришлось...
Когда собрались мы к обеду,
Отец мимоходом мне бросил вопрос:
«На что ты решилась?» — Я еду! —
Отец промолчал... промолчала семья...
Я вечером горько всплакнула,
Качая ребенка, задумалась я...
Вдруг входит отец, — я вздрогнула...
Ждала я грозы, но, печален и тих,
Сказал он сердечно и кротко:
«За что обижаешь ты кровных родных?
Что будет с несчастным сироткой?
Что будет с тобою, голубка моя?
Там нужно не женскую силу!
Напрасна великая жертва твоя,
Найдешь ты там только могилу!»
И ждал он ответа и взгляд мой ловил,
Лаская меня и целуя...
«Я сам виноват! Я тебя погубил! —
Воскликнул он вдруг, негодуя. —
Где был мой рассудок? Где были глаза!
Уж знала вся армия наша...»

И рвал он седые свои волоса.
«Прости! не казни меня, Маша!
Останься!..» И снова молил горячо...
Бог знает, как я устояла!
Припав головою к нему на плечо,
«Поеду!» — я тихо сказала...

«Посмотрим!..» И вдруг распрявился старик,
Глаза его гневом сверкали.
«Одно повторяет твой глупый язык:
Поеду! Сказать не пора ли,
Куда и зачем? Ты подумай сперва!
Не знаешь сама, что болтаешь!
Умеет ли думать твоя голова?
Врагами ты, что ли, считаешь
И мать и отца? Или глупы они...
Что споришь ты с ними, как с ровней?
Поглубже ты в сердце свое загляни,
Вперед посмотри хладнокровней,
Подумай!.. Я завтра увижусь с тобой...»

Ушел он, грозящий и гневный,
А я, чуть жива, пред иконой святой
Упала — в истоме душевной...

Глава III

«Подумай!..» Я целую ночь не спала,
Молилась и плакала много.
Я божию мать на помощь звала,
Совета просила у бога,
Я думать училась: отец приказал
Подумать... нелегкое дело!
Давно ли он думал за нас — и решал,
И жизнь наша мирно летела?

Училась я много; на трех языках
Читала. Заметна была я
В парадных гостиных, на светских балах,
Искусно танцуя, играя;
Могла говорить я почти обо всем,
Я музыку знала, я пела,

Я даже отлично скакала верхом,
Но думать совсем не умела.

Я только в последний, двадцатый мой год
Узнала, что жизнь не игрушка.
Да в детстве, бывало, сердечко вздрогнет,
Как грянет нечаянно пушка.
Жилось хорошо и привольно; отец
Со мной не говаривал строго;
Осьмнадцать лет я пошла под венец
И тоже не думала много...

В последнее время моя голова
Работала сильно, пылала;
Меня неизвестность томила сперва.
Когда же беду я узнала,
Бессменно стоял предо мною Сергей,
Тюрьмою измученный, бледный,
И много неведомых прежде страстей
Посеял в душе мсей бедной.

Я всё испытала, а больше всего
Жестокое чувство бессилья.
Я небо и сильных людей за него
Молила — напрасны усилья!
И гнев мою душу больную палил,
И я волновалась нестройно,
Рвалась, проклинала... но не было сил,
Ни времени думать спокойно.

Теперь непременно я думать должна —
Стцу моему так угодно.
Пусть воля моя неизменно одна,
Пусть всякая дума бесплодна,
Я честно исполнить отцовский приказ
Решилась, мои дорогие.

Старик говорил: «Ты подумай о нас,
Мы люди тебе не чужие;
И мать, и отца, и дитя, наконец,—
Ты всех безрассудно бросаешь,
За что же?» — Я долг исполняю, отец!
«За что ты себя обрекаешь

На муку?» — Не буду я мучиться там!
Здесь ждет меня страшная мука.
Да, если останусь, послушная вам,
Меня истерзает разлука.
Не зная покоя ни ночью, ни днем,
Рыдая над бедным сироткой,
Все буду я думать о муже моем
Да слышать упрек его кроткий.
Куда ни пойду я — на лицах людей
Я свой приговор прочитаю:
В их шепоте — повесть измены моей,
В улыбке укор угадаю:
Что место мое не на пышном балу,
А в дальней пустыне угрюмой,
Где узник усталый в тюремном углу
Терзается лютою думой
Один... без опоры... Скорее к нему!
Там только вздохну я свободно.
Делила с ним радость, делить и тюрьму
Должна я... Так небу угодно!..

Простите, родные! Мне сердце давно
Мое подсказало решение.
И верю я твердо: от бога оно!
А в вас говорит — сожаленье.
Да, ежели выбор решить я должна
Меж мужем и сыном — не боле,
Иду я туда, где я больше нужна,
Иду я к тому, кто в неволе!
Я сына оставлю в семействе родном,
Он скоро меня позабудет.
Пусть дедушка будет малютке отцом,
Сестра ему матерью будет.
Он так еще мал! А когда подрастет
И страшную тайну узнает,
Я верю: он матери чувство поймет
И в сердце ее оправдает!

Но если останусь я с ним... и потом
Он тайну узнает и спросит:
«Зачем не пошла ты за бедным отцом?..»
И слово укора мне бросит?

О, лучше в могилу мне заживо лечь,
Чем мужа лишитъ утешенья
И в будущем сына презренье навлечъ ..
Нет, нет! не хочу я презренья!..

А может случиться — подумать боюсь!—
Я первого мужа забуду,
Условиям новой семьи подчинюсь
И сыну не матерью буду,
А мачехой лютой?.. Горю со стыда...
Прости меня, бедный изгнанник!
Тебя позабыть! Никогда! никогда!
Ты сердца единый избранник...

Отец! ты не знаешь, как дорог он мне!
Его ты не знаешь! Сначала,
В блестящем наряде, на гордом коне,
Его пред полком я видала;
О подвигах жизни его боевой
Рассказы товарищей боя
Я слушала жадно — и всею душой
Я в нем полюбила героя...

Позднее я в нем полюбила отца
Малютки, рожденного мною.
Разлука тянулась меж тем без конца.
Он твердо стоял под грозою...
Вы знаете, где мы увиделись вновь —
Судьба свою волю творила! —
Последнюю, лучшую сердца любовь
В тюрьме я ему подарила!

Напрасно чернила его клевета,
Он был безупречней, чем прежде,
И я полюбила его, как Христа...
В своей арестантской одежде
Теперь он бессменно стоит предо мной,
Величием кротким сияя.
Терновый венец над его головой,
Во взоре — любовь неземная...

Отец мой! должна я увидеть его...
Умру я, тоскуя по муже...

Ты, долгу служа, не щадил ничего,
И нас научил ты тому же...
Герой, выведивший своих сыновей
Туда, где смертельней сражение,—
Не верю, чтоб дочери бедной своей
Ты сам не одобрил решение!

Вот что я продумала в долгую ночь,
И так я с отцом говорила...
Он тихо сказал: «Сумасшедшая дочь!» →
И вышел; молчали уныло
И братья, и мать... Я ушла наконец...
Тяжелые дни потянулись:
Как туча ходил недовольный отец,
Другие домашние дулись.
Никто не хотел ни советом помочь,
Ни делом; но я не дремала,
Опять провела я бессонную ночь,
Письмо к государю писала.
(В то время молва начала разглашать,
Что будто вернуть Трубецкую
С дороги велел государь. Испытать
Боялась я участь такую,
Но слух был неверен.) Письмо отвезла
Сестра моя, Катя Орлова.
Сам царь отвечал мне... Спасибо, нашла
В ответе я доброе слово!
Он был элегантен и мил. (Николай
Писал по-французски.) Сначала
Сказал государь, как ужасен тот край,
Куда я поехать желала,
Как грубы там люди, как жизнь тяжела,
Как возраст мой хрупок и нежен;
Потом намекнул (я не вдруг поняла)
На то, что возврат безнадежен;
А дальше — изволил хвалою почтить
Решимость мою, сожалея,
Что, долгу покорный, не мог пощадить
Преступного мужа... Не смея
Противиться чувствам высоким таким,
Давал он свое позволение,—
Но лучше желал бы, чтоб с сыном моим

Осталась я дома...

Волнение

Меня охватило. «Я еду!» Давно
Так радостно сердце не билось...
«Я еду! я еду! Теперь решено!...»
Я плакала, жарко молилась...

В три дня я в далекий мой путь собралась,
Все ценное я заложила,
Надежную шубой, бельем запаслась,
Простую кибитку купила.
Родные смотрели на сборы мои,
Загадочно как-то вздыхая;
Отъезду не верил никто из семьи...
Последнюю ночь провела я
С ребенком. Нагнувшись над сыном моим,
Улыбку малютки родного
Запомнить старалась; играла я с ним
Печатью письма рокового.
Играла и думала: «Бедный мой сын!
Не знаешь ты, чем ты играешь!
Здесь участь твоя: ты проснешься один,
Несчастный! Ты мать потеряешь!»
И, в горе упав на ручонки его
Лицом, я шептала, рыдая:
«Прости, что тебя, для отца твоего,
Мой бедный, покинуть должна я...»

А он улыбался; не думал он спать,
Любуясь красивым пакетом;
Большая и красная эта печать
Его забавляла...

С рассветом

Спокойно и крепко заснуло дитя,
И щечки его заалели.
С любимого личика глаз не сводя,
Молясь у его колыбели,
Я встретила утро...

Я вмиг собралась.

Сестру заклинала я снова
Быть матерью сыну... Сестра поклялась...
Кибитка была уж готова.

Сурово молчали родные мои,
Прощание было немое.
Я думала: «Я умерла для семьи,
Все милое, все дорогое
Теряю... нет счета печальных потерь!..
Мать как-то спокойно сидела,
Казалось, не веря еще и теперь,
Чтоб дочка уехать посмела,
И каждый с вопросом смотрел на отца.
Сидел он поодаль понуро,
Не молвил словечка, не поднял лица,—
Оно было бледно и хмуро.
Последние вещи в кибитку снесли,
Я плакала, бодрость теряя,
Минуты мучительно медленно шли...
Сестру наконец обняла я
И мать обняла. «Ну, господь вас храни!» —
Сказала я, братьев целуя.
Отцу подражая, молчали они...
Старик поднялся негодуя,
По сжатым губам, по морщинам чела
Ходили зловещие тени...
Я молча ему образок подала
И стала пред ним на колени:
«Я еду! хоть слово, хоть слово, отец!
Прости свою дочь, ради бога!..
Старик на меня поглядел наконец,
Задумчиво, пристально, строго,
И, руки с угрозой подняв надо мной,
Чуть слышно сказал (я дрожала):
«Смотри! через год возвращайся домой,
Не то — прокляну!..»

Я упала...

Глава IV

«Довольно, довольно объятий и слез!»
Я села — и тройка помчалась.
«Прощайте, родные!» В декабрьский мороз
Я с домом отцовским рассталась
И мчалась без отдыха с лишком три дня;

Меня быстрота увлекала,
Она была лучшим врачом для меня...
Я скоро в Москву прискакала.
К сестре Зинаиде⁴. Мила и умна
Была молодая княгиня.
Как музыку знала! Как пела она!
Искусство ей было святыня.
Она нам оставила книгу новелл⁵,
Исполненных грации нежной,
Поэт Веневитинов стансы ей пел,
Влюбленный в нее безнадежно;
В Италии год Зинаида жила
И к нам — по сказанью поэта —
«Цвет южного неба в очах принесла»⁶.
Царица московского света,
Она не чуждалась артистов,— житье
Им было у Зины в гостиной;
Они уважали, любили ее
И Северной звали Коринной...

Поплакали мы. По душе ей была
Решимость моя роковая:
«Крепись, моя бедная! будь весела!
Ты мрачная стала такая.
Чем мне эти темные тучи прогнать?
Как мы распростимся с тобою?
А вот что! ложись ты до вечера спать,
А вечером пир я устрою.
Не бойся! все будет во вкусе твоём,
Друзья у меня не повесы,
Любимые песни твои мы споем,
Сыграем любимые пьесы...»

И вечером весть, что приехала я,
В Москве уже многие знали.
В то время несчастные наши мужья
Внимание Москвы занимали:
Едва огласилось решение суда,
Всем было неловко и жутко,
В салонах Москвы повторялась тогда
Одна растопчинская шутка:
«В Европе сапожник, чтоб барином стать,
Бунтует,— понятное дело!

У нас революцию сделала знать:
В сапожники, что ль, захотелась?..»

И сделалась я «героинею дня».
Не только артисты, поэты —
Вся двинулась знатная наша родня;
Парадные, цугом кареты
Гремели; напудрив свои парики,
Потемкину ровня по летам,
Явились бывшие тузы-старички
С отменно-учтивым приветом;
Старушки статс-дамы бывшего двора
В объятья меня заключали:
«Какое геройство!.. Какая пора!..» —
И в такт головами качали.
Ну, словом, что было в Москве повидней,
Что в ней мимоездом гостило,
Всё вечером съехалось к Зине моей:
Артистов тут множество было,
Певцов итальянцев тут слышала я,
Что были тогда знамениты,
Отца моего сослуживцы, друзья
Тут были, печалью убиты.
Тут были родные ушедших туда,
Куда я сама торопилась,
Писателей группа, любимых тогда,
Со мной дружелюбно простилась:
Тут были Одоевский, Вяземский; был
Поэт вдохновенный и милый,
Поклонник кузины, что рано почил,
Безвременно взятый могилой.

И Пушкин тут был... Я узнала его...
Он другом был нашего детства,
В Юрзуфе⁷ он жил у отца моего.
В ту пору проказ и кокетства
Смеялись, болтали мы, бегали с ним,
Бросали друг в друга цветами.
Все наше семейство поехало в Крым,
И Пушкин отправился с нами.
Мы ехали весело. Вот наконец
И горы и Черное море!

Велел постоять экипажам отец,
Гуляли мы тут на просторе.
Тогда уже был мне шестнадцатый год.
Гибка, высока не по летам,
Покинув семью, я стрелою вперед
Умчалась с курчавым поэтом;
Без шляпки, с распущенной длинной косой,
Полуденным солнцем палима,
Я к морю летела,— и был предо мной
Вид южного берега Крыма!
Я радостным взором глядела кругом,
Я прыгала, с морем играла;
Когда удалялся прилив, я бегом
До самой воды добегала,
Когда же прилив возвращался опять
И волны грядой подступали,
От них я спешила назад убежать,
А волны меня настигали!..
И Пушкин смотрел... и смеялся, что я
Ботинки мои промочила.
«Молчите! идет гувернантка моя!» —
Сказала я строго... (Я скрыла,
Что ноги промокли...) Потом я прочла
В «Онегине» чудные строки⁸.
Я вспыхнула вся — я довольна была...
Теперь я стара, так далеки
Те красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкин в то время казался
Влюбленным в меня... но, по правде сказать,
В кого он тогда не влюблялся!
Но, думаю, он не любил никого
Тогда, кроме Музы: едва ли
Не больше любви занимали его
Волненья ее и печали...

Юрзуф живописен: в роскошных садах
Долины его потонули,
У ног его море, вдали Аюдаг...
Татарские хижины льнули
К подножию скал; виноград выбегал
На кручу лозой отягченной,
И тополь местами недвижно стоял

Зеленой и стройной колонной.
Мы заняли дом под нависшей скалой,
Поэт наверху приютился,
Он нам говорил, что доволен судьбой,
Что в море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по дням
И были всегда одиноки,
Он у моря часто бродил по ночам.
По-английски брал он уроки
У Лены, сестры моей: Байрон тогда
Его занимал чрезвычайно.
Случалось сестре перевести иногда
Из Байрона что-нибудь — тайно;
Она мне читала попытки свои,
А после рвала и бросала,
Но Пушкину кто-то сказал из семьи,
Что Лена стихи сочиняла;
Поэт подобрал лоскутки под окном
И вывел все дело на сцену.
Хваля переводы, он долго потом
Конфузил несчастную Лену...
Окончив занятия, спускался он вниз
И с нами делился досугом;
У самой террасы стоял кипарис,
Поэт называл его другом,
Под ним заставлял его часто рассвет,
Он с ним, уезжая, прощался...
И мне говорили, что Пушкина след
В туземной легенде остался:
«К поэту летал соловей по ночам,
Как в небо луна выплывала,
И вместе с поэтом он пел, — и певцам
Внимая, природа смолкала!
Потом соловей, — повествует народ, —
Летал сюда каждое лето:
И свищет, и плачет, и словно зовет
К забытому другу поэта!
Но умер поэт — прилетать перестал
Пернатый певец... Полный горя,
С тех пор кипарис сиротою стоял,
Внимая лишь ропоту моря...»
Но Пушкин надолго прославил его:
Туристы его навещают,

Садятся под ним и на память с него
Душистые ветки срывают...

Печальна была наша встреча. Поэт
Подавлен был истинным горем.
Припомнил он игры ребяческих лет
В далеком Юрзуфе, над морем.
Покинув привычный насмешливый тон,
С любовью, с тоской бесконечной,
С участием брата напутствовал он
Подругу той жизни беспечной!
Со мной он по комнате долго ходил,
Судьбой озабочен моею,
Я помню, родные, что он говорил,
Да так передать не сумею:
«Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смелым терпением богаты,
Пусть мирно свершится ваш путь роковой,
Пусть вас не смущают утраты!
Поверьте, душевной такой чистоты
Не стоит сей свет ненавистный!
Блажен, кто меняет его суеты
На подвиг любви бескорыстной!
Что свет? опостылевший всем маскарад!
В нем сердце черствеет и дремлет,
В нем царствует вечный, рассчитанный хлад
И пылкую правду объемлет...

Вражда умирится влияньем годов,
Пред временем рухнет преграда,
И вам возвратятся пенаты отцов
И сени домашнего сада!
Целебно вольется в усталую грудь
Долины наследственной сладость,
Вы гордо оглянете пройденный путь
И снова узнаете радость.

Да, верю! недолго вам горе терпеть,
Гнев царский не будет же вечным...
Но если придется в степи умереть,
Помянут вас словом сердечным:
Пленителен образ отважной жены,
Явившей душевную силу

И в снежных пустынях суровой страны
Сокрывшейся рано в могилу!

Умрете, но ваших страданий рассказ
Поймется живыми сердцами,
И за полночь правнуки ваши о вас
Беседы не кончат с друзьями.
Они им покажут, вздохнув от души,
Черты незабвенные ваши,
И в память прабабки, погибшей в глуши,
Осушатся полные чаши!..
Пускай долговечнее мрамор могил,
Чем крест деревянный в пустыне,
Но мир Долгорукой еще не забыл,
А Бирона нет и в помине.

Но что я?.. Дай бог вам здоровья и сил!
А там и увидеться можно.
Мне царь «Пугачева» писать поручил,
Пугач меня мучит безбожно,
Расправиться с ним я на славу хочу,
Мне быть на Урале придется.
Поеду весной, поскорей захвачу,
Что путного там соберется,
Да к вам и махну, переехав Урал...»

Поэт написал «Пугачева»,
Но в дальние наши снега не попал.
Как мог он сдержать это слово?..

Я слушала музыку, грусти полна,
Я пению жадно внимала;
Сама я не пела — была я больна,
Я только других умоляла:
«Подумайте: я уезжаю с зарей...
О, пойте же, пойте! играйте!..
Ни музыки я не услышу такой,
Ни песни... Наслушаться дайте!»

И чудные звуки лились без конца!
Торжественной песней прощальной
Окончился вечер, — не помню лица
Без грусти, без думы печальной!

Черты неподвижных, суровых старух
Утратили холод надменный,
И взор, что, казалось, навеки потух,
Светился слезой умиленной...
Артисты старались себя превзойти,
Не знаю я песни прелестней
Той песни-молитвы о добром пути,
Той благословляющей песни...
О, как вдохновенно играли они!
Как пели!.. и плакали сами...
И каждый сказал мне: «Господь вас храни!», —
Прощаясь со мной со слезами...

Глава V

Морозно. Дорога бела и гладка,
Ни тучи на всем небосклоне...
Обмерзли усы, борода ямщика,
Дрожит он в своем балахоне.
Спина его, плечи и шапка в снегу,
Хрипит он, коней понукая,
И кашляют кони его на бегу,
Глубоко и трудно вздыхая...

Обычные виды: былая краса
Пустынного русского края,
Угрюмо шумят строевые леса,
Гигантские тени бросая;
Равнины покрыты алмазным ковром,
Деревни в снегу потонули,
Мелькнул на пригорке помещичий дом,
Церковные главы блеснули...

Обычные встречи: обоз без конца,
Толпа богомолков-старушек,
Гремящая почта, фигура купца
На гряде перин и подушек;
Казенная фура! с десятков подвод:
Навалены ружья и ранцы,
Солдатики! Жидкий безусый народ,
Должно быть, еще новобранцы;
Сынков провожают отцы-мужики
Да матери, сестры и жены:
«Уводят, уводят сердечных в полки!»
Доносятся горькие стоны...

Подняв кулаки над спиной ямщика,
Неистово мчится фельдъегерь.
На самой дороге догнав русака,
Усатый помещичий егерь
Махнул через ров на проворном коне,
Добычу у псов отбивает.
Со всей своей свитой стоит в стороне
Помещик — борзых подзывает...

Обычные сцены: на станциях ад —
Ругаются, спорят, толкутся.
«Ну, трогай!» из окон ребята глядят,
Продрогшие куры дерутся;
У кузницы бьется лошадка в станке,
Выходит весь сажей покрытый
Кузнец, с раскаленной подковой в руке:
«Эй, парень, держи ей копыты!..»

В Казани я сделала первый привал,
На жестком диване уснула;
Из окон гостиницы видела бал
И, каюсь, глубоко вздохнула!
Я вспомнила: час или два с небольшим
Осталось до нового года.
«Счастливые люди! как весело им!
У них и покой и свобода,
Танцуют, смеются!.. а мне не знаять
Веселья... я еду на муки!..»
Не надо бы мыслей таких допускать,
Да молодость, молодость, внуки!

Здесь снова пугали меня Трубецкой,
Что будто ее воротили:
«Но я не боюсь — позволение со мной!»
Часы уже десять пробили,
Пора! я оделась. «Готов ли ямщик?»
— Княгиня, вам лучше дожждаться
Рассвета,— заметил смотритель-старик.—
Метель начала подыматься!—
«Ах! то ли придется еще испытать!»
Поеду. Скорей, ради бога!..»

Звенит колокольчик, ни зги не видать,
Что дальше, то хуже дорога,

Поталкивать начало сильно з бока,
Какими-то едем грядями,
Не вижу я даже спины ямщика:
Бугор намело между нами.
Чуть-чуть не упала кибитка моя,
Шарахнулась тройка и стала.
Ямщик мой заохал: «Докладывал я:
Пождать бы! дорога пропала!..»

Послала дорогу искать ямщика,
Кибитку рогожей закрыла,
Подумала: верно, уж полночь близка,
Пружинку часов подавила:
Двенадцать ударило! Кончился год,
И новый успел народиться!
Откинув циновку, гляжу я вперед —
По-прежнему выюга крутится.
Какое ей дело до наших скорбей,
До нашего нового года?
И я равнодушна к тревоге твоей
И к стонам твоим, непогода!
Своя у меня роковая тоска,
И с ней я борюсь одиноко...

Поздравила я моего ямщика.
«Зимовка тут есть недалеко, —
Сказал он, — рассвета дождемся мы в ней!»
Подъехали мы, разбудили
Каких-то убогих лесных сторожей,
Их дымную печь затопили.
Рассказывал ужасы житель лесной,
Да я его сказки забыла...
Согрелись мы чаем. Пора на покой!
Метель все ужаснее выла.
Лесник покрестился, ночник погасил
И с помощью пасынка Феди
Огромных два камня к дверям привалил.
«Зачем?» — Одолели медведи!

Потом он улегся на голом полу,
Все скоро уснуло в сторожке,
Я думала, думала... лежа в углу
На мерзлой и жесткой рогожке...

Сначала веселые были мечты:
Я вспомнила праздники наши,
Огнями горящую залу, цветы,
Подарки, заздравные чаши,
И шумные речи, и ласки... кругом
Все милое, все дорогое —
Но где же Сергей?... И, подумав о нем,
Забыла я все остальное!

Я живо вскочила, как только ямщик
Продрогший в окно постучался.
Чуть свет на дорогу нас вывел лесник,
Но деньги принять отказался.
«Не надо, родная! Бог вас защити,
Дороги-то дальше опасны!»
Крепчали морозы по мере пути
И сделались скоро ужасны.
Совсем я закрыла кибитку мою —
И темно, и страшная скука.
Что делать? Стихи вспоминаю, пою...
Когда-нибудь кончится мука!

Пусть сердце рыдает, пусть ветер ревет
И путь мой заносят метели,
А все-таки я подвигаюсь вперед!
Так ехала я три недели...

Однажды, заслышав какой-то содом,
Циновку мою я открыла,
Взглянула: мы едем обширным селом,
Мне сразу глаза ослепило:
Пылали костры по дороге моей...
Тут были крестьяне, крестьянки,
Солдаты — и целый табун лошадей...
«Здесь станция: ждут серебрянки ¹, —
Сказал мой ямщик. — Мы увидим ее,
Она, чай, идет недалеко...»

Сибирь высылала богатство свое,
Я рада была этой встрече:
«Дождусь серебрянки! Авось что-нибудь
О муже, о наших узнаю.

¹ Обоз с серебром. (Прим. Н. А. Некрасова.)

При ней офицер, из Нерчинска их путь...»
В харчевне сижу, поджидаю...
Вошел молодой офицер; он курил,
Он мне не кивнул головою,
Он как-то надменно глядел и ходил,
И вот я сказала с тоскою:
«Вы видели, верно... известны ли вам
Те... жертвы декабрьского дела...
Здоровы они? Каково-то им там?
О муже я знать бы хотела...»
Нахально ко мне повернул он лицо, —
Черты были злы и суровы, —
И, выпустив изо рта дыму кольцо,
Сказал: «Несомненно здоровы,
Но я их не знаю — и знать не хочу,
Я мало ли каторжных видел!..»
Как больно мне было, родные! Молчу...
Несчастный! меня же обидел!..
Я бросила только презрительный взгляд,
С достоинством юноша вышел...
У печки тут грелся какой-то солдат,
Проклятье мое он услышал
И доброе слово — не варварский смех —
Нашел в своем сердце солдатском:
«Здоровы! — сказал он, — я видел их всех,
Живут в руднике Благодатском!..»
Но тут возвратился надменный герой,
Поспешно ушла я в кибитку.
Спасибо, солдатик! спасибо, родной!
Недаром я вынесла пытку!

Поутру на белые степи гляжу,
Послышался звон колокольный,
Тихонько в убогую церковь вхожу,
Смешалась с толпой богомольной.
Отслушав обедню, к попу подошла,
Молебен служить попросила...
Все было спокойно, — толпа не ушла...
Совсем меня горе сломило!
За что мы обижены столько, Христос?
За что поруганьем покрыты?
И реки давно накопившихся слез
Упали на жесткие плиты!

Казалось, народ мою грусть разделял,
Молясь молчаливо и строго,
И голос священника скорбью звучал,
Прояс об изгнанниках бога...
Убогий, в пустыне затерянный храм!
В нем плакать мне было не стыдно,
Участье страдальцев, молящихся там,
Убитой душе необходимо...

(Отец Иоанн, что молебен служил
И так непритворно молился,
Потом в каземате священником был
И с нами душой породнился.)

А ночью ямщик не сдержал лошадей,
Гора была страшно крутая,
И я полетела с кибиткой моей
С высокой вершины Алтая!

В Иркутске проделали то же со мной,
Чем там Трубецкую терзали...
Байкал. Переправа — и холод такой,
Что слезы в глазах замерзали.
Потом я рассталась с кибиткой моей
(Пропала санная дорога).
Мне жаль ее было: я плакала в ней
И думала, думала много!

Дорога без снегу — в телеге! Сперва
Телега меня занимала,
Но вскоре потом, ни жива ни мертва,
Я прелесть телеги узнала.
Узнала и голод на этом пути,
К несчастью, мне не сказали,
Что тут ничего невозможно найти,
Тут почту бурята держали.
Говядину вялят на солнце они
Да греются чаем кирпичным,
И тот еще с салом! Господь сохрани
Попробовать вам, непривычным!
Зато под Нерчинском мне задали бал:
Какой-то купец тароватый
В Иркутске заметил меня, обогнал

И в честь мою праздник богатый
Устроил... Спасибо! я рада была
И вкусным пельменям, и бане...
А праздник, как мертвая, весь проспала
В гостинной его на диване...

Не знала я, что впереди меня ждет!
Я утром в Нерчинск прискакала,
Не верю глазам — Трубецкая идет!
«Догнала тебя я, догнала!»
— Они в Благодатске! — Я бросилась к ней,
Счастливые слезы роняя...
В двенадцати только верстах мой Сергей,
И Катя со мной Трубецкая!

Глава VI

Кто знал одиночество в дальнем пути,
Чьи спутники — горе да вьюга,
Кому провиденьем дано обрести
В пустыне нежданно друга,
Тот нашу взаимную радость поймет...
— Устала, устала я, Маша!
«Не плачь, моя бедная Катя! Спасет
Нас дружба и молодость наша!
Нас жребий один неразрывно связал,
Судьба нас равно обманула,
И тот же поток твое счастье умчал,
В котором мое потонуло.
Пойдем же мы об руку трудным путем,
Как шли зеленеющим лугом,
И обе достойно свой крест понесем
И будем мы сильны друг другом.
Что мы потеряли? подумай, сестра!
Игрушки тщеславья... Немного!
Теперь перед нами дорога добра,
Дорога избранников бога!
Найдем мы униженных, скорбных мужей.
Но будем мы им утешеньем,
Мы кротостью нашей смягчим палачей,
Страданье осилим терпеньем.
Опорою гибнущим, слабым, больным

Мы будем в тюрьме ненавистой
И рук не положим, пока не свершим
Обета любви бескорыстной!..
Чиста наша жертва — мы всё отдаем
Избранныкам нашим и богу.
И верю я: мы невредимо пройдем
Всю трудную нашу дорогу...»

Природа устала с собой воевать —
День ясный, морозный и тихий.
Снега под Нерчинском явились опять,
В санях покатали мы лихо..
О ссыльных рассказывал русский ямщик
(Он знал их фамилии даже):
«На этих конях я возил их в рудник,
Да только в другом экипаже.
Должно быть, дорога легка им была:
Шутили, смешили друг дружку;
На завтрак ватрушку мне мать испекла,
Так я подарил им ватрушку;
Двугривенный дали — я брать не хотел...
— Возьми, паренек, пригодится...»

Болтая, он живо в село прилетел.
«Ну, барыни! где становиться?»
— Вези нас к начальнику прямо в острог. —
«Эй, други, не дайте в обиду!»

Начальник был тучен и, кажется, строг,
Спросил: — по какому мы виду?
«В Иркутске читали инструкцию нам
И выслать в Нерчинск обещали...»
— Застряла, застряла, голубушка, там!
«Вот копия, нам ее дали...»
— Что копия? с ней попадешься впросак! —
«Вот царское вам позволение!»
Не знал по-французски упрямый чудак,
Не верил нам,— смех и мученье!
«Вы видите подпись царя: Николай?»
До подписи нет ему дела,
Ему из Нерчинска бумагу подай!
Поехать за ней я хотела,

Но он объявил, что отправится сам
И к утру бумагу добудет.
«Да точно ли?..» — Честное слово! А вам
Полезнее выспаться будет!..

И мы добрались до какой-то избы,
О завтрашнем утре мечтая;
С оконцем из слюды, низка, без трубы,
Была наша хата такая,
Что я головою касалась стены,
А в дверь упиралась ногами;
Но мелочи эти нам были смешны,
Не то уж случилось с нами.
Мы вместе! теперь бы легко я снесла
И самые трудные муки...
Проснулась я рано, а Катя спала,
Пошла по деревне от скуки:
Избушки, такие ж, как наша, числом
До сотни, в овраге торчали,
А вот и кирпичный с решетками дом!
При нем часовые стояли.
— Не здесь ли преступники? — «Здесь, да ушли».
— Куда? — «На работу, вестимо!»
Какие-то дети меня повели...
Бежали мы все — нестерпимо
Хотелось мне мужа увидеть скорей;
Он близко! Он шел тут недавно!
— Вы видите их? — я спросила детей,
«Да, видим! Поют они славно!
Вон дверца... гляди же! Пойдем мы теперь,
Прощай!..» Убежали ребята...

И словно под землю ведущую дверь
Увидела я — и солдата.
Сурово смотрел часовой, — наголо
В руке его сабля сверкала.
Не золото, внуки, и здесь помогло,
Хоть золото я предлагала!
Быть может, вам хочется дальше читать,
Да просится слово из груди!
Помедлим немного. Хочу я сказать
Спасибо вам, русские люди!

В дороге, в изгнанье, где я ни была
Все трудное каторги время,
Народ! я бодрее с тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебе пало на часть,
Ты делишь чужие печали,
И где мои слезы готовы упасть,
Твои уж давно там упали!..
Ты любишь несчастного, русский народ!
Страдания нас породнили...
«Вас в каторге самый закон не спасет!» —
На родине мне говорили;
Но добрых людей я встречала и там,
На крайней ступени паденья,
Умели по-своему выразить нам
Преступники дань уваженья;
Меня с неразлучною Катей моей
Довольной улыбкой встречали:
«Вы — ангелы наши!» За наших мужей
Уроки они исполняли.
Не раз мне украдкой давал из полы
Картофель колодник клейменный:
«Покушай! горячий, сейчас из золы!»
Хорош был картофель печеный,
Но грудь и теперь занывает с тоски,
Когда я о нем вспоминаю...
Примите мой низкий поклон, бедняки!
Спасибо вам всем посылаю!
Спасибо!.. Считали свой труд ни во что
Для нас эти люди простые,
Но горечи в чашу не подлил никто,
Никто — из народа, родные!..

Рыданьям моим часовой уступил,
Как бога его я просила!
Светильник (род факела) он засветил,
В какой-то подвал я вступила
И долго спускалась все ниже; потом
Пошла я глухим коридором,
Уступами шел он; темно было в нем
И душно; где плесень узором
Лежала; где тихо струилась вода
И лужами книзу стекала.

Я слышала шорох: земля иногда
Комками со стен упала;
Я видела страшные ямы в стенах;
Казалось, такие ж дороги
От них начинались. Забыла я страх,
Проворно несли меня ноги!

И вдруг я услышала крики: «Куда,
Куда вы? Убиться хотите?
Ходить не позволено дамам туда!
Вернитесь скорей! Погодите!»
Беда моя! видно, дежурный пришел
(Его часовой так боялся),
Кричал он так грозно, так голос был зол;
Шум скорых шагов приближался...
Что делать? Я факел задула. Вперед
Впотьмах наугад побежала...
Господь, коли хочет, везде проведет!
Не знаю, как я не упала,
Как голову я не оставила там!
Судьба берегла меня. Мимо
Ужасных расселин, провалов и ям
Бог вывел меня невредимо:
Я скоро увидела свет впереди,
Там звездочка словно светилась...
И вылетел радостный крик из груди:
«Огонь!» Я крестом осенилась...
Я сбросила шубу... Бегу на огонь...
Как бог уберег во мне душу!
Попавший в трясину испуганный конь
Так рвется, завидевши сушу...

И стало, родные, светлей и светлей!
Увидела я возвышенье:
Какая-то площадь... и тени на ней...
Чу... молот! работа, движенье...
Там люди! Увидят ли только они?
Фигуры отчетливей стали...
Вот ближе, сильнее замелькали огни.
Должно быть, меня увидали...
И кто-то стоявший на самом краю
Воскликнул: «Не ангел ли божий?
Смотрите, смотрите!» — Ведь мы не в раю:
Проклятая шахта похожей

На ад! — говорили другие смеясь
И быстро на край выбегали,
И я приближалась поспешно. Дивясь,
Недвижно они ожидали.

— Волконская! — вдруг закричал Трубецкой
(Узнала я голос). Спустили
Мне лестницу; я поднялась стрелой!
Всё люди знакомые были:
Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев,
Борисовы, князь Оболенский...
Потоком сердечных, восторженных слов,
Похвал моей дерзости женской
Была я осыпана; слезы текли
По лицам их, полным участия...
Но где же Сергей мой? «За ним уж пошли,
Не умер бы только от счастья!
Кончает урок: по три пуда руды
Мы в день достаем для России,
Как видите, нас не убили труды!»
Веселые были такие,
Шутили, но я под веселостью их
Печальную повесть читала
(Мне новостью были оковы на них,
Что их закуют — я не знала)...
Известьем о Кате, о милой жене
Утешила я Трубецкого;
Все письма, по счастью, были при мне,
С приветом из края родного
Спешила я их передать. Между тем
Внизу офицер горячился:
«Кто лестницу принял? Куда и зачем
Смотритель работ отлучился?
Сударыня! Вспомните слово мое,
Убьетесь!.. Эй, лестницу, черти!
Живей!.. (Но никто не подставил ее...)»
Убьетесь, убьетесь до смерти!
Извольте спуститься! да что ж вы?..» Но мы
Всё вглубь уходили... Отсюда
Бежали к нам мрачные дети тюрьмы,
Дивясь небывалому чуду.
Они пролагали мне путь впереди,
Носилки свои предлагали...

Орудья подземных работ на пути,
Провалы, бугры мы встречали.
Работа кипела под звуки оков,
Под песни — работа над бездной!
Стучались в упругую грудь рудников
И заступ и молот железный.
Там с ношею узник шагал по бревну,
Невольно кричала я: «Тише!»
Там новую мину вели в глубину,
Там люди карабкались выше
По шатким подпоркам... Какие труды!
Какая отвага!.. Сверкали
Местами добытые глыбы руды
И щедрую дань обещали...

Вдруг кто-то воскликнул: «Идет он! идет!»
Окинув пространство глазами,
Я чуть не упала, рванувшись вперед,—
Канавы были перед нами.
«Потише, потише! Ужели затем
Вы тысячи верст пролетели,—
Сказал Трубецкой,— чтоб на горе нам всем
В канаве погибнуть — у цели?—
И за руку крепко меня он держал.—
Что б было, когда б вы упали?»
Сергей торопился, но тихо шагал.
Оковы уныло звучали.
Да, цепи! Палач не забыл ничего
(О, мстительный трус и мучитель!), —
Но кроток он был, как избравший его
Орудьем своим искупитель.
Пред ним расступались, молчанье храня,
Рабочие люди и стража...
И вот он увидел, увидел меня!
И руки простер ко мне: «Маша!»
И стал, обессиленный словно, вдали...
Два ссыльных его поддержали.
По бледным щекам его слезы текли,
Простертые руки дрожали...

Душе моей милого голоса звук
Мгновенно послал обновленье,
Отраду, надежду, забвение мук,

Отцовской угрозы забвеньё!
И с криком: «иду!» я бежала бегом,
Рванув неожиданно руку,
По узкой доске над зияющим рвом,
Навстречу призывному звуку...
«Иду!..» Посылало мне ласку свою
Улыбкой лицо испитое...
И я подбежала... И душу мою
Наполнило чувство святое.
Я только теперь, в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки,
Он много страдал, и умел он страдать!..
Невольно пред ним я склонила
Колени — и, прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!..

И тихого ангела бог ниспослал
В подземные копи — в мгновенье
И говор, и грохот работ замолчал,
И замерло словно движенье,
Чужие, свои — со слезами в глазах,
Взволнованы, бледны, суровы —
Стояли кругом. На недвижных ногах
Не издали звука оковы,
И в воздухе поднятый молот застыл...
Все тихо — ни песни, ни речи...
Казалось, что каждый здесь с нами делил
И горечь и счастье встречи!
Святая, святая была тишина!
Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна.

«Да где же вы все запропали?» —
Вдруг снизу донесся неистовый крик.
Смотритель работ появился.
«Уйдите! — сказал со слезами старик.—
Нарочно я, барыня, скрылся,
Теперь уходите. Пора! Забранят!
Начальники люди крутые...»
И словно из рая спустилась я в ад...
И только... и только, родные!

По-русски меня офицер обругал,
Внизу ожидавший в тревоге,
А сверху мне муж по-французски сказал:
«Увидимся, Маша,— в остроге!..»

ПРИМЕЧАНИЯ К ПОЭМЕ
«КН. М. Н. ВОЛКОНСКАЯ»

¹ См. «Деяния российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну с Францією в 1812—1815 годах». С Петербург. 1822 года, часть 3, стр. 30—64. Биография генерала-от-кавалерии Николая Николаевича Раевского.

² См. соч. Жуковского, изд. 1849 года, том I,— «Певец в стане русских воинов», стр. 280:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый — грудь против мечей
С отважными сынами...

Факт, о котором здесь упоминается, в «Деяниях» рассказан следующим образом (часть 3, стр. 52):

«В сражении при Дашкове, когда храбрые Россияне, от чрезвычайного превосходства в силах и ужасного действия артиллерии неприятеля несколько поколебались, генерал Раевский, зная, сколько личный пример начальника одушевляет подчиненных ему воинов, *взяв за руки двух своих сыновей, не достигших еще двадцатилетнего возраста, бросился с ними вперед на одну неприятельскую батарею, упорствовавшую еще покориться мужеству героев, вскричал: «Вперед, ребята, за царя и отечество! я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь!..»* — и что могло после сего противостоять усилиям и рвению предводимых таким начальником войск. Батарея была тотчас взята».

Этот факт рассказан и у Михайловского-Данилевского (т. I, стр. 329, изд. 1839 года) с тою разницею, что, по рассказу Данилевского, дело происходило не под *Дашковой*, а при *Салтанэвке*, и при этом случае упомянут подвиг шестнадцатилетнего юнкера, ровесника с Раевскими, несшего впереди полка знамя при переходе через греблю под убийственным огнем; и когда младший из Раевских (Николай Николаевич) просил у него знамя, под предлогом, что тот устал: «Дайте мне нести знамя», — юнкер, не отдавая одного, отвечал: «Я сам умею умирать!» Подлинность всего этого подтверждает и генерал Липранди, заметка которого (из дневника и воспоминаний И. П. Липранди) помещена в «Архиве» г. Бартенева (1866 года, стр. 1, 214).

³ Наша поэма была уже написана, когда мы вспомнили, что генерал Раевский и по возвращении из похода, окончившегося взятием Парижа, продолжал служить. Мы не сочли нужным изменить нашего текста, так как это обстоятельство чисто внешнее; притом Раевский, командовавший корпусом, расположенным близ Киева, под старость действительно часто жил в деревне, где, по свидетельству Пушкина, который хорошо знал Н. Н. Раевского и был другом с его сыновьями.

занимался, между прочим, домашнею медициной и садоводством. Приводим кстати свидетельство Пушкина о Раевском в одном из писем к брату:

«Мой друг, счастливейшие минуты в жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душой; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина Свидетель екатерининского века, памятник 12-го года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества».

⁴ Зинаида Волконская, урожденная кн. Белосельская, была родственницей нашей героине по мужу.

⁵ *Quatre Nouvelles. Par M-me La Princesse Zénéide Wolkonsky, née P-sse Bélousselsky. Moscou, dans l'imprimerie d'Auguste Semen. 1819*

⁶ См. стихотворения Д. В. Веневитинова, изд. А. Пятковского. Спб 1862. («Элегия», стр. 96):

«На цвет небес ты долго нагляделась
И цвет небес в очах нам принесла».

Пушкин также посвятил З. В(олконс)кой стихотворение (1827 год), начинающееся стихом:

«Царица муз и красоты» и пр.

⁷ Юрзуф — очаровательный уголок южного берега Крыма — лежит на восточной оконечности южного берега, на пути между Яйлою и Ялтою. Заметим здесь, что во всем нашем рассказе о пребывании Пушкина у Раевских в Юрзуфе не вымыслено нами ни одного слова. Анекдот о шалости Пушкина по поводу переводов Елены Николаевны Раевской рассказан в статье г. Бартенева «Пушкин в Южной России» («Русский архив» 1866 года, ст. 1, 118). О друге своем кипарисе упоминает сам Пушкин в известном письме к Дельвигу: «В двух шагах от дома рос кипарис; каждое утро я посещал его и привязался к нему чувством, похожим на дружество». Легенда, связавшаяся впоследствии с этим другом Пушкина, рассказана в «Крымских письмах» Евгении Тур («С.-Петербургские ведомости» 1854 года, письмо 5-е) и повторена в упомянутой выше статье г. Бартенева.

⁸ Я помню море пред грозою,
Как я завидовал волнам,
Бежавшим бурной чередой
С любовью лечь к ее ногам,
и проч.

(«Онегин» Пушкина).

ДЕТСТВО

(Неоконченные записки)

I

В первые годы младенчества
 Помню я церковь убогую,
 Стены ее деревянные,
 Крышу неровную, серую,
 Мохом зеленым поросшую.
 Помню я горе отцовское:
 Толки его с прихожанами,
 Что угрожает обрушиться
 Старое, ветхое здание.
 Часто они совещались,
 Как обновить отслужившую
 Бедную церковь приходскую;
 Поговорив, расходились,
 Храм окружали подпорками,
 И продолжалось служение.
 В ветхую церковь бестрепетно
 В праздники шли православные —
 Шли старики престарелые,
 Шли малолетки беспечные,
 Бабы с грудными младенцами.
 В ней причащались, венчались,
 В ней отпевали покойников...

Синее небо виднелось
 В трещины старого купола,
 Дождь иногда в эти трещины
 Падал: по лицам молящихся

И по иконам угодников
Крупные капли струилися.
Ими случайно омытые,
Обыкновенно чуть видные,
Темные лики святителей
Вдруг выступали... Боялась я,—
Словно в семью нашу мирную
Люди вошли незнакомые,
С мрачными, строгими лицами...

То растворялось нечаянно
Ветром окошко непрочное,
И в заунывно-печальное
Пение гимна церковного
Звонкая песня вторгалась,
Полная горя житейского —
Песня сурового пахаря!..

Помню я службу последнюю:
Гром загремел неожиданно,
Все сотрясенное здание
Долго дрожало, готовое
Рухнуть: лампы горящие,
Паникадилы качались,
С звоном упали тяжелые
Ризы с иконы спасителя,
И растворилась безвременно
Дверь алтаря. Православные
В ужасе ниц преклонились —
Божьего ждали решения!..

II

Ближе к дороге красивая,
Новая церковь кирпичная
Гордо теперь возвышается
И заслоняет развалины
Старой. Из ветхого здания
Взяли убранство убогое,
Вынесли утварь церковную,
Но до остатков строения
Руки мирян не коснулись.

Словно больной, от которого
Врач отказался, оставлено
Времени старое здание.
Ласточки там поселились—
То вылетали оттудова
То возвращались стремительно,
Громко приветствуя птенчиков
Звонким своим щебетанием...

В землю врастая медлительно,
Эти остатки убогие
Преобразились в развалины
Странные, чудно красивые.
Дверь завалилась, обрушился
Купол; оторваны бурею,
Ветхие рамы попадали;
Травами густо проросшие,
В зелени стены терялись,
И простирали в раскрытые
Окна — березы соседние
Ветви свои многолистые...

Их семена, занесенные
Ветром на крышу неровную
Дали отростки: любила я
Эту березку кудрявую,
Что возвышалась там, стройная,
С бледно-зелеными листьями,
Точно вчера только ставшая
На ноги резвая девочка,
Что уж сегодня вскарабкалась
На высоту — и бестрепетно
Смотрит оттуда с смеющимся,
Смелым и ласковым личиком...

Птицы носились там стаями,
Там стрекотали кузнечики,
Да деревенские мальчики
И русокудрые девочки
Живмя там жили: по тропочкам
Между высокими травами
Бегали, звонко аукались,
Пели веселые песенки.

Там мое детство беспечное
Мирно летело... Играла я,
Помню, однажды с подругами
И набежала нечаянно
На полусгнившее дерево.
Пылью обдав меня, дерево
Вдруг подо мною рассыпалось:
Я провалилась в развалины,
Внутрь запустелого здания,
Где не бывала со времени
Службы последней...

Объятая

Трепетом, я огляделась:
Гнездышек ряд под карнизами,
Ласточки смотрят из гнездышек,
Словно кивают головками,
А по стенам молчаливые,
Строгие лица угодников...
Перекрестилась невольно я,—
Жутко мне было! дрожала я,
А уходить не хотелось.
Чудилось мне: наполняется
Церковь опять прихожанами;
Голос отца престарелого,
Пение гимнов божественных,
Вздохи и шепот молитвенный
Слышались мне,— простояла бы
Долго я тут неподвижная,
Если бы вдруг не услышала
Криков: «Параша! да где же ты?..»
Я отозвалась; нахлынули
Дети гурьбой,— и наполнились
Звуками жизни развалины,
Где столько лет уж не слышались
Голос и шаг человеческий...

**НАКАНУНЕ
СВЕТЛОГО ПРАЗДНИКА**

*(Из стихотворений,
посвященных русским детям)*

I

Я ехал к Ростову
Высоким холмом,
Лесок малорослый
Тянулся на нем:

Береза, осина,
Да ель, да сосна;
А слева — долина,
Как скатерть, ровна.

Пестрел деревнями,
Дорогами дол,
Он все понижался
И к озеру шел.

Ни озера, дети,
Забуть не могу,
Ни церкви на самом
Его берегу:

Тут чудо-картину
Я видел тогда!
Ее вспоминаю
Охотно всегда...

II

Начну по порядку:
Я ехал весной,
В страстную субботу,
Пред самой святой.

Домой поспешая
С тяжелых работ,
С утра мне встречался
Рабочий народ;

Скучая смертельно,
Решал я вопрос:
Кто плотник, кто слесарь,
Маляр, водовоз?

Нетрудное дело!
Идут кузнецы —
Кто их не узнает?
Они молодцы

И петь и ругаться,
Да — день не такой!
Идет кривоногий
Гуляка-портной:

В одном сюртучишке,
Фуражка как блин,—
Гармония, трубка,
Утюг и аршин!

Смотрите — красильщик!
Узнаешь сейчас:
Нос выпачкан охрой
И суриком глаз;

Он кисти и краски
Несет за плечом,
И словно ландкарта
Передник на нем.

Вот пыльщики: сайку
Угрюмо жуют
И, словно солдаты,
Все в ногу идут,

А пилы стальные
У добрых ребят,
Как рыбы живые,
На плечах дрожат!

Я доброго всем им
Желаю пути;
В родные деревни
Скорее прийти,

Омыть с себя копоть
И пот трудовой
И встретить святую
С веселой душой...

III

Стемнело. Болтая
С моим ямщиком,
Я ехал все тем же
Высоким холмом,

Взглянул на долину,
Что к озеру шла,
И вижу — долина
Моя ожила:

На каждой тропинке,
Ведущей к селу,
Толпы появились;
Вечернюю мглу

Огни озарили:
Куда-то идет
С пучками горящей
Соломы народ.

Куда? Я подумать
О том не успел,
Как колокол громко
Ответ прогудел!

У озера ярко
Горели костры,—
Туда направлялись,
Нарядны, пестры,

При свете горящей
Соломы,— толпы...
У божьего храма
Сходились тропы,—

Народная масса
Сдвигалась, росла.
Чудесная, дети,
Картина была!..

ТРИ ЭЛЕГИИ

(А. Н. Плещееву)

I

Ах! что изгнание, заточенье!
Захочет — выручит судьба!
Что враг! — возможно примиренье,
Возможна равная борьба;

Как гнев его ни беспределен,
Он промахнется в добрый час...
Но той руки удар смертелен,
Которая ласкала нас!..

Один, один!.. А ту, кем полны
Мои ревнивые мечты,
Умчали роковые волны
Пустой и милой суеты.

В ней сердце жаждет жизни новой,
Не сносит горестей оно
И доли трудной и суровой
Со мной не делит уж давно...

И тайна все: печаль и муку
Она сокрыла глубоко?
Или решила на разлуку
Благоразумно и легко?

Кто скажет мне?.. Молчу, скрываю
Мою ревнивую печаль,
И столько счастья ей желаю,
Чтоб было прошлого не жаль!

Что ж, если сбудется желанье?..
О нет! живет в душе моей
Неотразимое сознание,
Что без меня нет счастья ей!

Все, чем мы в жизни дорожили,
Что было лучшего у нас,—
Мы на один алтарь сложили —
И этот пламень не угас!

У берегов чужого моря,
Вблизи, вдали он ей блеснет
В минуту сиротства и горя,
И — верю я — она придет!

Придет... и, как всегда, стыдлива,
Нетерпелива и горда,
Потупит очи молчаливо.
Тогда... Что я скажу тогда?..

Безумец! для чего тревожишь
Ты сердце бедное свое?
Простить не можешь ты ее—
И не любить ее не можешь!..

П

Бьется сердце беспокойное,
Отуманились глаза.
Дуновенье страсти знойное
Налетело, как гроза.

Вспоминаю очи ясные
Дальней странницы моей,
Повторяю стансы сграстные,
Что сложил когда-то ей.

Я зову ее, желанную:
Улетим с тобою вновь
В ту страну обетованную,
Где венчала нас любовь!

Розы там цветут душистее,
Там лазурней небеса,
Соловьи там голосистее,
Густолиственной леса...

III

Разбиты все привязанности, разум
Давно вступил в суровые права,
Гляжу на жизнь неверующим глазом...
Все кончено! Седеет голова.

Вопрос решен: трудись, пока годишься,
И смерти жди! Она недалека...
Зачем же ты, о сердце! не миришься
С своей судьбой?.. О чем твоя тоска?..

Непрочно все, что нами здесь любимо,
Что день — сдаем могиле мертвеца,
Зачем же ты в душе неистребима,
Мечта любви, не знающей конца?..

Усни... умри!..

УТРО

Ты грустна, ты страдаешь душою:
Верю — здесь не страдать мудрено.
С окружающей нас нищетою
Здесь природа сама заодно.

Бесконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрые, сонные галки,
Что сидят на вершине стога,

Эта кляча с крестьянином пьяным,
Через силу бегущая вскачь
В даль, сокрытую синим туманом,
Это мутное небо... Хоть плачь!

Но не краше и город богатый:
Те же тучи по небу бегут;
Жутко нервам — железной лопатой
Там теперь мостовую скребут.

Начинается всюду работа;
Возвестили пожар с каланчи;
На позорную площадь кого-то
Провезли — там уж ждут палачи.

Проститутка домой на рассвете
Поспешает, покинув постель;
Офицеры в наемной карете
Скачут за город: будет дуэль.

Торгаши просыпаются дружно
И спешат за прилавки засесть:
Целый день им обмеривать нужно,
Чтобы вечером сытно поесть.

Чу! из крепости грянули пушки!
Наводнение столице грозит...
Кто-то умер: на красной подушке
Первой степени Анна лежит.

Дворник вора колотит — попался!
Гонят стадо гусей на убой;
Где-то в верхнем этáже раздался
Выстрел — кто-то покончил с собой...

НАД ЧЕМ МЫ СМЕЕМСЯ...

Раз сказал я за пирушкой:
«До свидания, друзья!
Вечер с матушкой-старушкой
Проведу сегодня я:
Нездорова — ей не спится,
Надо бедную занять...»
С той поры, когда случится
Мне с друзьями пировать,
Как запас вестей иссякнет
И настанет тишина,
Кто-нибудь наверно брякнет:
«Человек! давай вина!
Выпьем мы еще по чаше
И — *туда...* живей, холоп!
Ну... а ты — иди к мамаше!
Ха! ха! ха!..» Хоть пулю в лоб!

Водовоз воды бочонок
В гололедицу ташил;
Стар и слаб, как щепка тонок,
Бедный выбился из сил.
Я усталому салазки
На бугор помог ввезти.
На беду, в своей коляске
Мчался Митя по пути —
Как всегда, румян и светел,
Он рукою мне послал
Поцелуй, — он все заметил
И друзьям пересказал.

С той поры мне нет проходу:
Филантроп да филантроп!
«Что? возил сегодня воду?..
Ха! ха! ха!..» Хоть пулю в лоб!

ПУТЕШЕСТВЕННИК

В городе волки по улицам бродят,
Ловят детей, гувернанток и дам,
Люди естественным это находят,
Сами они подражают волкам.

В городе волки, и волки на даче,
А уж какая их тьма по Руси!
Скоро уж там не останется клячи...
Ехать в деревню? Теперь-то? Мерси!¹

Прусский барон, опоясавши выю
Белым жабо в три вершка ширины,
Ездит один, изучая Россию,
По захолустьям несчастной страны:

— Как у вас хлебушко? — «Нет ни ковриги!»
— Где у вас скот? — «От заразы подох!»
А заикнулся про школу, про книги —
Прочь побежали. «Помилуй нас бог!

Книг нам не надо — неси их к жандару!
В прошлом году у прохожих людей
Мы их купили по гривне за пару,
А натерпелись на тыщу рублей!»

Благодарю! (франц.).

Думает немец: «Уж я не оглох ли?
К школе привешен тяжелый замок,
Нивы посохли, коровы подохли,
Как эти люди заплатят оброк?»

«Что наблюдать? что записывать в книжку?» —
В грусти барон сам с собой говорит...
Дай ты им гривну да хлеба коврижку
И наблюдай, немчура, аппетит...

НОЧЛЕГИ

I

НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ

Вступили кони под навес,
Гремя бесчеловечно.
Усталый, я с телеги слез,
Ночлегу рад сердечно.

Спрыгнули псы; задорный лай
Наполнил всю деревню,
Впустил нас дворник Николай
В убогую харчевню.

Усердно кушая леща,
Сидел уж там прохожий
В пальто с господского плеча:
«Спознились, сударь, тоже?» —

Он, низко кланяясь, сказал.
— Да, нынче дни коротки.—
Уселся я, а он стоял.
— Садитесь! выпьем водки!

Прохожий выпил рюмки две
И разболтался сразу:
«Иду домой... а жил в Москве...
До царского указу

Был крепостной: отец и дед
Помещикам служили.
Мне было двадцать восемь лет,
Как волю объявили;

Наш барин стал куда как лих,
Сердился, придирался,
А перед самым сроком стих,
С рабами попрощался,

Сказал нам: «Вольны вы теперь,—
И очи помутились,—
Идите с богом!» Верь не верь,
Мы тоже прослезились

И потянулись кто куда...
Пришел я в городишко,
А там уж целая орда
Таких же — нет местишка!

Решился я идти в Москву,
В конторе записался,
И вышло место к Покрову.
Не барин — клад попался!

Сначала, правда, злился он,
Чем больше угождаю,
Тем он грубей; прогонит вон...
За что?.. Не понимаю!

Да с ним,— как я смекнул позднее,—
Знать надо было штучку:
Сплошал — сознайся поскорей,
Не лги, не чмокай в ручку!

Не то рассердишь: «Ермолай!
Опомнись! как не стыдно!
Привычки рабства покидай!
Мне за тебя обидно!

Ты человек! ты гражданин!
Знай: сила не в богатстве,
Не в том — велик ли, мал ли чин,
А в равенстве и братстве!

Я раболепства не терплю,
Не льсти, не унижайся!
Случиться может: сам вспылю —
И мне не поддавайся!..»

Работы мало, да и той
Сам половину правил;
Я захворал — всю ночь со мной
Сидел — пиявки ставил;

За каждый шаг благодарил.
С любовью, не со страхом
Три года я ему служил —
И вдруг пошло все прахом!

Однажды он сердитый встал,
Порезался, как брился,
Всё не по нем! весь день ворчал
И вдруг совсем озлился,

Кастит!.. — Потише, господин! —
Сказал я, вспыхнув тоже.
«Как! что?.. Зазнался, хамов сын!» —
И хлоп меня по роже!

По старой памяти, я прочь,
А он за мной — бедовый!..
— Так вот, — продумал я всю ночь, —
Каков он — барин новый!

Такие речи поведет,
Что слушать любо-мило,
А кончит тем же, что прибьет!
Нет, прежде проще было!

Обидно! Я его считал
Не барином, а братом...
Настало утро — не позвал;
Свернувшись под халатом,

Стонал, как раненый, весь день,
Не выпил чашки чаю...
А ночью барин словно тень
Прокрался к Ермолаю;

Вперед уставился лицом:
«Ударь меня скорее!
Мне легче будет!..» (Мертвецом
Глядел он, был белее

Своей рубахи.) Мы равны,
Да я сплюшал... я знаю...
Как быть? сквитаться мы должны...
Ударь!.. Я позволяю.

Не так ли, друг? Скорее хлоп —
И снова правы, святы...»
— Не так! Вы барин — я холоп,
Я беден — вы богаты!

(Сказал я.) Должен я служить,
Пока стаёт терпенья,
И я служить готов... а бить
Не буду... с позволенья!..

Он все свое, а я свое,
Спор долго продолжался.
Смекнул я: тут мне не житье!
И с барином расетался.

Иду покамест в Арзамас,
Там у меня невеста...
Нельзя ли будет через вас
Достать другое место?..»

II

НА ПОГОРЕЛОМ МЕСТЕ

Слава богу, хоть ночь-то светла!
Увлекаться так глупо и стыдно.
Мы устали, промокли дотла,
А кругом деревеньки не видно.

Наконец увидал я бугор,
Там угрюмые сосны стояли,
И под ними дымился костер,
Мы с Трофимом ¹ туда побежали.

¹ Проводник. (Прим. Н. А. Некрасова.)

«Горевали, а вот и ночлег!»
— Табор, что ли, цыганский там?— «Нету!
Не видать ни коней, ни телег.
Незаметно и красного цвету.

У цыганок, куда ни взгляни,
Красный цвет — это первое дело!»
— Кэсари?— «Кабы были они,
Хоть одна бы тут женщина пела».

— Пастухи ли огонь развели?..—
Через пни погорелого бора
К неширокой реке мы пришли
И разгадку увидели скоро:

Погорельцы разбили тут стан,
К нам навстречу ребята бежали:
«Не видали вы наших крестьян?
Побираться пошли — да пропали!»

— Не видали!..— Весь табор притих...
Звучно щиплет траву лошаденка,
Бабы нянчат младенцев грудных,
Утешает ребят старушонка:

«Воля божья: усните скорей!
Эту ночь потерпите вы только!
Завтра вам накуплю калачей.
Вот и деньги... Глядите-ка, сколько!»

— Где ты, баушка, денег взяла?
«У оконца, на месячном свете,
В ночи зимние пряжу пряла...»
Побренчали казной ее дети...

Старый дед, словно царь Соломон,
Роздал им кой-какую одежду.
Патриархом библейских времен
Он глядел, завернувшись в рогожу:

Величаяя строгость в чертах,
Череп голый, нависшие брови,
На груди и на голых ногах
След недавних обжогов и крови.

Мой вожатый к нему подлетел:
— Здравствуй, дедко!— «Живите здоровы!»
— Погорели? А хлеб уцелел?
Уцелели лошадки, коровы?..

«Хлебу было сгореть мудрено,—
Отвечал патриарх неохотно.—
Мы его не имели давно.
Спите, детки, окутавшись плотно!

А к костру не ложитесь: огонь
Подползет — опалит волосенки.
Уцелел — из двенадцати — конь,
Из семнадцати — три коровенки».

— Нет и ваших дремучих лесов?
Век росли, а в неделю пропали!—
«Соблазняли они мужиков:
Шутка! сколько у барина крали!»

Молча взял он ружье у меня,
Осмотрел, осторожно поставил.
Я сказал:— Беспощадней огня
Нет врага — ничего не оставил!

«Не скажи. Рассудила судьба,
Что нельзя же без древа-то в мире,
И оставила нам на гроба
Эти сосны...» (Их было четыре)...

III

У ТРОФИМА

Звезды осени мерцают
Тускло, месяц без лучей;
Кони бережно ступают,
Реки налило с дождей.

Поскорей бы к самовару!
Нетерпением томим,
Жадно я курю сигару
И молчу. Молчит Трофим,

Он сказал мне: «Месяц в небе —
Словно сайка на столе», —
Значит: думает о хлебе,
Я мечтаю о тепле.

Едем... едем... Тучи выются
И бегут... Конца им нет!
Если разом все прольются —
Поминай как звали свет!

Вот и наша деревенька!
Встрепенулся спутник мой:
«Есть тут валенки, надень-ка!»
— Чаю! рому!.. Всё долой!..

Вот погашена лучина,
Ночь, но оба мы не спим.
У меня своя причина,
Но чего не спит Трофим?

— Что ты охаешь, Степаныч?
«Страшно, барин! мочи нет.
Вспомнил то, чего бы на ночь
Вспоминать совсем не след!

И откуда черт приводит
Эти мысли? Бороню,
Управляющий подходит,
Низко голову клоню,

Поглядеть в глаза не смею.
Да и он-то не глядит —
Знай накладывает в шею.
Шея — веришь ли? — трещит!

Только стану забываться,
Голос барина:— Трофим!
Недоимку!— Кувыркаться
Начинаю перед ним...»

— Страшно, видно, воротиться
К далекой старине? —
«Так ли страшно, что мутится
Вся утробушка во мне!

И теперь уйдешь весь в пятки,
Как посредник налетит,
Да с Трофима взятки гладки:
Пошумит — и укатит!

И теперь в квашне солома
Перемешана с мукой,
Да зато покойно дома,
А бывало — волком вой!

Дети были малолетки,
Я дрожал и за детей,
Как цыплят из-под наседки
Вырвет — пикнуть не посмей!

Как томили! Как поролли!
Сыну рассказывать начну —
Сын не верит. А давно ли?..
Дочку барином пугну —

Девка прыснет, захохочет:
«Шутишь, батька!»

— Погоди!

Если только бог захочет,
То ли будет впереди!

Есть у вас в округе школы?—
«Есть».— Учите-ка детей!
Не беда, что люди голы,
Лишь бы стали поумней.

Перестанет есть солому,
Трусу праздновать народ...
И твой внук отцу родному
Не поверит в свой черед.

УНЫНИЕ

I

Сгорело ты, гнездо моих отцов!
Мой сад заглох, мой дом бесследно сгинул,
Но я реки любимой не покинул.
Вблизи ее песчаных берегов
Я и теперь на лето укрываюсь
И, отдохнув, в столицу возвращаюсь
С запасом сил и ворохом стихов.
Мой черный конь, с Кавказа приведенный,
Умен и смел,— как вихорь он летит,
Еще отцом к охоте приученный,
Как вкопанный при выстреле стоит.
Когда «Кадо»¹ бежит опушкой леса
И глухаря нечаянно спугнет,
На всем скаку остановив «Черкеса»²
Спущу курок — и птица упадет.

II

Какой восторг! За перелетной птицей
Гонюсь с ружьем, а вольный ветер нив
Сметает сор, наваянный столицей,
С души моей. Я духом бодр и жив,

¹ Собака. (Прим. Н. А. Некрасова.)

² Лошадь. (Прим. Н. А. Некрасова.)

Я телом здоров. Я думаю... мечтаю...
Не чувствовать над мыслью молотка
Я не могу, как сильно ни желаю,
Но если он приподнят хоть слегка,
Но если я о нем позабываю
На полчаса — и тем я дорожу!
Я сам себя, читатель, нахожу,—
А это все, что нужно для поэта.
Так шли дела; но нынешнее лето
Не задалось: не заряжал ружья
И не писал еще ни строчки я.

III

Мне совестно признаться: я томлюсь,
Читатель мой, мучительным недугом.
Чтоб от него отделаться, делюсь
Я им с тобой: ты быть умеешь другом,
Довериться тебе я не боюсь.
Недуг не нов (но сила вся в размере),
Его зовут уныньем; в старину
Я храбро с ним выдерживал войну
Иль хоть смягчал трудом по крайней мере,
А нынче с ним не оберусь хлопот.
Быть может, есть причина в атмосфере,
А может быть, мне знать себя дает,
Друзья мои, пятидесятый год.

IV

Да, он настал — и требует отчета!
Когда зима нам кудри убелит,
Приходит к нам неожиданная забота
Свести итог... О юноши! грозит
Она и вам, судьба не пощадит:
Наступит час рассчитывать строго
За каждый шаг, за целой жизни труд,
И мстящего, зовущего на суд
В душе своей вы ощутите бога.
Бог старости — неумолимый бог.
(От юности готовьте ваш итог!)

V

Приходит он к прожившему полвека
И говорит: «Оглянемся назад,
Поищем дел, достойных человека...»
Увы! их нет! одних ошибок ряд!
Жестокий бог! Он дал двойное зренье
Моим очам; пытливое волнение
Родил в уме, душою овладел.
«Я даром жил, забвенье мой удел»,—
Я говорю, с ним жизнь мою читая:
Прости меня, страна моя родная:
Бесплоден труд, напрасен голос мой!
И вижу я, поверженный в смятение,
В случайности несчастной — преступленье,
Предательство в ошибке роковой...

VI

Измученный, тоскою удрученный,
Жестокостью судьбы неблагоприятной
Мои вины желаю объяснить,
Гоню врага, хочу его забыть,
Он тут как тут! В любимый труд, в забаву —
Мешает он во все свою отраву,
И снова мы идем рука с рукой.
Куда? увы! опять я проверяю
Всю жизнь мою — найти итог желаю,—
Угодно ли последовать за мной?

VII

Идем! Пути, утопанные гладко,
Я пренебрег, я шел своим путем;
Со стороны блюстителей порядка
Я, так сказать, был вечно под судом.
И рядом с ним — такая есть возможность!—
Я знал другой недружелюбный суд,
Где трусостью зовется осторожность,
Где подлостью умеренность зовут.

То юношества суд неумолимый.
Меж двух огней я шел неумолимый.
Куда пришел? Клянусь, не знаю сам,
Решить вопрос предоставляю вам.

VIII

Враги мои решат его согласно,
Всех меряя на собственный аршин,
В чужой душе они читают ясно,
Но мой судья — читатель-гражданин.
Лишь в суд его храню слепую веру.
Суди же ты, кем взыскан я не в меру!
Еще мой труд тобою не забыт,
И знаешь ты: во мне нет сил героя,—
Тот не герой, кто лавром не увит
Иль на щите не вынесен из боя,—
Я рядовой (теперь уж инвалид)...

IX

Суди, решай! А ты, мечта больная,
Воспрянь и, мир бесстрашно облетая,
Мой ум к труду, к покою возврати!
Чтоб отдохнуть душою несвободной,
Иду к реке — кормилице народной...
С младенчества на этом мне пути
Знакомо все... Знакомой грусти полны
Ленивые, медлительные волны...
О чем их грусть?.. Бывало, каждый день
Я здесь бродил в раздумье молчаливом
И слышал я в их ропоте тоскливом
Тоску и скорбь с попутных деревень...

X

Под берегом, где вечная прохлада
От старых ив, нависших над рекой,
Стоит в воде понуренное стадо,
Над ним шмелей неумолимый рой.

Лишь овцы рвут траву береговую,
Как рекруты острижены вплотную.
Невесел вид реки и берегов.
Свистит кулик, кружится рыболов,
Добычу карауля как разбойник;
Таинственно снастями шевеля,
Проходит барка; виден у руля
Высокий крест: на барке есть покойник...

XI

Чу! конь заржал. Трава кругом на славу,
Но лошадям невесело пришлось,
И, позабыв зеленую атаву,
Под дым костра, спасающий от ос,
Сошлись они, поникли головами
И машут в такт широкими хвостами.
Лишь там, вдали, остался серый конь,
Он не бежит проворно на огонь.
Хоть и над ним кружится рой докучный,
Серко стоит понур и недвижим.
Несчастный конь, ненатурально тучный!
Ты поражен недугом роковым.

XII

Я подошел: алела бугорками
По всей спине, усыпанной шмелями,
Густая кровь... струилась из ноздрей...
Я наблюдал жестокий пир шмелей,
А конь дышал все реже, все слабей.
Как вкопанный стоял он час — и боле,
И вдруг упал. Лежит недвижим в поле...
Над трупом солнца раскаленный шар
Да степь кругом. Вот с вышины спустился
Степной орел, над жертвой покружился
И царственно уселся на стожар.
В досаде я послал ему удар,
Спугнул его, но он вернется к ночи
И выклюет ей острым клювом очи...

ХІІІ

Иду на шелест нивы золотой.
Печальные, убогие равнины!
Недавние и страшные картины,
Стесняя грудь, проходят предо мной.
Ужели бог не сжадется над нами,
Сожженных нив дождем не оживит,
И мельница с недвижными крылами
И этот год без дела простоит?

ХІV

Ужель опять наградой будет плугу
Голодный год?.. Чу! женщина поет!
Как будто в гроб кладет она подругу.
Душа болит, уныние растет.
Народ! народ! Мне не дано героизма
Служить тебе,— плохой я гражданин,
Но жгучее, святое беспокойство
За жребий твой донес я до седины!
Люблю тебя, пою твои страданья,
Но где герой, кто выведет из тьмы
Тебя на свет?.. На смену колебанья
Твоих судеб чего дождемся мы?..

ХV

День свечерел. Томим тоскою вялой,
То по лесам, то по лугу брожу.
Уныние в душе моей усталой,
Уныние — куда ни погляжу.
Вот дождь пошел, и гром готов уж грянуть,
Косцы бегут проворно под шатры,
А я дождем спасаюсь от хандры,
Но, видно, мне и нынче не воспрянуть!
Упала ночь, зажглись в лугах костры,
Иду домой, тоскуя и волнуясь,
Беру перо, привычке повинуюсь,
Пишу стихи и — недовольный, жгу.
Мой стих уныл, как ропот на несчастье,
Как плеск волны в осеннее ненастье
На северном пустынном берегу...

СТРАШНЫЙ ГОД

(1870)

Страшный год! Газетное витийство
И резня, проклятая резня!
Впечатленья крови и убийства,
Вы вконец измучили меня!

О любовь!— где все твои усилия?
Разум!— где плоды твоих трудов?
Жадный пир злодейства и насилья,
Торжество картечи и штыков!

Этот год готовит и для внуков
Семена раздора и войны.
В мире нет святых и кротких звуков,
Нет любви, свободы, тишины!

Где вражда, где трусость роковая,
Мстящая — купаются в крови,
Стон стоит над миром не смолкая;
Только ты, поэзия святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!

Голос твой, увы, бессилен ныне!
Сгибнет он, не нужный никому,
Как цветок, потерянный в пустыне,
Как звезда, упавшая во тьму.

Прочь, о, прочь!— сомненья роковые,
Как прийти могли вы на уста?
Верю, есть еще сердца живые,
Для кого поэзия свята.

Но гремел, когда они родились,
Тот же гром, ручьями кровь лила;
Эти души кроткие смутились
И, как птицы в бурю, притаились
В ожиданье света и тепла.

* * *

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие,
Но разнузданы страсти жестокие.

Вихорь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная.
Все живое, все доброе косится...
Слышно только, о ночь безрассветная,
Среди мрака, тобою разлитого,
Как враги, торжествуя, скликаются,
Как на труп великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются!

ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ

Даже вполголоса мы не певали,
Мы — горемыки-певцы!
Под берегами мы ведро прождали,
Словно лентяи-пловцы.

Старость приходит — недуги да горе;
Жизнь бесполезно прошла;
Хоть на прощанье в открытое море,
В море царящего зла,

Прямо и смело направить бы лодку,—
Сунься-ко! Сделаешь шаг,
А на втором перервут тебе глотку!
Друг моей юности (ныне мой враг)!

Я не дивлюсь, что отчизну любезную
Счел ты за лучшее кинуть;
Жить для нее — надо силу железную,
Волю железную — сгнуть.

И. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

(Пророк)

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенной и шире,
В его душе нет помыслов мирских.
«Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!»

Так мыслит он — и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь его нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Царям земли напомнить о Христе.

ГОРЕ СТАРОГО НАУМА

(Волжская быль)

I

Науму паточный завод
И дворик постоялый
Дают порядочный доход.
Наум — неглупый малый:

Задаром сняв клочок земли,
Крестьянину с охотой
В нужде ссужает он рубли,
А тот плати работой,—

Так обращен нагой пустырь
В картофельное поле...
Вблизи — «Бабайский» монастырь,
Село «Большие Соли»,

Недалеко и Кострома.
Наум живет — не тужит,
И Волга-матушка сама
Его карману служит.

Питейный дом его стоит
На самом «перекате»;
Как лето Волгу обмелит,
К пустынной этой хате

Тропа знакома бурлакам:
Выходит много «чарки»...
Здесь ходу нет большим судам;
Здесь «паузятся» барки.

Купцы бегут: «Помогу дай!»
Наум купцов встречает,
Мигнет народу: не плошай!,
И сам не оплошает...

Кипит работа до утра;
Все весело, довольно.
Итак, нет худа без добра!
Подумаешь невольно,

Что ты, жалея бедняка,
Мелеешь год от года,
Благословенная река,
Кормилица народа!

II

Люблю я краткой той поры
Случайные тревоги,
И труд, и песни, и костры.
С береговой дороги

Я вижу сотни рук и лиц,
Мелькающих красиво,
А паруса, что крылья птиц,
Колеблются лениво,

А месяц медленно плывет,
А Волга чуть лепечет.
Чу! резко свистнул пароход,
Бежит и искры мечет.

Ущелья темных берегов
Стогласым эхом полны...
Не всё же песням бурлаков
Внимают эти волны.

Я слушал жадно иногда
И тот напев унылый,
Но гул довольного труда
Мне слаще слышать было.

Увы! я дожил до седин,
Но изменился мало.
Иных времен, иных картин
Провижу я начало

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков,
Народ неутомимый

Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

III

Мечты!.. Я верую в народ,
Хоть знаю: эта вера
К добру покамест не ведет.
Я мог бы для примера

Напомнить лица, имена,
Но это будет смело,
А смелость в наши времена —
Рискованное дело!

Пока над нами не висит
Ни тучки, солнце блещет, —
Толпа трусливого клеймит,
Отважным рукоплещет,

Но поднял бурю смелый шаг,—
Она же рада шикать,
Друзья попрячутся, а враг
Спешит беду накликасть...

О Русь!

IV

Науму с лишком пятьдесят,
А ни детей, ни жёнки,
Наум был сердцем суховат,
Любил одни деньжонки.

Он говорил: «Жениться — взять
Обузу! а «сударки»
Еще тошней: и время трать,
И деньги на подарки».

Опровергать его речей
Тогда не приходилось,
Хоть, может быть, в груди моей
Иное сердце билось,

Хотя у нас, как лед и зной,
Причины были розны:
«Над одинокой головой
Не так и тучи грозны;

Пускай лентяи и рабы
Идут путем обычным,
Я должен быть своей судьбы
Царем единоличным!»

Я думал гордо. Кто не рад
Оставить миру племя?
Но я родился невпопад —
Лихое было время!

Забыло солнышко светить,
Погас и месяц ясный,
И трудно было отличить
От ночи день ненастный.

Гром непрестанно грохотал,
И вихорь был ужасен,
И человек под ним стоял
Испуган и безгласен.

Был краткий миг: заря зажгла
Роскошно край лазури,
И буря новая пришла
На смену старой бури.

И новым силам новый бой
Готовился... Усталый,
Поник я буйной головой.
Погибли идеалы,

Ушло и время... Места нет
Желанному союзу.
Умру — и мой исчезнет след!
Надежда вся на музу!

У

Стеля серых куликов
На отмели песчаной,
Заслышу говор бубенцов
И свист, и топот рьяный,

На кручу выбегу скорей:
Знакомая тележка,
Нарядны гривы у коней,
У седока — усмешка...

Лихая пара! На шлеях
И бляхи и чешуйки.
В личных высоких сапогах,
В солидной синей чуйке,

В московском новом картузе,
Сам правя пристяжную,
Наум катит во всей красе.
Увидит — рад душою!

Кричит: «Довольно вам палить,
Пора чайку покушать!..»
Наум любил поговорить,
А я любил послушать.

Закуску, водку, самовар
Вносили по порядку
И Волги драгоценный дар —
Янтарную стерлядку.

Наум усердно предлагал
Рябиновку, вишневку,
А расходившись, обивал
«Смоленую головку».

— Ну, как делишки?— «В барыше»,—
С улыбкой отвечает.
Разговорившись по душе,
Подробно исчисляет,

Что дало в год ему вино
И сколько от завода.
«Накопчено, насолено —
Чай, хватит на три года!

Все лето занято трудом,
Хлопот по самый ворот.
Придет зима — лежу сурком,
Не то поеду в город.

Начальство — други-кумовья,
Стрясись беда — поправят;
Работы много — свистну я:
Соседи не оставят;

Округа вся в горсти моей,
Казна — надежней цепи:
Уж нет помещичьих крепей,
Мои остались крепь.

Судью за денежки куплю,
Умилостивлю бога...»
(Русак природный — во хмелю
Он был хвастлив немного...)

VI

Полвека прожил так Наум
И не тужил нимало,
Работал в нем житейский ум,
А сердце мирно спало.

Встречаясь с ним, я вспоминал
Невольню дуб красивый
В моем саду: там сети ткал
Паук трудолюбивый.

С утра спускался он не раз
По тонкой паутинке,
Как по канату водолаз,
К какой-нибудь личинке,

То комара подстерегал
И жадно влек в объятья,
А пообедав, продолжал
Обычные занятия.

И вывел, точно напоказ,
Паук мой паутину.
Какзя ткань! Какой запас
На черную годину!

Там мошек целые стада
Нашли себе могилы,
Попали бабочки туда —
Летуны пестрокрылы;

Его сосед, другой паук,
Качался там, замучен,
А мой — отъелся вон из рук!
Доволен, гладок, тучен,

То мирно дремлет в уголку,
То мухою закусит...
Живется славно пауку:
Не тужит и не трусит!

С Наумом я давно знаком;
Еще как был моложе,
Наума с этим пауком
Я сравнивал... И что же?

Уж округлился капитал,
В купцы бы надо вскоре,
А человек затосковал!
Пришло к Науму горе...

VII

Сидел он поздно у ворот,
В расчеты погруженный;
Последний свистнул пароход
На Волге полусонной,

И потянулись на покой
И человек и птица.
Зашли к Науму той порой
Молодчик да девица:

У Тани русая коса
И голубые очи,
У Вани выются волоса.
«Укрой от темной ночи!»

— А самоварчик надо греть?
«Пожалуй...» Ни минутки
Не могут гости посидеть:
У них и смех и шутки,

Задеть друг дружку норовят
Ногой, рукой, плечами,
И так глядят... и так шалят,
Чуть отвернись, губами!

То вспыхнет личико у ней,
То белое как сливки...
Поели гости калачей,
Отведали наливки:

«Теперь уснем мы до утра,
У вас покой, приволье!»
— А кто вы? — «Братец и сестра,
Идем на богомолье».

Он думал: «Врет! поди сманил
Купеческую дочку!
Да что мне? Лишь бы заплатил!
Пускай ночуют ночку».

Он им подушек пару дал:
«Уснете на диване»,
И доброй ночи пожелал
И молодцу и Тане.

В своей каморке на часах
Поддернул кверху гири
И утонул в пуховиках...
Проснулся: бьет четыре,

Еще темно; во рту горит:
Кваску ему желалось, —
Да квас-то в горнице стоит,
Где парочка осталась.

«Жаль! не пришло вчера на ум!
Да я пройду тихонько,
Добуду! (думает Наум)
Чай, спят они крепонько,

Не скоро их бы разбудил
Теперь и конский топот...»
Но только дверь приотворил,
Услышал тихий шепот:

«Покурим, Ваня!» — говорит
Молодчику девица.
И спичка чиркнула — горит...
Увидел он их лица:

Красиво Ванино лицо,
Красивее у Тани!
Рука, согнутая в кольцо,
Лежит на шее Вани,

Нагая, полная рука!
У Тани грудь открыта,
Как жар горит одна щека,
Косой другая скрыта.

Еще он видел на лету,
Как встретились их очи.
И вновь на юную чету
Спустился полог ночи.

Назад тихонько он ушел,
И с той поры Наума
Не узнают: он вечно зол,
Сидит один угрюмо,

Или пойдет бродить окрест
И к ночи лишь вернется,
Соленых рыжиков не ест,
И чай ему не пьется.

Забыл наливки настоять
Душистой поленикой.
Хозяйство стало упадать —
Грозит урон великий!

На счетах спутался не раз,
Хоть счетчик был отменный...
Две пары глаз, блаженных глаз,
Горят пред ним бессменно!

«Я сладко пил, я сладко ел,—
Он думает уныло,—
А кто мне в очи так смотрел?..»
И все ему постыло...

ЭЛЕГИЯ

(А. Н. Еракову)

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая — «страдания народа»
И что поэзия забыть ее должна,—
Не верьте, юноши! не стареет она.
О, если бы ее могли состарить годы!
Процвел бы божий мир!.. Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет муза,
И в мире нет прочней, прекраснее союза!..
Толпе напоминать, что бедствует народ
В то время, как она ликует и поет,
К народу возбуждать вниманье сильных мира —
Чему достойнее служить могла бы лира?..

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...
Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди! А бой решит судьба...
Я видел красный день: в России нет раба!
И слезы сладкие я пропил в умиление...
«Довольно ликовать в наивном увлеченье,—
Шепнула муза мне,— пора идти вперед:
Народ освобожден, но счастлив ли народ?..»

Внимаю ль песни жниц над жатвой золотою,
Старик ли медленный шагает за сохою,

Бежит ли по лугу, играя и свистя,
С отцовским завтраком довольное дитя,
Сверкают ли серпы, звенят ли дружно косы —
Ответа я ищу на тайные вопросы,
Кипящие в уме: «В последние года
Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
И, рабству долгому пришедшая на смену,
Свобода наконец внесла ли перемену
В народные судьбы? в напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев?..»

Уж вечер настает. Волнуемый мечтами,
По нивам, по лугам, уставленным стогами,
Задумчиво брожу в прохладной полутьме,
И песнь сама собой слагается в уме,
Недавних, тайных дум живое воплощенье:
На сельские труды зову благословенье,
Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю,
И песнь моя громка!.. Ей вторят доли, нивы,
И эхо дальних гор ей шлет свои отзывы,
И лес откликнулся... Природа внимлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта,—
Увы! не внимлет он — и не дает ответа...

П О Э Т У

(Памяти Шиллера)

Где вы — певцы любви, свободы, мира
И доблести?.. Век «крови и меча»!
На трон земли ты посадил банкира,
Провозгласил героем палача...

Толпа гласит: «Певцы не нужны веку!»
И нет певцов... Замолкло божество...
О, кто ж теперь напомним человеку
Высокое призвание его?..

Прости слепцам, художник вдохновенный,
И возвратись!.. Волшебный факел свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвети над гибнущей толпой!

Вооружись небесными громами!
Наш падший дух взнеси на высоту,
Чтоб человек не мертвыми очами
Мог созерцать добро и красоту...

Казни корысть, убийство, святотатство!
Сорви венцы с предательских голов,
Увлечших мир с пути любви и братства,
Стяжанного усилиями веков,

На путь вражды!.. В его дела и чувства
Гармонию внести лишь можешь ты.
В твоей груди, гонимый жрец искусства,
Трон истины, любви и красоты.

М. Е. САЛТЫКОВУ

При отъезде за границу

О нашей родине унылой
В чужом краю не позабудь
И возвратись, собравшись с силой,
На оный путь — журнальный путь...

На путь, где шагу мы не ступим
Без сделок с совестью своей,
Но где мы снисхождение купим
Трудом у мыслящих людей.

Трудом — и бескорыстной целью...
Да! будем лучше рисковать,
Чем безопасному безделью
Остаток жизни отдавать.

КАК ПРАЗДНУЮТ ТРУСУ

Время-то есть, да писать нет возможности.
 Мысль убивающий страх:
 Не перейти бы границ осторожности,
 Голову держит в тисках!

Утром мы наше село посещали,
 Где я родился и взрос.
 Сердце, подвластное старой печали,
 Сжалось; в уме шевельнулся вопрос:

Новое время — свободы, движенья,
 Земства, железных путей.
 Что ж я не вижу следов обновленья
 В бедной отчизне моей?

Те же напевы, тоску наводящие,
 С детства знакомые нам,
 И о терпении новом молящие,
 Те же попы по церквам.

В жизни крестьянина, ныне свободного,
 Бедность, невежество, мрак.
 Где же ты, тайна довольства народного?
 Ворон в ответ мне прокаркал: «Дурак!»

Я обругал его грубым невежею.
 На телеграфную нить
 Он пересел. «Не донос ли депешю
 Хочет в столицу пустить?»

Глупая мысль, но я, долго не думая,
Метко прицелился. Выстрел гремит:
Падает замертво птица угрюмая,
Нить телеграфа дрожит...

ВСТУПЛЕНИЕ

к песням 1876—1877 годов

Нет! не поможет мне аптека,
Ни мудрость опытных врачей:
Зачем же мучить человека?
О небо! смерть пошли скорей!

Друзья притворно безмятежны,
Угрюм мой верный черный пес,
Глаза жены сурово-нежны:
Сейчас я пытку перенес.

Пока недуг молчит, не гложет,
Я тешусь странною мечтой,
Что потолок спуститься мсжет
На грудь могильною плитой.

Легко бы с жизнью я расстался,
Без долгих мук... Прости, покой!
Как ураган недуг примчался:
Не ложе — иглы подо мной.

Борюсь с мучительным недугом,
Борюсь — до скрежета зубов...
О муза! ты была мне другом,
Приди на мой последний зов!

Уж я знавал такие грозы;
Ты силу чудную дала,
В колючий терн вплетая розы,
Ты пытку вынести помогла.

Могучей силой вдохновенья
Страданья тела победы,
Любви, негодованья, мщенья
Зажги огонь в моей груди!

Крылатых грез толпой воздушной
Воображенье насели
И от моей могилы душной
Надгробный камень отвали!

СЕЯТЕЛЯМ

Сеятель знания на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь бесплодную,
Худы ль твои семена?
Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
Доброго мало зерна!
Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами,
Где же вы, с полными жита кошницами?
Труд засевающих робко, крупницами,
Двиньте вперед!
Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

МОЛЕБЕН

Холодно, голодно в нашем селении.
Утро печальное — сырость, туман,
Колокол глухо гудит в отдалении,
В церковь зовет прихожан.
Что-то суровое, строгое, властное
Слышится в звоне глухом,
В церкви провел я то утро ненастное —
И не забуду о нем.
Все население, старо и молодо,
С плачем поклоны кладет,
О прекращении лютого голода
Молится жарко народ.
Редко я в нем настроение строже
И сокрушенной видал!
«Милуй народ и друзей его, боже! —
Сам я невольно шептал. —
Внемли моление наше сердечное
О послуживших ему,
Об осужденных в изгнание вечное,
О заточенных в тюрьму,
О претерпевших борьбу многолетнюю
И устоявших в борьбе,
Слышавших рабскую песню последнюю,
«Молимся, боже, тебе».

ДРУЗЬЯМ

Я примирился с судьбой неизбежною,
Нет ни охоты, ни силы терпеть
Невыносимую муку кромешную!
Жадно желаю скорей умереть.

Вам же — не праздно, друзья благородные,
Жить и в такую могилу сойти,
Чтобы широкие лапти народные
К ней проторили пути...

МУЗЕ

О муза! наша песня спета.
Приди, закрой глаза поэта
На вечный сон небытия,
Сестра народа — и моя!

З И Н Е

Ты еще на жизнь имеешь право,
Быстро я иду к закату дней.
Я умру — моя померкнет слава,—
Не дивись — и не тужи о ней!

Знай, дитя: ей долгим, ярким светом
Не гореть на имени моем:
Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом.

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата-человека,
Только тот себя переживет...

* * *

Скоро стану добычею тленья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть.

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моей не стяжал;
Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал.

Узы дружбы, союзов сердечных —
Все порвалось; мне с детства судьба
Посылала врагов долговечных,
А друзей уносила борьба.

Песни вещие их не допеты,
Пали жертвою злобы, измен
В цвете лет; на меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.

З П Н Е

Двести уж дней,
Двести ночей
Муки мои продолжаются;
Ночью и днем
В сердце твоём
Стоны мои отзываются
Двести уж дней,
Двести ночей!
Тёмные зимние дни,
Ясные зимние ночи...
Зина! закрой утомленные очи!
Зина! усни!

ПРИГОВОР

«...Вы в своей земле благословенной
Парии — не знает вас народ,
Светский круг, бездушный и надменный,
Вас презреньем хладным обдает.

И звучит бесцельно ваша лира,
Вы певцами темной стороны —
На любовь, на уваженье мира
Не стяжавшей права — рождены!..»

Камень в сердце русское бросая,
Так о нас весь Запад говорит.
Заступись, страна моя родная!
Дай отпор!.. Но родина молчит...

* * *

Дни идут... все так же воздух душен,
Дряхлый мир — на роковом пути...
Человек — до ужаса бездушен,
Слабому спасенья не найти!

Но... молчи во гневе справедливом!
Ни людей, ни века не кляни:
Волю дав лирическим порывам,
Изойдешь слезами в наши дни...

* * *

Есть и Рѹси чем гордиться,—
С нею не шути!
Только славным поклониться
Далеко идти.

Вестминстерское аббатство
Родины твоей —
Край подземного богатства
Снеговых степей.

* * *

Вам, мой дар ценившим и любившим,
Вам, ко мне участие заявившим
В черный год, простертый надо мной,—
Посвящаю труд последний мой!
Я примеру русского народа
Верен: *«В горе жить —
Некручинну быть»,—*
И, больной работая полгода,
Я трудом смягчаю свой недуг:
Ты не будешь строг, читатель-друг!

П О Э Т У

Любовь и Труд — под грудями развалин!
Куда ни глянь — предательство, вражда,
А ты молчишь — бездействен и печален,
И медленно сгораешь со стыда.
И небу шлешь укор за дар счастливый:
Зачем тебя венчало им оно,
Когда душе мечтательно-пугливой
Решимости бороться не дано?..

ГОРЯЩИЕ ПИСЬМА¹

Они горят!.. Их не напишешь вновь,
Хоть написать, смеясь, ты обещала...
Уж не горит ли с ними и любовь,
Которая их сердцу диктовала?

Их ложью жизнь еще не назвала,
Ни правды их еще не доказала...
Но та рука со злобой их сожгла,
Которая с любовью их писала!

Свободно ты решала выбор свой,
И не как раб упал я на колени;
Но ты идешь по лестнице крутой
И дерзко жжешь пройденные ступени!..

Безумный шаг!.. быть может, роковой...

¹ Исправленное — прежнее стихотворение. (Прим. Н. А. Некрасова.)

ИЗ ПОЭМЫ: «МАТЬ»

Отрывки

(Посвящается Елене Осиповне Лихачевой)

I

В насмешливом и дерзком нашем веке
Великое, святое слово: мать
Не пробуждает чувства в человеке.
Но я привык обычай презирать.
Я не боюсь насмешливости модной.
Такую музу мне дала судьба:
Она поет по прихоти свободной
Или молчит как гордая раба.
Я много лет среди трудов и лени
С постыдным малодушьем убегал
Пленительной, многострадальной тени,
Для памяти священной... Час настал!..

Мир любит блеск, гремушки и литавры,
Удел толпы — не узнавать друзей,
Она несет хвалы, венцы и лавры
Лишь тем, чей бич хлестал ее больней;
Венец, толпой немыслящею свитый,
Ожжет чело страдальницы забытой,—
Я не ищу ей позднего венца.
Но я хочу, чтоб свет души высокой
Сиял для вас средь полночи глубокой,
Подобно ей несчастные сердца!..

Быть может, я преступно поступаю,
Тревожа сон твой, мать моя? прости!
Но я всю жизнь за женщину страдаю.
К свободе ей заказаны пути;
Позорный плен, весь ужас женской доли,
Ей для борьбы оставил мало сил,
Но ты ей дашь урок железной воли...
Благослови, родная: час пробил!
В груди кипят рыдающие звуки,
Пора, пора им вверить мысль мою!
Твою любовь, твои святые муки,
Твою борьбу — подвижница — пою!..

II

Я отроком покинул отчий дом.
(За славой я в столицу торопился.)
В шестнадцать лет я жил своим трудом
И между тем урывками учился.
Лет двадцати, с усталой головой,
Ни жив ни мертв (я голодал подолгу),
Но горделив,— приехал я домой.
Я посетил деревню, нивы, Волгу.

Всё те же вы — и нивы и народ...
И та же все — река моя родная...
Заметил я новинку: пароход!
Но лишь на миг мелькнула жизнь живая.
Кипела ты — зубчатым колесом
Прорытая,— дорога водяная,
А берега дремали кротким сном.
Дремало все: расшивы, коноводки,
Дремал бурлак на дне завозной лодки.
Проснется он — и Волга оживет!
Я дождался тягучих мерных звуков...
Приду ль сюда еще послушать внуков,
Где слышу вас, отцы и сыновья!
Уж не на то ль дана мне жизнь моя?

Охвачен вдруг дремотою и ленью,
В полдневный зной вошел я в старый сад;
В нем семь ключей сверкают и гремят.

Внимая их порывистому пенью,
Вершины лип таинственно шумят.
Я их люблю: под их зеленой сенью,
Тиха, как ночь, и легкая, как тень,
Ты, мать моя, бродила каждый день.

У той плиты, где ты лежишь, родная,
Припомнил я, волнуясь и мечтая,
Что мог еще увидеться с тобой,
И опоздал! И жизни трудовой
Я предан был, и страсти, и невзгодам,
Захлеснут был я невскою волной...
Я рад, что ты не под семейным сводом
Погребена,— там душно, солнца нет;
Не будет там лежать и твой поэт...

И наконец вошел я в старый дом,
В нем новый пол, в нем новые порядки,
Но мало я заботился о том.
Я разобрал, хранимые отцом,
Твоих работ, твоих бумаг остатки
И над одним задумался письмом.
Оно с гербом, оно с бордюром узким,
Исписан лист то польским, то французским
Порывистым и страстным языком.

Припоминал я что-то долго, смутно:
Уж не его ль, вздыхая поминутно,
Читала ты в младенчестве моем
Одна, в саду? Не зная ни о чем,
Я в нем тогда источник горя видел
Моей родной,— я сжечь его был рад
И я теперь его возненавидел.
Глухая ночь! Иду поспешно в сад...
Ищу ее, обнять желаю страстно...
Где ты? прими сыновний мой привет!
Но вторит мне лишь эхо безучастно...
Я зарыдал: увы! ее уж нет!

Луна взошла и сад осеребрила,
Под сводом лип недвижно я стоял,
Которых сень родная так любила.
Я ждал ее — и не напрасно ждал...
Она идет; то медленны, то скоры
Ее шаги, письмо в ее руке...
Она идет... Внимательные взоры
По нем скользят в тревоге и тоске.
«Ты вновь со мной! — невольно восклицаю, —
Ты вновь со мной...» Кружится голова...
Чу, тихий плач, чу, шепот! Я внимаю:
Слова письма — знакомые слова!

III П И С Ь М О

Варшава, 1824 год

Какую ночь я нынче провела!
О дочь моя! что сделала ты с нами?
Кому, кому судьбу ты отдала?
Какой стране родную предпочла?
Приснилось мне: затравленная псами,
Занесена ты русскими снегами.
Была зима, была глухая ночь,
Пылал костер, зажженный дикарями,
И у костра, с закрытыми глазами,
Лежала ты, моя родная дочь!

Дремучий лес, чернея полукругом,
Ревел, как зверь... ночь долгая была.
Стонала ты, как стонет раб за плугом,
И наконец замерзла — умерла!..

О, сколько снов... о, сколько мыслей черных!
Я знаю, бог карает непокорных,
Я верю снам и плачу, как дитя...
Позор! позор! мы басня всей Варшавы.
Ты, чьей руки М. М. искал, как славы,
В кого N.N. влюбился не шутя,
Ты увлеклась армейским офицером,
Ты увлеклась красивым дикарем!

Не спорю, он приличен по манерам,
Природный ум я замечала в нем.
Но нрав его, привычки, воспитанье...
Умеет ли он имя подписать?
Прости! Кипит в груди негодование —
Я не могу, я не должна молчать!

.....
Твоей красе (сурова там природа)
Уж никогда вполне не расцвести;
Твоей косы не станет на полгода,
Там свой девиз: «любить и бить»... прости.

.....
Какая жизнь! Полотна, тальки, куры
С несчастных баб; соседи — дикари,
А жены их безграмотные дуры...
Сегодня пир... псари, псари, псари!
Пой, дочь моя! среди самого разгара
Твоих рулад, не выдержав удара,
Валится раб... Засмейся! всем смешно...

.....
.....
В последний раз как мать тебя целую —
Я поощрять беглянку не должна,
Решай сама, бери судьбу любую:
Вернись в семью, будь родине верна —
Или, отцом навеки проклятая
И навсегда потерянная мной,
Останься там отступницею края
И москаля презренною рабой.

.....
.....
Очнулся я. Ключи немолчные гремели,
И птички ранние на старых липах пели.
В руке моей письмо... но нет моей родной!
Смятенный, я поник уныло головой.
Природа чутким сном была еще объята;
Луна глядела в пруд; на стебле роковым
Стояли лопухи недвижно над прудом,
Так узники стоят у окон каземата.

.....
.....
.....
.....

Я книги перебрал, которые с собой
Родная привезла когда-то издавека,
Заметки на полях случайные читал:
В них жил пытливый ум, вникающий глубоко.
И снова плакал я, и думал над письмом,
И вновь его прочел внимательно с начала,
И кроткая душа, терзаемая в нем,
Впервые предо мной в красе своей предстала...
И неразлучною осталась ты с тех пор,
О мать-страдалица! с своим печальным сыном,
Тебя, твоих следов искал повсюду взор.
Досуг мой предан был прошедшего картинам.

Та бледная рука, ласкавшая меня,
Когда у догоравшего огня
В младенчестве я сиживал с тобою,
Мне в сумерки мерещилась порою,
И голос твой мне слышался впотьмах,
Исполненный мелодии и ласки,
Которым ты мне сказывала сказки
О рыцарях, монахах, королях.

Потом, когда читал я Данта и Шекспира,
Казалось, я встречал знакомые черты:
То образы из их живого мира
В моем уме напечатлела ты.
И стал я понимать, где мысль твоя блуждала,
Где ты душой, страдалица, жила,
Когда кругом насилье ликовало,
И стая псов на псарне завывала,
И выюга в окна била и мела...

.
.
.
.

Незримой лестницей с недавних юных дней
Я к детству нисходил, ту жизнь припоминая,
Когда еще была ты нянею моей
И ангелом-хранителем, родная.

В ином краю, не менее несчастном,
Но менее суровом рождена,
На севере угрюмом и ненастном
В осьмнадцать лет уж ты была одна.

Тот разлюбил, кому судьбу вручила,
С кем в чуждый край доверчиво пошла,
Уж он не твой,— но ты не разлюбила,
Ты разлюбить до гроба не могла...

.
.
.
.
.
.
.
.
.

Ты на письмо молчаньем отвечала,
Своим путем бесстрашно ты пошла.

.
.

Гремел рояль, и голос твой печальный
Звучал как вопль души многострадальной,
Но ты была тверда и весела:
«Несчастлива я, терзаемая другом,
Но пред тобой, о женщина раба!
Перед рабом, согнувшимся над плугом,
Моя судьба — завидная судьба!
Несчастлива ты, о родина! я знаю:
Весь край в плену, весь заревом объят...
Но край, где я люблю и умираю,
Несчастнее, несчастнее стократ!..»

Хаос! мечусь в беспамятстве, в бреду!
Хаос! едва мерцает ум поэта,
Но юности священного обета
Не совершив, в могилу не сойду!
Поймут иль нет, но будет песня спета.

Я опоздал! я медленно и ровно
Заветный труд не в силах совершить,
Но я дерзну в картине малословной
Твою судьбу, родная, совместить.

И я смогу!.. Поможет мне искусство,
Поможет смерть — я скоро нужен ей...

Мала слеза — но в ней избыток чувства..
Что океан безбрежный перед ней!..

.
Так двадцать лет подвижничества цепи
Влачила ты, пока твой час пробил.
И не вотще среди безводной степи
Струился ключ — он жаждущих поил.
И не вотще любовь твоя сияла:
Как в небесах ни много черных туч,
Но если ночь сдаваться утру стала,
Все ж наконец проглянет солнца луч!

И вспыхнул день! Он твой: ты победила!
У ног твоих — детей твоих отец,
Семья давно вины твои простила,
Лобзает раб терновый твой венец..
Но... двадцать лет!.. Как сладко, умирая,
Вздохнула ты... как тихо умерла!
О, сколько сил явила ты, родная!
Каким путем к победе ты пришла!..

Душа твоя — она горит алмазом,
Раздробленным на тысячи крупниц
В величье дел, неуловимых глазом.
Я понял их — я пал пред ними ниц,
Я их пою (даруй мне силы, небо!..)
Обречена на скромную борьбу,
Ты не могла голодному дать хлеба,
Ты не могла свободы дать рабу.

Но лишний раз не сжало чувство страха
Его души — ты то дала рабам —
Но лишний раз из трепета и праха
Он поднял взор бодрее к небесам..
Быть может, дар, беднее капли в море,
Но двадцать лет! Но тысячам сердец,
Чей идеал — убавленное горе,
Границы зла открыты наконец!

Твой властелин — наследственные нравы
То покидал, то бурно проявлял,
Но если он в безумные забавы
В недобрый час детей не посвящал,

Но если он разнузданной свободы
До роковой черты не доводил —
На страже ты над ним стояла годы,
Покуда мрак в душе его царил...

И если я легко стряхнул с годами
С души моей тлетворные следы
Поправшей все разумное ногами,
Гордившейся невежеством среды,
И если я наполнил жизнь борьбою
За идеал добра и красоты,
И носит песнь, слагаемая мною,
Живой любви глубокие черты —
О мать моя, подвигнут я тобою!
Во мне спасла живую душу ты!

И счастлив я! уж ты ушла из мира,
Но будешь жить ты в памяти людской,
Пока в ней жить моя способна лира.
Пройдут года — поклонник верный мой
Ей посвятит досуг уединенный,
Прочтет рассказ и о твоей судьбе
И, посетив поэта прах забвенный,
Вздохнув о нем, вздохнет и о тебе.

З И Н Е

Пододвинь перо, бумагу, книги!
Милый друг! Легенду я слышал:
Пали с плеч подвижника вериги,
И подвижник мертвый пал!

Помогай же мне трудиться, Зина!
Труд всегда меня животворил.
Вот еще красивая картина —
Запиши, пока я не забыл!

Да не плачь украдкой! — Верь надежде,
Смейся, пой, как пела ты весной,
Повторяй друзьям моим, как прежде,
Каждый стих, записанный тобой.

Говори, что ты довольна другом:
В торжестве одержанных побед
Над своим мучителем недугом
Позабыл о смерти твой поэт!

БАЮШКИ - БАЮ

Непобедимое страданье,
Неутолимая тоска...
Влечет, как жертву на закланье,
Недуга черная рука.
Где ты, о муза! Пой, как прежде!
«Нет больше песен, мрак в очах;
Сказать: — умрем! конец надежде! —
Я прибрела на костылях!»

Костыль ли, заступ ли могильный
Стучит... смолкает... и затих...
И нет ее, моей всеильной,
И изменил поэту стих.
Но перед ночью непробудной
Я не один... Чу! голос чудный!
То голос матери родной:
«Пора с полуденного зноя!
Пора, пора под сень покоя;
Усни, усни, касатик мой!
Прийми трудов венец желанный,
Уж ты не раб — ты царь венчаный;
Ничто не властно над тобой!

Не страшен гроб, я с ним знакома;
Не бойся молнии и грома,
Не бойся цепи и бича,
Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы,

Ни человеческого стона,
Ни человеческой слезы.

Усни, страдалец терпеливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою,
Баю-баю-баю-баю!

Еще вчера людская злоба
Тебе обиду нанесла;
Всему конец, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимый,
Ты заплатил ей дань живой,
Не бойся стужи нестерпимой:
Я схороню тебя весной.

Не бойся горького забвения:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...
Уступит свету мрак упрямый,
Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камой,
Баю-баю-баю-баю!..»

* * *

Черный день! как нищий просит хлеба,
Смерти, смерти я прошу у неба,
Я прошу ее у докторов,
У друзей, врагов и цензоров,
Я взываю к русскому народу:
Коли можешь, выручай!
Окуни меня в живую воду
Или мертвой в меру дай.

* * *

Великое чувство! у каждой дверей,
В какой стороне ни заедем,
Мы слышим, как дети зовут матерей
Далеких, но рвущихся к детям.

Великое чувство! Его до конца
Мы живо в душе сохраняем,
Мы любим сестру, и жену, и отца,
Но в муках мы мать вспоминаем!

ОТРЫВОК

... Я сбросила мертвящие оковы
Друзей, семьи, родного очага,
Ушла туда, где чтут пути Христовы,
Где стерегут оплошного врага.

В бездействии застала я дружины;
Окончив день, беспечно шли ко сну
И женщины, и дети, и мужчины,
Лишь меж собой вожди вели войну...

Слова... слова... красивые рассказы
О подвигах... но где же их дела?
Иль нет людей, идущих дальше фразы?
А я сюда всю душу принесла!..

СТАРОСТЬ

Просит отдыха слабое тело,
Душу тайная жажда томит,
Горько ты, стариковское дело!
Жизнь смеется,— в глаза говорит:

Не лелей никаких упований,
Перед разумом сердце смири,
В созерцанье народных страданий
И в сознание бессилья — умри!..

ТЫ НЕ ЗАБЫТА...

«Я была вчера еще полезна
Ближнему — теперь уж не могу!
Смерть одна желанна и любезна —
Пулю я недаром берегу...»

Вот и всё, что ты нам завещала,
Да еще узнали мы потом,
Что давно ты бедным отдавала,
Что добыть умела ты трудом.

Поп труслив — боится, не хоронит,
Убедить его мы не могли.
Мы в овраг, где горько ветер стонет,
На руках покойницу снесли.

Схоронив, мы камень обтесали,
Утвердили прямо на гробу
И на камне четко написали
Жизнь, и смерть, и всю твою судьбу.

И твои останки людям милы,
И укор, и поученье в них...
Нужны нам великие могилы,
Если нет величия в живых...

О С Е Н Ь

Прежде — праздник деревенский,
Нынче — осень голодна;
Нет конца печали женской,
Не до пива и вина.
С воскресенья почтой бредит
Православный наш народ,
По субботам в город едет,
Ходит, просит, узнает:
Кто убит, кто ранен летом,
Кто пропал, кого нашли?
По каким по лазаретам
Уцелевших развезли?
Так ли жутко!.. Свод небесный
Темен в полдень, как в ночи;
Не сидится в хате тесной,
Не ложится на печи.
Сыт, согрелся, слава богу,
Только спать бы! нет, не спишь —
Так и тянет на дорогу,
Ни за что не улежишь.
И бойка ж у нас дорога!
Так увечных возят много,
Что за ними на бугре,
Как проносятся вагоны,
Человеческие стоны
Ясно слышны на заре.

сон

Мне снилось: на утесе стоя,
Я в море броситься хотел,
Вдруг ангел света и покоя
Мне песню чудную запел:
«Дождись весны! Приду я рано,
Скажу: будь снова человек!
Сниму с главы покров тумана
И сон с отяжелелых век;
И Музе возвращу я голос,
И вновь блаженные часы
Ты обретешь, собирая колос
С своей несжатой полосы».

* * *

О Муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба —
Не плачь! завиден жребий наш,
Не наругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русский — взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу...

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

БУНТ

(Живая картина)

...Скачу, как вихорь, из Рязани,
Являюсь: бунт во всей красе,
Не пожалел я крупной брани —
И пали на колени все!

Задавши страху дерзновенным,
Пошел я храбро по рядам
И в кровь коленопреклоненным
Коленом тыкал по зубам...

МОЛОДЫЕ ЛОШАДИ

(Вчерашние сцены)

Лошади бойко по рельсам катили
Полный громадный вагон.
С рельсов сошел неожиданно он...
Лошади рьяны и молоды были —
Дружно рванулись... опять и опять —
Не поддается вагон ни на пядь;
С час они силы свои напрягали,
Надорвались — и упали...
«Бедные!» — кто-то сказал из окна.
«Глупые!» — кто-то заметил с балкона...
О, поскорее на рельсы!.. Страшна
Тяжесть сошедшего с рельсов вагона.

ПРАЗДНОМУ ЮНОШЕ

Что сидишь ты сложа руки?
Ты окончил курс науки,
Любишь русский край,

Остроумно, интересно
Говоришь ты, мыслишь честно —
Что же? Начинай!

Иль тебе все мелко, низко?
Или ждешь труда без риска?
Времена не те!

В наши дни одним шпионам
Безопасно, как воронам
В городской черте.

МУЖ И ЖЕНА

«Глашенька! пустошь Ивашево —
Третью состояния нашего;
Не продавай ее, ангельчик мой!
Выдай обратно задаток...»
Слезы, нервический хохот, припадок:
— Я задолжала — и срок за спиной...
«Глаша, не плачь! я — хозяин плохосй.
Делай что хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящей любовью
Полно, друг мой!»

«Глаша! волнует и мучит
Чувство ревнивое душу мою.
Этот учитель, что Петеньку учит...»
— Так! муженька узнаю!
О если б знал ты, как зол ты и гадок.—
Слезы, нервический хохот, припадок...
«Знаю, прости! Я — ревнивец большой!
Делай что хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящей любовью
Полно, друг мой!»

«Глаша! как часто ты нынче гуляешь,
Ты хоть сегодня останься со мной.
Много скопилось работы — ты знаешь;
Чтоб одолеть ее, нужен покой!»
Слезы, нервический хохот, припадок...

«Глаша, иди! Я — безумец, я гадок,
Я — эгонист бессердечный и злой,
Делай что хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящей любовью
Полно, друг мой!»

ПОДРАЖАНИЕ ШИЛЛЕРУ

I

СУЩНОСТЬ

Если в душе твоей ясны
Типы добра и любви,
В мире все темы прекрасны,
Музу смелее зови.
Муза тебя посетила:
Смутно блуждает твой взор!
В первом наитии сила!
Брось начатой разговор.

II

ФОРМА

Форме дай щедрую дань
Временем: важен в поэме
Стиль, отвечающий теме.
Стих, как монету, чекань
Строго, отчетливо, честно,
Правилу следуй упорно:
Чтобы словам было тесно,
Мыслям — просторно.

Юмористические стихотворения

1842 — 1845

Г О В О Р У Н

Записки петербургского жителя А. Ф. Белолаткина

Г Л А В А I

Две строчки точек.— Раздумье.— Эфир и канцелярия.— Несколько автобиографических сведений.— Нечто о супруге моей, Агафье Леонардовне.— Вступление.— О Санкт-Петербурге.— Приятности столичной жизни.— Шарманщик и шарманка.— Литература.— Иллюстрированные издания.— Большой театр.— Девица «Жизель».— Люция Гран.— «Руслан и Людмила».— Египетская магия.— Московские пыгане.— Груша, Матрена и я.— О том, какая история случилась с Истинным двором.— Заключение.

I

Да, новый год!

...Я предан сокрушению,
Не пьется мне, друзья:
Мир ближе к разрушению,
К могиле ближе я.
Льдом жизненного холода
Не сковано еще,—
В вас сердце, други, молодо,
Свежо и горячо.
Еще вам свет корыстию
Рассудка не растлил,
И жизни черной кистию
Злой рок не зачернил.
За счастьем безбоязненно
Пока вы мчитесь вдаль,

И гостьей неприязненной
Не ходит к вам печаль.
Увы!.. она пробудится:
Час близок роковой!
И с вами то же сбудется,
Что сталося со мной:
В дни возраста цветущего
Я также был готов
Взять грудью у грядущего
И славу и любовь,
Кипел чудесной силою
И рвался все к тому,
Чего душой остылою
Теперь и не пойму.
В житейских тревожениях
Терпел и стыд и зло
И видел в сновидениях
В венке свое чело.
Любил — и имя чудное
В отчаянье твердил,—
То было время трудное:
Насилу пережил!

II

Когда восторг лирический
В себе я пробужу,
Я вам биографический
Портрет свой напишу.
Тогда вы всё узнаете,—
Как глуп я прежде был,
Мечтал, как вы мечтаете,
Душой в эфире жил,
Бежать хотел в Швейцарию,—
И как родитель мой
С эфира в канцелярию
Столкнул меня клюкой.
Как горд преуморительно
Я в новом был кругу
И как потом почтительно
Стал гнуть себя в дугу.

Как прежде, чем освоился
Со службой, все краснел,
А после успокоился,
Окреп и потолстел.
Как гнаться стал за деньгами,
Изрядно нажился,
Детьми и деревеньками,
И домом завелся...

III

Но счастье скоротечное
Изменчиво и зло!
Друзья мои сердечные,
Не вечно мне везло!
Терплю беду великую
С семейной стороны:
Я взял тигрицу дикую
Во образе жены...
Но что вперед печалиться?
Покуда погожу...
Наверно, всякий сжалится,
Как всё перескажу.
Большой портрет к изданию,
Списать с себя велю
И в Великобританию
Гравировать пошлю.
Как скоро он вернется,
Явлюсь на суд людской,
Без галстука, как водится,
С небритой бородой.

IV

Чтоб дни мои смиренные
В несчастье коротать,
Записки современные
Решился я писать.
Дворянство и купечество
И всех других чинов
И званий человечество
Я видел без очков.

Как мир земной вращается,
Где тихо, где содом —
Все мною замечается,
Сужу я обо всем.
Болтать мне утешительно,
И публику прошу
Все слушать снисходительно,
Что я ей расскажу.

V

Столица наша чудная
Богата через край.
Житье в ней нищим трудное,
Миллионерам — рай.
Здесь всюду наслаждения
Для сердца и очей.
Здесь все без исключения
Возможно для людей:
При деньгах вдвое вырасти,
Чертовски разжиреть,
От голода и сырости
Без денег умереть,
(Где розы, там и тернии —
Таков закон судьбы!
Бедняк живи в губернии:
Там дешевы грибы.)
С большими здесь и с малыми
В одном дому живешь
И рядом с генералами
По Невскому идешь.
Захочешь позабавиться —
Берешь газетный лист,
Задумаешь прославиться —
На то есть журналист:
Хвалы он всем славнейшие
Печатно раздает,
И как — душа добрейшая —
Недорого берет!
Чего б здесь не увидели,
Чего бы не нашили?
Портные, сочинители,
Купцы со всей земли,

Наилучшие сапожники,
Актеры, повара,
С шарманками художники
Такие, что — ура!..
Я в них влюблен решительно
И здесь их воспою...

VI

Поют преуморительно
Они галиматью.
Прикрыв одеждой шкурочку
Для смеха и красы,
С мартышками мазурочку
Выплясывают псы,
И сам в минуту пьяную,
По страсти иль нужде,
Шарманщик с обезьяною
Танцует *падеде*.
Все скачет, все волнуется,
Как будто маскарад.
А русский люд любитесь:
«Как немцы-то хитрят!»
Да, сильны их познания,
Их ловкость мудрена...
Действительно, Германия —
Ученая страна!

(Захочешь продолжения
Описанных чудес —
Ступай на представление
Прославленных пиес.)

VII

Придет охота страстная
За чтение засесть —
На то у нас прекрасная
Литература есть.
Цепями с модой скованный,
Изменчив человек:
Настал *иллюстрированный*

В литературе век.
С тех пор как шутка с «Нашими»
Пошла и удалась,
Тьма книг с политипажами
В столице развелась.
Увидишь тут Суворова
(Известный был герой),
Историю которого
Состряпал Полевой.
Одетого как барина,
Во всей его красе,
Увидишь тут Булгарина,
В бекеше, в картузе.
Различных тут по званию
Увидишь ты гуляк
И целую компанию
Салопниц и бродяг.
Рисунки чудно слажены,
В них каждый штрих хорош,
Иные и раскрашены:
Ну, нехотя возьмешь!
Изданья тоже славные —
Бумага так бела,—
Но часто презабавные
Выходят тут дела.
Чем книга нашпигована,
Постигнуть нет ума:
В ней все иллюминировано,
А в тексте — мрак и тьма!
В рисунках отличаются
Клот, Тимм и Нетельгорст,
Все ими восхищаются...
Художественный перст!

VIII

Когда беда случилась,
И хочешь, чтоб в груди
Веселье пробудилось,—
В Большой театр иди.
Так ножки разлетаются,
Так зала там блестит,

Так платья развеваются —
Величественный вид!..
Ох!.. много с трубкой зрительной
Тут можно увидеть!
Ее бы «подозрительной»
Приличней называть.
Недавно там поставили
Чудесную «Жизель»
И в ней плясать заставили
Приезжую мамзель.
Прекрасно! восхитительно!
Виват, девица Гран!
В партере все решительно
Кричали: «*Се шарман!*»¹
Во мне зажглася заново
Поэзией душа...
А впрочем, Андреянова
Тут тоже хороша!

IX

В душе моей остылую,
Лишенную всех сил
«Русланом и Людмилою»
Жизнь Глинка разбудил.
Поэма музыкальная
Исполнена красот,
Но самое печальное
Либретто: уши рвет!
Отменно мне понравилась
Полкана голова:
Едва в театр уставилась
И горлом здорова!
Искусно всем украшена —
От глаз и до усов.
Как слышал я, посажено
В ней несколько певцов
(Должно быть, для политики,
Чтоб петь ее слова) —
Не скажут тут и критики:
«Пустая голова!..»

¹ Очаровательно! (франц.)

Х

Извел бы десть бумаги я,
Чтоб только описать,
Какую Боско магию
Умеет представлять.
Ломал он вещи целые
На мелкие куски,
Вставлял середки белые
В пунцовые платки,
Бог весть куда забрасывал
И кольца и перстни
И так смешно рассказывал,
Где явятся они.
Ну, словом: Боско рублики,
Как фокусник и враль,
Выманивал у публики
Так *ловко*, что не жаль!

ХІ

Взамен его приехали
Цыганы из Москвы,—
Скажите, не потеха ли?..
Не знаю, как-то вы,
А я, когда их слушаю,
Дыханье затая,
Чуть сам невольно с *Грушею*
Не гаркну «Соловья».
Раз собственной персоною,
Забыв лета и класс,
Я с пляшущей *Матреною*
Пустился было в пляс.

ХІІ

Проехав мимо нашего
Гостиного двора,
Я чуть, задетый заживо,
Не закричал: «ура!»
Бывало, день колотишься
На службе так и сяк,

А чуть домой воротишься.
Поешь — и день иссяк:
Нет входа в лавки русские!
Берешь жену и дочь
И едешь во французские,—
Где грабят день и ночь.
Теперь — о восхищение
Для сердца и для глаз! —
В Гостином освещении:
Проводят в лавки газ!
Ликуй все человечество!
Решилось, в пользу дам,
Российское купечество
Сидеть по вечерам,—
И газ распространяется
Скорехонько с тех пор:
Ну, точно просвещается
У нас Гостиный двор!

Рука не разгибается,
Не вяжутся слова:
Умаялся!.. Кончается
Здесь первая глава...

ГЛАВА II

Нет счастья под луной.— Романс.— Без трех в червях.— Страшный обет.— Путешествие в департамент.— Светлое воскресение.— Патриархальная жизнь.— Великий пост.— Петербургские новости.— Рубини.— Его концерты.— Оперы Отелло, Луция и пр.— Лист.— Конское ристалище Сулье.— Арабы.— Скачущие мамзели.— Некоторые любопытные и достоверные известия о ките.— О погоде.— О печальном расположении духа, в котором находится г-н Белопяткин, и о причинах того.— Звездочка.— Банк.— Путешествие по Невскому проспекту в двенадцатом часу ночи.— Предсмертный приют.— Бильярд.— Заключение.— Читатели.— Критики.— Барон Брамбеус, комета и г-н Белопяткин.

I

Недаром люди плакали,
Роптали на судьбу.
Сочувствую их ропоту
Растерзанной душой,

Я сам узнал по опыту —
Нет счастья под луной!
Какой предосторожности
В поступках ни держись,
Формально нет возможности
От жребия спастись.
Будь барин по сословию,
Приказчик, землемер,
Заставит плакать кровию —
Я сам тому пример!

II

На днях у экзекутора,
Чтоб скуку разогнать,
Рублишка по полутора
Засели мы играть.
Довольно флегматически
Тянулся преферанс;
Вдруг в зале поэтический
Послышался романс;
Согрет одушевлением,
Был голос так хорош,
Я слушал с восхищением,
Забыл весь мир... и что ж?..
Ошибкою малейшею
Застигнутый врасплох,
В червях игру сквернейшую
Сыграл и — был без трех!
Хотя в душе нотацию
Себе я прочитал,
Но тут же консоляцию
Сосед с меня взыскал.
Другие два приятеля
Огромные кресты
На бедного мечтателя
Черкнули за висты.
В тот вечер уж малинника
В глаза я не видал.
Сто тридцать два полтинника
С походом проиграл!..

Ох, пылкие движения
Чувствительной души!
От вас мне нет спасения,
В убыток — барыши!
Пропетый восхитительно,
Сгубил меня романс,
Вперед играть решительно
Не буду в преферанс!
Пусть с ним кто хочет водится,
Я — правилами строг:
В нем взятки брать приходится —
Избави меня бог!
Занятым этим втянешься,
Пожалуй, в грех такой,
Что, черт возьми! останешься
По службе без одной!

III

То ль дело, как ранехонько
Пробудишься, зевнешь —
На цыпочках, тихохонько
Из спальни улизнешь
(Пока еще пронзительно
Жена себе храпит),
Побреешься рачительно,
Приличный примешь вид.
Смирив свою амбицию,
За ленью служу
Почистишь амуницию
И даже сапоги.
Жилетку и так далее
Наденешь, застегнешь,
Прицепишь все регалии,
Стакан чайку хлебнешь.
Дела, какие б ни были,
Захватишь и, какмышь,
Согнувшись в три погибели,
На службу побежишь...
Начальнику почтение,
Товарищам поклон
И вмиг за отношение —
Ничем не развлечен!

Молчания степенного
День целый не прервешь,
Лишь кстати подчиненного
Прилично распечешь,
Да разве снисходительно
Подшутит генерал,—
Тогда мы все решительно
Хохочем наповал!
(Уж так издавна водится,
Да так и должно быть:
Нам, право, не приходится
Пред старшими мудрить!)
Его превосходительство
Добрейший генерал,
Он много покровительства
Мне в службе оказал...

IV

Я с час пред умывальником
Мучительный провел,
Когда с своим начальником
Христосоваться шел,
Умылся так рачительно,
Чуть кожу не содрал,
Зато как снисходительно
Меня он лобызал!
Дал слово мной заботиться,
Жал руку горячо,
А я его, как водится,
И в брюхо и в плечо!
Вот жизнь патриархальная,
Вот служба без химер.
О юность либеральная!
Бери с меня пример!..

V

Я в пост, как бы на станции
Задержанный, скучал,
Да, к счастью, из Франции
Рубини прискакал.

От чувства безотчетного
Вдруг всякий присмирел,
Как в зале Благородного
Собрания он запел.
На голову курчавую,
Во всех концах земли
Увенчанную славою,
Все взоры навели
И звуки изумрудные
Впивали жадно в грудь,
То были звуки чудные:
Он пел не как-нибудь!
Высокое художество
И выразить нет слов!
Я слышал в жизни множество
Отличнейших певцов,
Съезжаются на старости
Сюда со всех сторон,
Ревут, как волки в ярости,
А всё не то, что он!
Начнет в четыре голоса,
Зальется как река,
А кончит тоньше волоса,
Нежнее ветерка.
По свету благодарному
Об нем недаром гул:
Мне даже, титулярному,
Он сердце шевельнул!

VI

Идешь ли в канцелярию,
Уходишь ли от дел,
Поешь невольно арию,
Которую он пел.
Выходит бестолковица,
А думаешь, что так.
Другой приостановится
И скажет: «Вот дурак!»
Отелло, мавра дикого,
Так чудно он сыграл,

Что им одним великого
Название стяжал!
Когда игралась *Люция*,
Я пролил реки слез:
На верх благополучия
Певец меня вознес!

VII

(Как все по службе сделаю —
Нарочно поспешу —
О Листе книгу целую
Тогда вам напишу.)

VIII

Как все, страстей игралище,
Покинув кучу дел,
На конское ристалище
Намедни я смотрел.
Шталмейстера турецкого
Заслуга велика:
Верхом он молодецкого
Танцует трепака.
Арабы взоры радуют
Отважностью своей.
Изрядно также падают
Мамзели с лошадей.
Ристалище престранное,
По новости своей,
А впрочем, балаганные
Их шутки веселей.
Начальник представления
Сулье, красив и прям,
Приводит в восхищение
В особенности дам.
Доныне свет штукмейстера
Такого не видал:
Достоинство шталмейстера
Недаром он стяжал.

IX

Прилежно я окидывал
Заморского кита.
Немало в жизни видывал
Я разного скота,
Но страшного, по совести,
Такого не видал,
Однажды только в повести
Брамбеуса читал.
Такой зверок — сокровище!
Аршинов сто длина,
Усищи у чудовища
Как будто два бревна,
Хвост длинный удирительно,
Башка — что целый дом,
Возможно все решительно
В нем делать и на нем:
Плясать без затруднения
На брюхе контраданс,
А в брюхе без стеснения
Сражаться в преферанс!
Столь грузное животное
К нам трудно было ввезть;
Зато весьма доходное,
Да и не просит есть.
Дерут за рассмотрение
Полтинник, четвертак,
А взглянешь — наслаждение
Почувствуешь в пятак!

X

Вот май... Все разъезжаются
По дачам, отдохнуть...
Больные собираются
К водам, в далекий путь.
Лишь я один, тревогою
Измученный, грущу.
Душевных ран не трогаю
И сердца не лечу.
Изведал уж немало я
Житейской суеты...

Ах, молодость уда́лая!
Куда исчезла ты?
Бывало, лето красное
Мне счастье несло:
На сердце радость ясная,
Безоблачно чело!
Светила мне незримая
Звезда изда́лека,
Грудь, страстью шевелимая,
Вздыхалась, как река.
Тогда за что ни схватишься —
Всё с жаром; хоть порой
И дорого поплатишься,
Зато живешь душой!
Бывало, заиграешься —
Огромный ставишь куш,
Дадут — не отгибаешься,
Как будто триста душ!
Не мысля о гибели,
Рад сам себе на *не*,
Согнувши в три гибели,
Пустить на зло судьбе.
Дотла пропонтируешься,
Повеся нос уйдешь,
На всех день целый дуешься,
А там — опять за то ж.
Бывало, за хорошенькой
Верст десять пробежишь,
Пристукиваешь ноженькой
Да в уши ей жужжишь:
«Куда идти изволите,
Куда вы, ангел мой?
Что пальцы вы мозолите,
Поедьте со мной!..»
Теперь... увы! — безжизненно
На целый мир глядишь,
Живешь безукоризненно —
Страстями не кипишь.
Забывши и поэзию,
И карты, и дебош,
Поутру ешь магнезию,
Микстуру на ночь пьешь,
Нейдут на разум грации...

XI

Кончаю, скромненький, тих,
У Лерхе в ресторанчике
Остаток дней моих,
Из службы в бильярдную
Прямехонько иду,
Игру там не азартную,
Но скромную веду.
Там члены все отличные,
Хохочут и острят,
Истории различные
Друг другу говорят.
Никто там не заносится,
Играем чередой,
И гений Тюрин носится
Над каждой головой...

XII

Здесь будет заключение
Второй моей главы.
Итак, мое почтение,
Читатель добрый. Вы
Ценитель снисходительный,
Я знаю вас давно.
А впрочем, мне решительно,
Поверьте, все равно.
За опыты в пийтике
Я не прошу похвал.
Пускай иные критики
Отхлещут наповал —
Ей-богу, не посетую!
Свое я получил:
Брамбеус сам с кометою
За ум меня сравнил.

ГЛАВА III

(Без оглавления. 1845)

Мотивы итальянские
Мне не дают заснуть,
И страсти африканские
Волнуют кровь и грудь:

Всё грезятся балкончики,
И искры черных глаз
Сверкают, как червончики,
В день по сту тысяч раз.
Отбою нет от думушки:
Эх! жизнь моя!.. увы!..
Зачем женили, кумушки,
Меня так рано вы!
На свете много водится
Красавиц, и каких!
А нам любить приходится
Курносых и рябых.
Что за красотка «Боржия»!..
Менялся весь в лице
И даже (не топор же я!)
Заплакал при конце;
Во всем талант, гармония...
Видал не много лиц
Таких, как у Альбони, я —
Певица из певиц,
В уме производящая
Содом и кутерьму,
Так много говорящая
И сердцу и уму;
Высокая и белая,
Красива и ловка
И уж заматерелая —
Не скажешь, что жидка!
Избытки даже лишние
Заметны в ней души,
И верхние и нижние
Все ноты хороши!..

Чтоб только петь, как Гарция,
И удивлять весь свет —
Не пожалел бы гарнца я
Серебряных монет.
На миг заботы вечные
Смолкают, не томят,
И струны все сердечные
В груди дрожат, звучат —
Звучат в ответ чудеснице.
Могуча и легка,

Душа как бы по лестнице
Восходит в облака.
А мира треволнения —
Служебный весь содом,
Начальник отделения
С запуганным лицом,
Скучнейшие нотации
Ревнующей жены,
Червонцы, ассигнации
И самые чины —
Все в мелочь и ничтожество
Тотчас обращено...
Чего бы уж художество
И делать не должно!
Подобные влечения
В неведомый предел
Ввергают в упущения
Житейских наших дел.
От итальянской арии,
Исполненной красот,
К занятиям канцелярии
Трудненок переход;
Спокойствие сменяется
Тревогою души,
И вовсе страсть теряется
Сколачивать гроши.
Но лишь предосторожности
Во время стоит взять,—
Как не найти возможности
Всему противустать?
На то и волю твердую
Дал человеку бог,
Чтоб кстати душу гордую
Воздерживать он мог...
Вот мне ничто решительно
Не помешает спать,
Ни счет вести рачительно,
Ни даже... взятки брать
(Не то, чтобы с просителей,
А в картах... что сорвешь
С столичных наших жителей?
Голь продувная сплошь!)
А все же я признаюся,

Что Гарцией порой
Так сильно восхищаюся,
Что слезы лью рекой.
Растрогает татарина!
Так хорошо поет,
Что даже у Фиглярина
Ругательств не стает;
Глаза большие, черные,
И столько в них огня...
Жаль — силы стихотворные
Слабеньки у меня;
А будь-ка красноречие!..
Но про меня и так
Трубят давно злоречие,
Что будто я дурак.
Молчу! Где нам подобные
Предметы воспевать:
Мы дураки, способные
Взятчонки только брать!
Над нами сочинители
Смеются в повестях...
А чем мы их обидели?
Будь я в больших чинах,
Тотчас благоразумие
Внушил бы им, ей-ей!
Давай нам остроумие,
Но трогать нас не смей!
Чем хуже я профессора,
Художника, врача?
Коллежского ассессора
Трудами получа,
Я никому не здравствую.
Небезызвестно вам,
Что я давно участвую
В литературе сам;
Но никогда решительно
(И бог храни вперед)
Не нападал презрительно
И на простой народ!
Без вздоров сатирических
Идет лишь Полевой
В пьесах драматических
Дорогою прямой.

В нас страсти благородные
Умеет возбуждать
И, лица взяв почетные,
Умеет уважать;
Всем похвалы горячие,
Почтенье... а писцы
И мелкие подьячие
Глупцы и подлецы,
С уродливыми рожами...
И тут ошибки нет
(Не всё же ведь хорошими
Людьми наполнен свет)...

ЧИНОВНИК

Как человек разумной середины,
 Он многого в сей жизни не желал:
 Перед обедом пил настойку из рябины
 И чихирем обед свой запивал.
 У Кинчерфа ¹ заказывал одежду
 И с давних пор (простительная страсть)
 Питал в душе далекую надежду
 В коллежские ассесоры попасть,—
 Затем, что был он крови не боярской
 И не хотел, чтоб в жизни кто-нибудь
 Детей его породой семинарской
 Осмелился надменно попрекнуть.
 Был с виду прост, держал себя сутуло,
 Смирненно все судьбе предоставлял,
 Пред старшими подскакивал со стула
 И в робость безотчетную впадал,
 С начальником ни по каким причинам —
 Где б ни было — не вмешивался в спор,
 И было в нем все соразмерно с чином —
 Походка, взгляд, усмешка, разговор.
 Внимательным, уступчиво-смирненным
 Был при родных, при теще, при жене,
 Но поддержать умел пред подчиненным
 Достоинство чиновника вполне;
 Мог и распечь при случае (распечь-то
 Мы, впрочем, все большие мастера),
 Имел даже значительное нечто
 В бровях...

¹ Тогдашний портной средней руки. (Прим. Н. А. Некрасова)

Теперь тяжелая пора!
С тех дней, как стал пытливостью рассудка
Тревожно-беспокойного — наш век
Задерживать развитие желудка,
Уже не тот и русский человек.
Выводятся раскормленные туши,
Как ни едим героически, как ни пьем,
И хоть теперь мы так же бьем баклуши,
Но в толщину от них уже нейдём.
И в наши дни, читатель мой любезный,
Лишь где-нибудь в коснеющей глуши
Найдете вы, по благости небесной,
Приличное вместилище души.

Но мой герой — хоть он и шел за веком —
Больных влияний века избежал
И был таким, как должно, человеком:
Ни тощ, ни толст. Торжественно лежал
Мясистый двухэтажный подбородок
В воротничках, — но промежуток был
Меж головой и грудью так короток,
Что паралич — увы! — ему грозил.
Спина была — уж сказано — горбата
И на ногах (шепну вам на ушко —
Кривых немножко — нянька виновата!)
Качалось солидное брюшко...

Сирот и вдов он не был благодетель,
Но нищим иногда давал гроши
И называл святую добродетель
Первейшим украшением души.
О ней твердил в семействе беспрерывно,
Но не во всем ей следовал подчас
И извинял грешки свои наивно
Женой, детьми, как многие из нас.

По службе вел дела свои примерно
И не бывал за взятки под судом,
Но (на жену, как водится) в Галерной
Купил давно пятиэтажный дом.
И радовал родительскую душу
Сей прочный дом — спокойствия залог.

И на Фому, Ванюшу и Феклушу
Без сладких слез он посмотреть не мог...
Вид нищеты, разительного блеска
Смушал его — приличье он любил.
От всяких слов, произносимых резко,
Он вздрагивал и тотчас уходил.
К писателям враждой — не беспричинной —
Пылал... бледнел и трясся, сам не свой,
Когда из них какой-нибудь бесчинный
Ласкаем был чиновною рукой.
За лишнее считал их в мире бремя,
Звал книги побасёнками: «Читать
Не то ли же, что праздно тратить время?
А праздность — всех пороков наших мать», —
Так говорил ко благу подчиненных
(Мысль глубока, хоть и весьма стара)
И изю всех открытий современных
Знал только *консоляцию*...

Пора

Мне вам сказать, что как чиновник дельный
И совершенно русский человек
Он заражен был страстью той смертельно,
Которой все заражены в наш век,
Которая пустить успела корни
В обширном русском царстве глубоко
С тех пор, как вист в потеху нашей дворни
Мы отдали... «Приятно и легко
Бегут часы за преферансом; право,
Кто выдумал — был малый с головой!» —
Так иногда, прищурившись лукаво,
Говаривал почтенный наш герой.
И выше он не ведал наслаждений...
Как он играл?... Серьезная статья!
Решить вопрос сумел бы разве гений,
Но так и быть, попробую и я.

Когда обед оканчивался чинный,
Крестьясь, гостям хозяин руки жал
И, приказав поставить стол в гостиной,
С улыбкой добродушной замечал:
«Что, господа, сразиться бы недурно?
Жизнь коротка, а нам не десять лет!»

Над ним несло тогда дыханье бурно,
И — вдохновен — он забывал весь свет,
Жену, детей; единой предан страсти,
Молчал, как жрец, бровями шевеля,
И для него тогда в четыре масти
Сливалось все — и небо и земля!
Вне карт не знал, не слышал и не видел
Он ничего, — но помнил каждый приз...
Прижимистых и робких ненавидел,
Но к храбрецам, готовым на ремиз,
Исполнен был глубокого почтения.
При трех тузах, при даме сам-четверт
Козырной — в вист ходил без опасенья.
В несчастье был, как многие, нетверд:
Ощипанной подобен куропатке,
Угрюм, сердит, ворчал, повеся нос,
А в счастии любил при каждой взятке
Пристукивать и говорил: «А что-с?»

Острил, как все острят или острили,
И замечал, при выходе с бубен:
«Ну, Петр Кузьмич! недаром вы служили
Пятнадцать лет — вы знаете закон!»
Валетов, дам красивых, но холодных
Пушил слегка, как все; но никогда
Насчет тузов и прочих карт почетных
Не говорил ни слова...

Господа!

Быть может, здесь надменно вы зевнете
И повесть благодравную мою
В подробностях излишних упрекнете...
Ответ готов: не пустяки пою!

Пою, что Русь и тешит и чарует,
Что наши дни — как средние века
Крестовые походы — знаменует,
Чем наша жизнь полна и глубока;
(Я не шучу — смотрите в оба глаза) —
Чем от «Москвы родной» до Иртыша,
От «финских скал» до «грозного Кавказа»
Волнуется славянская душа!!

Притом я сам страсть эту уважаю,—
Я ею сам восторженно киплю,
И хоть весьма несчастно прикупаю,
Но вечеров без карт я не терплю
И, где их нет, постыдно засыпаю...

Что ж делать нам?.. Блаженные отцы
И деды наши пировать любили,
Весной садили лук да огурцы,
Волков и зайцев осенью травили,
Их увлекал, их страсти шевелил
Паратый пес, статистый иноходец;
Их за столом и трогал и смешил
Какой-нибудь наряженный уродец.
Они сидеть любили за столом,
И было им и любо и доступно
Перепивать друг друга, и потом,
Повздоровивши по-русски, дружелюбно
Вдруг утихать и засыпать рядком.
Но мы забав отцов не понимаем
(Хоть мало — всё ж мы их переросли),
Что ж делать нам?.. играть!.. и мы играем,
И благо, что занятие нашли,—
Сидеть грешно и вредно сложа руки...

В неделю раз, пресытившись игрой,
В театр Александрийский, ради скуки,
Являлся наш почтеннейший герой.
Удвоенной ценой за бенефисы
Отечественный гений поощрял,
Но звание актера и актрисы
Постыдным, по преданию, считал.
Любил пальбу, кровавые сюжеты,
Где при конце карается порок...
И, слушая скромные куплеты,
Толкал жену легонько под бочок.

Любил шепнуть в антракте плотной даме —
(Всему научит хитрый Петербург),—
Что страсти и движенье нужны в драме
И что Шекспир — великий драматург,—
Но, впрочем, не был твердо в том уверен
И через час другое подтверждал,—

По службе быв всегда благонамерен,
Он прочее другим предоставлял.

Зато когда являлася сатира,
Где автор — гуineaдец и нахал —
Честь общества и украшение мира,
Чиновников, за взятки порицал,—
Свирепствовал он, не жалея груди,
Дивился, как допущена в печать
И как благонамеренные люди
Не совестятся видеть и читать.
С досады пил (сильна была досада!)
В удвоенном количестве чихирь
И говорил, что авторов бы надо
За дерзости подобные — в Сибирь!..

ОТРЫВОК

Родился я в губернии
Далекой и степной
И прямо встретил тернии
В юдоли сей земной.
Мне будущность счастливую
Отец приготовлял,
Но жизнь трудолюбивую
Сам в бедности скончал!
Немытый, неприглаженный,
Бежал я босиком,
Как в церковь гроб некрашенный
Везли большим селом;
Я слезы непритворные
Руками утирал,
И волосенки черные
Мне ветер разведал...
Запомнил я сердитую
Улыбку мертвеца
И мать мою, убитую
Кончиною отца.
Я помню, как шептались,
Как в церковь гроб несли;
Как с мертвым целовались,
Как бросили земли;
Как сами мы лопатушкой
Сравнили бугорок...
Нам дядя с бедной матушкой
Дал в доме уголок.

К настойке страсть великую
Сей человек питал,
Имел наружность дикую
И мне не потакал...
Он часто, как страшилище,
Пугал меня собой,
И порешил в училище
Отправить с рук долой.
Мать плакала, томила,ся,
Не ела по три дня,
Вздыхала и молилася,
Просила за меня,
Пешком идти до Киева
Хотела, но слегла
И с просьбой: «Не губи его!» —
В могилу перешла.
Мир праху добродетельной!
Старик потосковал;
Но тщетно благодетельной
Я перемены ждал:
Не изменил решение!
Изрядно куликнул,
Дал мне благословение,
Полтинник в руку ткнул;
Влепил с немym рыданием
В уста мне поцелуй:
«Учися с прилежанием,
Не шляйся! не балуй!» —
Сердечно, наставительно
Сказал в последний раз,
Махнул рукой решительно —
И кляча поплелась...

* * *

Стишки! стишки! давно ль и я был гений?
Мечтал... не спал... пописывал стишки?
О вы, источник стольких наслаждений,
Мои литературные грешки!
Как дельно, как благоразумно-мило
На вас я годы лучшие убил!
В моей душе не много силы было,
А я и ту бесплодно расточил!
Увы!.. стихов слагатели молодые,
С кем я делил и труд мой и досуг,
Вы, люди милые, поэты преплохие,
Вам изменил ваш недостойный друг!..
И вы... как много вас уж — слава небу — сгибло...
Того хандра, того жена зашибла,
Тот сам колотит бедную жену,
И спину гнет другой... а в старину?
Как гордо мы на будущность смотрели!
Как ревностно бездействовали мы!
«Избранники небес», мы пели, пели
И песнями пересоздать умы,
Перевернуть действительность хотели;
И мнилось нам, что труд наш не пустой,
Не детский бред, что с нами сам всевышний,
И близок час блаженно-роковой,
Когда наш труд благословит наш ближний!
А между тем действительность была
По-прежнему безвыходно пошла,
Не убыло ни горя, ни пороков,—
Смешон и дик был петушиный бой

Непонимающих толпы пророков
С невнемлющей пророчествам толпой!
И «ближний наш» все тем же глазом видел,
Все так же близоруко понимал,
Любил корыстно, пошло ненавидел,
Бесславно и бессмысленно страдал;
Пустых страстей пустой и праздный грохот
По-прежнему движенье заменял,
И не смолкал тот сатанинский хохот,
Который в сень холодную могил
Отцов и дедов наших проводил!..

НОВОСТИ

(Газетный фельетон. 1845)

Почтеннейшая публика! на днях
Случилось в столице нашей чудо:
Остался некто без пяти в червях,
Хоть — знают все — играет он не худо.
О том твердит теперь весь Петербург:
«Событие вне всякого другого!»
Трагедию какой-то драматург,
На пользу поколенья молодого,
Сбирается состряпать из него...
Разумный труд! Заслуги, удалство
Похвально петь; но все же не мешает
Порою и сознание грехов,
Затем, что прегрешение отцов
Для их детей спасительно бывает.
Притом для нас не стыдно и легко
В ошибках сознаваться — их немного,
А доблестей — как милостей у бога...

Из черного французского трико
Жилеты, шелком шитые, недавно
Вошли в большую моду; в самом деле славно!

Почтенный муж шестидесяти лет
Женился на девице в девятнадцать
(На днях у них парадный был обед,
Не мог я, к сожаленью, отказаться);
Немножко было грустно. Взор ее
Сверкал, казалось, скрытыми слезами

И будто что-то спрашивал. Но я
Отвык, к несчастью, тешиться мечтами,
И мне ее не жалко. Этот взор
Унылый, длинный, этот вздох глубокий —
Кому они? — Любезник и танцор,
Гремящий саблей, статный и высокий —
Таков был пансионский идеал
Моей девицы... Что ж! распорядился
Иначе случай...

Маскарад и бал
В собрание был и очень долго длился.
Люблю я наши маскарады; в них,
Не говоря о прелестях других,
Образчик жизни петербургско-русской,
Так ловко переделанной с французской.

Уныло мы проходим жизни путь,
Могло бы нас будить одно — искусство,
Но редко нам разогревает грудь
Из глубины поднявшееся чувство,
Затем, что наши русские певцы
Всем хороши, да петь не молодцы,
Затем, что наши русские мотивы,
Как наша жизнь, и бедны и сонливы,
И тяжело однообразие их,
Как вид степей пустынных и нагих.

О, скучен день, и долог вечер наш!
Однообразны месяцы и годы,
Обеды, карты, дребезжанье чаш,
Визиты, поздравленья и разводы —
Вот наша жизнь. Ее постылый шум
С привычным равнодушьем ухо внемлет,
И в действии пустом кипящий ум
Суров и сух, а сердце глухо дремлет;
И свыкшись с положением таким,
Другого мы как будто не хотим,
Возможность исключений отвергаем
И, словно по профессии, зеваем...
Но — скучны отступления!

Чудак,
Знакомый мне, в прошедшую субботу
Сошел с ума... А был он не дурак
И тысяч сто в год получал доходу.
Спокойно жил, доволен и здоров,
Но обошли его по службе чином,
И вдруг — уныл, задумчив и суров —
Он стал страдать славяно-русским сплином;
И наконец, в один прекрасный день,
Тайком от всех, одевшись наизнанку
В отличия, несвойственные рангу,
Пошел бродить по улицам, как тень,
Да и пропал. Нашли на третьи сутки,
Когда сынком какой-то важной утки
Уж он себя в припадках величал
И в совершенстве кошкою кричал,
Стараясь всех уверить в то же время,
Что чин большой есть тягостное бремя,
И служит он, ей-ей, не для себя,
Но только благо общее любя...

История другая в том же роде
С одним примерным юношей была:
Женился он для денег на уроде,
Она — для денег за него пошла,
И что ж? — о срам! о горе! — *оказалось*,
Что им обоим *только показалось*;
Она была как нищая бедна,
И беден был он так же, как она.
Не вынес он нежданного удара
И впал в хандру; в чахотке слег в постель,
И не прожить ему пяти недель.
А нежный тесть, неравнодушно глядя
На муки завербованного зятя
И положение дочери родной,
Винит во всем «натуришку гнилую»
И думает: «Для дочери другой
Я женишка покрепче завербую».

Собачка у старухи Хвастуновой
Пропадала, а у скряги Сурмина
Бежала гувернантка — ищет новой.
О том и о другом извещена

Столица чрез известную газету;
Явилось тотчас разных свойств и лет
Тьма гувернанток, а собаки нет.

Почтенный и любимый господин,
Прославившийся емкостью желудка,
Безмерным истреблением всяких вин
И иступленной тупостью рассудка,
Объелся и скончался... Был на днях
Весь город на его похоронах.
О доблестях покойника рыдая,
Какой-то друг три речи произнес,
И было много толков, много слез,
Потом была пирушка — и большая!
На голову обжоры непохож,
Был полон погреб дорогих бутылок,
И длился до заутрени кутеж...
При дребезге ножей, бокалов, вилок
Припоминали добрые дела
Покойника, хоть их, признаться, было
Весьма немного; но обычай милый
Святая Русь доныне сберегла:
Ко всякому почтенье за могилой —
Ведь мертвый нам не может сделать зла!
Считается напомнить неприличным,
Что там-то он ограбил сироту,
А вот тогда-то пойман был с поличным.
Зато добра малейшую черту
Тотчас с большой горячностью подхватят
И разовьют, так истинно скорбя,
Как будто тем скончавшемуся платят
За то, что их избавил от себя!
Поговорив — печаянно напьются,
Напившись — слезами обольются,
И в эпитафии напишут: «человек
Он был такой, какие ныне редки!»
И так у нас идет из века в век,
И с нами так поступят наши детки...

Литературный вечер был; на нем
Происходило чтение. Важно, чинно
Сидели сочинители кружком
И наслаждались мудростью невинной

Отставшей знаменитости. Потом
Один весьма достойный сочинитель
Тетрадищу поспешно развернул
И три часа — о изверг, о мучитель! —
Читал, читал и — даже сам зевнул,
Не говоря о жертвах благосклонных,
С четвертой же страницы усыпленных.
Их разбудил восторженный поэт;
Он с места встал торжественно и строго,
Глаза горят, в руках тетради нет,
Но в голове так много, много, много...
Рекой лились гремучие стихи,
Руками он махал, как исступленный.
Слышал я в жизни много чепухи
И много дичи видел во вселенной,
А потому я не был удивлен...
Ценителей толпа рукоплескала,
Младой поэт отвесил им поклон
И все прочел торжественно с начала.
Затем как раз и к делу приступить
Пришла пора. К несчастью, есть и пить
В тот вечер я не чувствовал желанья
И вон ушел тихонько из собрания.
А пили долго, говорят, потом
И говорили горячо о том,
Что движемся мы быстро с каждым часом,
И дурно, к сожаленью, в нас одно,
Что небрежем отечественным квасом
И любим иностранное вино.

На петербургских барынь и девиц
Напал недуг свирепый и великий:
Вскружился мир чиновниц полудикий
И мир ручных, но недоступных львиц.
Почто сия на лицах всех забота?
Почто сей шум, волнение умов?
От Невского до Козьего болота,
От Козьего болота до Песков,
От пестрой и роскошной Миллионной
До Выборгской унылой стороны —
Чем занят ум мужей неутомонно?
Чем души жен и дев потрясены??
Все женщины, от пресловутой Ольги

Васильевны, купчихи в сорок лет,
До той, которую воспел поэт
(Его уж нет), — помешаны на польке!
Предчувствие явления ея
В атмосфере носилось заране.
Она теперь у всех на первом плане
И в жизни нашей главная статья;
О ней и меж великими мужами
Нередко пренья, жаркий спор кипит,
И старец, убеленный сединою,
О ней с одушевленьем говорит.
Она в одной сорочке гонит с ложа
Во тьме ночной прелестных наших дев,
И дева пляшет, общий сон тревожа,
А горничная, барышню раздев,
В своей каморке производит то же.
Достойнейший сын века своего,
Пустейший франт, исполнен гордой силой,
Ей предан без границ, — и для него
Средины нет меж полькой и могилой!
Проникнувшись великостью труда
И важностью предпринятого дела,
Как гладиатор в древние года,
С ней борется он ревностно и смело...
Когда б вы не были, читатель мой,
Аристократ и побывать в танцклассе
У Кессених решились со мной,
Оттуда вы вернулись бы в экстазе,
С утешенной и бодрою душой.
О юношество милое! Тебя ли
За хилость и недвижность упрекнуть?
Не умерли в тебе и не увяли
Младые силы, не зачахла грудь,
И сила там кипит твоя просторно,
Где всё тебе по сердцу и покорно.
И, гордое могуществом своим,
Довольно ты своею скромной долей:
Твоим порывам смелым и живым
Такое нужно поприще — не боле,
И тратишь ты среди таких тревог
Души всю силу и всю силу ног...

МОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

Говорят, что счастье наше скользко,—
Сам, увы! я то же испытал!
На границе Юрьевец-Повольска
В собственном селе я проживал.
Недостаток внешнего движенья
Заменяв работой головы,
Принимал я в лето, без сомненья,
Десятин до двадцати травы;
Я лежал с утра до поздней ночи
При волшебном плеске ручейка
И мечтал, поднявши к небу очи,
Созерцая гордо облака.
Вереницей чудной и беспечной
Предо мной толпился ряд идей,
И витал я в сфере бесконечной,
Презирая мелкий труд людей.
Я лежал, гнушаясь их тревогой
Не нуждаясь, к счастью, ни в чем,
Но зато широкою дорогой
В сфере мысли шел богатырем;
Гордый дух мой рос и расширялся,
Много тайн я совмещал в груди
И поведать миру собирался;
Но любовь сказала: погоди!
Я давно в созданье идеала
Погружен был страстною душой:
Я желал, чтоб женщина предстала
В виде мудрой Клии предо мной,

Чтоб и свет, и танцы, и наряды,
И балы не нужны были ей;
Чтоб она на всё бросала взгляды,
Добытые мыслию своей;
Чтоб она не плакала напрасно,
Не смеялась втуне никогда,
Говоря восторженно и страстно,
Вдохновенно действуя всегда;
Чтоб она не в рюмки и подносы,
Не в дела презренной суеты,—
Чтоб она в великие вопросы
Погружала мысли и мечты...
И нашел, казалось, я такую.
Молода она еще была
И свою натуру молодую
Радостно развитию предала.
Я читал ей Гегеля, Жан-Поля,
Демосфена, Галича, Руссо,
Глинку, Ричардсона, Декандоля,
Волтера, Шекспира, Шамиссо,
Байрона, Мильтона, Соутэя,
Шеллинга, Клопштока, Дидеро...
В ком жила великая идея,
Кто любил науку и добро;
Всех она, казалось, понимала,
Слушала без скуки и тоски,
И сама уж на ночь начинала
Тацита читать, надев очки.
Правда, легче два десятка кегель
Разом сбить ей было, чем понять,
Как велик и плодотворен Гегель;
Но умел я вразумлять и ждать!
Видел я: не пропадет терпенье —
Даже мать красавицы моей,
Бросивши варенье и соленье,
Философских набралась идей.
Так мы шли в развитие нашем дружно,
О высоком вечно говоря...
Но не то ей в жизни было нужно!
Раз, увы, в начале сентября
Прискакал я поутру к невесте.
Нет ее ни в зале, ни в саду.

Где ж она? «Они на кухне вместе
С маменькой», — и я туда иду.
Тут предстала страшная картина...
Разом столько горя и тоски!
Растерзав на клочья Ламартина,
На бумагу клала пирожки
И сажала в печь моя невеста!!
Я смотреть без ужаса не мог,
Как она рукой месила тесто,
Как потом отведала пирог.
Я не верил зрению и слуху,
Думал я, не перестать ли жить?
А у ней еще достало духу
Мне пирог проклятый предложить.
Вот они — великие идеи!
Вот они — развития плоды!
Где же вы, поэзии затей?
Что из вас, усилья и труды?
Я рыдал. Сконфузились обе,
Видимо, перепугались вдруг;
Я ушел в невыразимой злобе,
Объявив, что больше им не друг.
С той поры, я верю: счастье скользко,
Я без слез не проживаю дня;
От Москвы до Юрьевец-Повольска
Нет лица несчастнее меня!

ДЕЛОВОЙ РАЗГОВОР

Журналист

*(входя утром в свой кабинет
и садясь к рабочему столу)*

Вот почта новая. Какая груда дел!
Куда деваться мне от писем и посылок?
В провинции народ взыскателен и пылок:
Чуть к первому числу с журналом не поспел,
Завалят письмами — тоска и разоренье!
Тот делает упрек, тому дай объясненье,
А тот с угрозами... досадная статья!
Посылки также вздор, их ненавижу я!
Плохие повести, а чаще рифмоторство!..
Я, кажется, стихам не делаю потворства —
В них толку не ищи... Какая польза в том,
Что чувствовал поэт то дома, то на бале?..
Я положителен и в жизни и в журнале,
Девиз мой: интерес существенный во всем!
И как их различать? Хороших нет эстетик,
А практик я плохой — я больше теоретик...

Слуга

(входит и докладывает)

Помещик Свистунов: приезжий из Уфы.

Журналист

Проси его, проси: сегодня принимаю...

Слуга уходит.

Всю жизнь, я разделил на равные графы,
Как счетную тетрадь, и только отмечаю,
Куда который час и как употреблен...
В рот капли не беру и ем один бульон...

П о д п и с ч и к

(входя)

Семь лет подписчиком и данником покорным
Я вашим был — и ныне состою,
Пылая к вам почтеньем непритворным
(Простите, батюшка, докучливость мою),
Священным долгом счел, прибыв в столицу нашу,
Сначала облететь ее во все концы,
Кунсткамеру взглянуть, потом особу вашу...
А там опять домой... чай, ждут мои птенцы!..

Ж у р н а л и с т

Садитесь; очень рад. Как рёзы среди терний,
Как светлый ручеек во глубине степей —
Цветисто говоря, — так жители губерний
Приятны нам всегда. Вы, щедростью своей
Поддерживая нас, конечно, заслужили,
Чтоб полное мы к вам почтение хранили, —
И если в микроскоп рассматривать меня
Охота вам придет — я должен согласиться!

П о д п и с ч и к

Поздненько, батюшка, мне оптике учиться:
Мне стукнет шестьдесят через четыре дня!

Ж у р н а л и с т

Да я ведь пошутил. А говоря прямее,
Как дело всякое со стороны виднее,
То и доволен я, что завернули вы...
Трудами наших рук и нашей головы
Мы жертвуем для вас, журналы издавая...

П о д п и с ч и к

(перебивая с поклоном)

И благодарность вам, почтеннейший, большая...

Ж у р н а л и с т

Мы пишем день и ночь; торопимся, спешим
Роман перевести; театр, литературу

За месяц обозреть, исправить корректуру —
Всё к первому числу... И еле мы дышим,
Оттиснув наконец и выдав книжку нашу...
Но какова она?.. Которые статьи
Охотно вы прочли в кругу своей семьи?
Какие усыпить успели милость вашу?
Не знаем ничего, и знать нам мудрено.
Конечно, судят нас собратья аккуратно;
Но замечать они умеют только пятна,
И в беспристрастии их упрекнуть грешно!
Купаясь в мелочной и тягостной борьбе,
Которая порой близка бывает к драке,
Увы! не знаем мы цены самим себе
И ошупью бредем в каком-то полумраке!
Кто ж может этот путь тернистый осветить?
Кто на дурное нам беззлобиво укажет?
Кто за хорошее нам благодарность скажет,
Умея покарать, умея и простить?

Подписчик

Конечно, публика...

Журналист

К тому и речь веду я.
Как умный человек и как подписчик мой,
Вы представителем явились предо мной
Всей нашей публики; и вас теперь спрошу я:
Довольны ли вы тем, что производим мы?
Интересуют ли читателей умы
Словесность, Критика, Хозяйство, Смесь, Науки?..
Что любит публика? к чему негоряча?..

Подписчик

Благодаря всевластной силе скуки
И рьяности чтецов, читаются сплеча,
За исключением Наук и Домоводства,
Все ваши рубрики...

Журналист

О, стыд! о, готтентотство!
Ужель еще читать не начали Науки?

Подписчик

Давно бы начали, но, батюшка, «Науки»
Так пишутся у вас, что просто вон из рук!
Охотно ставлю вам семью свою в поруки:
Изрядным наделен достатком — сыновей
Я дома воспитал, а дочек в пансионе,
Страсть к чтенью развита у всех моих детей;
Засядем вечерком с журналом на балконе,
Читаем, и летят скорехонько часы...
Не спит моя жена; а как довольны дети!
Но чуть в «Науки» я — повесят все носы,
Как будто их поймал волшебник лютой в сети!
Стараюсь убеждать, доказываю им,
Что с пользою теперь мы время посвятим
Не басенке пустой, а дельному трактату,—
И дети верят мне... поближе к ним подсяду,
Читаю, горячусь... Но такова статья,
Что через час и сам спать начинаю я!
Ну, что вы скажете?..

Журналист

Еще бы малым детям
Читать вы начали ученые статьи!..

Подписчик

Нет, дети, батюшка, не малы уж мои,
И в нашей публике ученых вряд ли встретим:
Держал учителей, три года жил в Москве...
Прислушивался я частехонько к молве
И слышал все одно: «Быть может, и прекрасно,
Да только тяжело, снотворно и неясно!»
Имейте, батюшка, слова мои в виду!..
Притом, какие вы трактуете предметы?
«Проказы домовых, пословицы, приметы,
О роли петуха в языческом быту,
Значенье кочерги, история ухвата...»
Нет, батюшка, таких статей нам не надо!

Журналист

Но ежели вопрос нас к истине ведет,
Ученый помышлять обязан ли о скуке?

Подписчик

Не спорю, батюшка, полезно все в науке,
И ваша кочерга с достоинством займет
В ученом сборнике достойные страницы...
Но если дилетант-читатель предпочтет
Ученой кочерге пустые небылицы,
Ужели он неправ?

Журналист

Да вы против наук?

Подписчик

Напротив, батюшка, я их всегдашний друг!
И в вашем, и в других журналах, хоть не часто,
Случалось мне встречать ученые статьи —
Я сам, жена моя, домашние мои
Читали жадно их, как повести... Нет, за сто
Изрядных повестей, поверьте, не отдам
Одной такой статьи: какое снисхождение
К невинной публике! какое изложение!
Не путешествуя, по дальним городам
С туристом я блуждал; талантливый ученый
Вопрос мне разъяснял в истории мудреный...
Вот этаких статей побольше надо нам!

Журналист

(со вздохом)

Ах, рады бы и мы всегда таким статьям,
Да где их доставать? Таланты так ленивы,
Что ежели статью в журнале в год прочли вы
С известным именем — благополучный год!
Но часто журналист и по три года ждет
Обещанной статьи; а в публике толкуют,
Что шарлатанит он...

Подписчик

Куда как негодуют,
Что обещаний вы не держите своих!

Журналист

(махнув рукой)

Мы нынче и давать уж перестали их!

Подписчик

Но прихотлив талант — в нем возбудить охоту
Полезно иногда,— скупитесь, видно, вы?

Журналист

Помилуйте! платить готовы мы без счету!
Кто только прогремит, по милости молвы,
Тому наперехват и деньги и внимание...
Ох, дорогонько мне пришлось соревнованье!
Набили цену так в последние года,
Что наши барыши не годны никуда!
Бог знает, из чего стараемся, хлопочем?
«Известности» теперь так дорого берут,
Что сбавил цену я своим чернорабочим...
Романы, например... поверьте, приведут
Мою и без того тщедушную особу
К сухотке злой они, а может, и ко гробу!
Спасение в одном — почаще перевод
Печатай, и конец...

Подписчик

По мне, так переводы
Пора бы выводить решительно из моды,
А много перевесть романа два-три в год...
Не спорю: хороши французские романы,
И в аглицких меня пленяет здравый ум...
Но мы читаем их, как дети, наобум:
Нас авторы ведут в неведомые страны:
Народности чужой неясные черты
Нам трудно понимать, не зная той среды,
В которой романист рисуется как дома...
То ль дело русский быт и русское житье?
Природа русская? Жизнь русская знакома
Так каждому из нас, так любим мы ее,
Что, как ни даровит роман ваш переводный,
Мы слабую ему статейку предпочтем,
В которой нам дохнет картиною народной,
И русской грустию, и русским удалством,
Где развернется нам знакомая природа,
Знакомые черты знакомого народа...

Ж у р н а л и с т

Вы судите умно. Все к сведению приму.
Теперь же вам вопрос последний предлагаю:
Суждение ваше знать о Критике желаю...

П о д п и с ч и к

Позвольте умолчать.

Ж у р н а л и с т

Скажите почему?

П о д п и с ч и к

Сегодня повод вам своей свободной речью
Я подал, сударь мой, и так к противоречью,
И если мнение о Критике скажу,
Название глупца, пожалуй, заслужу.

Ж у р н а л и с т

Напротив, никогда! Ведь нет о вкусах спора!
Прошу вас, и клянусь, что яблоком раздора
Не будет никакой строжайший приговор.

П о д п и с ч и к

Ну, если так, я рад! Полезно разговор,
О чем бы он ни шел, довести до окончания.
Я вашей Критики любитель небольшой:
Не то, чтоб были в ней неверны замечанья,
Но многословием, надутой пустотой,
Самодовольствием, задором и педантством
Смущает нас она... а пуще шарлатанством!
Ну, что хорошего? Как только летний жар
Немного поспадет и осенью суровой
Повеет над селом, над полем и дубровой,
Меж вами, так и жди, поднимется базар!
Забыв достоинство своей журнальной чести,
Из зависти, вражды, досады, мелкой мести
Спешите вы послать врагам своим стрелу.
Враги стремительно бросают вам перчатку —
И бурей роковой к известному числу
Все разрешается... Ошибку, опечатку
С восторгом подхватив, готовы целый том
О ней вы сочинить... А публика? Мы ждем,

Когда окончится промышленная стычка,
Критический отдел наполнившая весь
И даже, наконец, забравшаяся в Смесь,
И думаем свое: «Несчастливая привычка,
Ошибка грустная испытанных умов,
К чему ты приведешь?..» О, выразить нет слов,
Как сами вы себя роняете жестоко,
Как оскорбляете вы публику глубоко,—
И всё ведь из чего?.. Шумливая толпа
Газетных писунов, журнальных ратоборцев,
Напрасно мыслишь ты, что публика слепа!..
Я верю вам, когда бездарных стихотворцев
Преследуете вы, трактуя свысока
О рифме, о стихе, о формах языка,
Во имя Пушкина, Жуковского и Гете,
Доказывая им, что хуже в целом свете
Не писывал никто и что рубить дрова
Полезней, чем низать — «слова, слова, слова!»
(Привычка водится за всем ученым миром
Сужденье подкрепить то Данте, то Шекспиром.)
Я верю вам, когда озлобленным пером
Вонзаются порой в нелепые романы,
Пигмеям нанося решительные раны,
В надежде щегольнуть и собственным умом.
Когда неловкий стих или хромую фразу,
Вдобавок исказив и, на потеху глазу,
Косыми буквами поставив мне на вид,
Кричите вы: «И вот что автор говорит!
Где мысль, где логика, где истинное чувство?
Тут поправ здравый смысл, поругано искусство!
О муза русская! осиротела ты!..»
Горячность ваша мне хотя и непонятна
(Вы знаете, что есть и в самом солнце пятна),
Но верить я готов, что чувство правоты
Внушило вам и желчь, и едкие сарказмы
(Хотя противное видали и не раз мы!).
Я также верил вам, сочувствовал душой,
Когда в своих статьях, приличных и достойных,
Вы отзывались с разумной похвалой
О Пушкине и о других покойных.
Язык красноречив, манера хороша:
Кто страстно так любил, так понимал искусство,
В том был глубокий ум, горело ярко чувство,

Светилася прекрасная душа!..
Когда авторитет, давно шумевший ложно,
Вы разрушаете — вам также верить можно;
Когда вы хвалите ученые труды,
Успех которых вам не сделает беды,
Я тоже верю вам (хоть страсть к литературе
Вас в равновесии не держит никогда:
То вдруг расходитесь, подобно грозной буре,
То так расхвалитесь, что новая беда);
Но иначе смотреть, иную думать думу
Привык я, господа, прислушиваясь к шуму,
Который иногда затеяв меж собой,
Вы разрешаетесь осеннею грозой;
Тоска меня берет, по телу дрожь проходит,
Когда один журнал, к другому подходя,
О совести своей журнальной речь заводит...

Ж у р н а л и с т

Ужели, мой журнал внимательно следя,
И в нем открыли вы уловки самохвальства?

П о д п и с ч и к

О, как же, батюшка, и даже до нахальства!..

Ж у р н а л и с т

(вскакивая)

Но где ж? Помилуйте! еще подобных слов
Я сроду не слышал...

П о д п и с ч и к

Уж будто?

С л у г а

(докладывая)

Хрипунов!

Ж у р н а л и с т

А! нужный человек!

П о д п и с ч и к

(вставая)

Так, значит, до свиданья?

Оно и хорошо, а то, разгорячась,
До грубости свои довел я замечанья

И засиделся сам — прощайте! третий час!
Простите, что мои суждения были жестки
(А может, скажете, что даже просто плоски,
Но лстить не мастер я и спину гнуть в кольцо...
Не думайте, что мы трудов не ценим ваших:
Нет, дельный журналист — полезное лицо!
В вас благодетелей мы часто видим наших,
Мы благодарны вам за честные труды,
Которых видимы полезные плоды, —
Вы развиваете охоту к просвещению,
Вы примиряете нас с собственной ленью,
И вам всегда открыт охотно наш карман —
Нас опыт научил, что без статей журнальных
Осенних вечеров, дождливых и печальных,
Нам некуда девать! Невежества туман
Рассеялся давно; смягчило время нравы,
Разгульные пиры и грубые забавы
Времен невежества сменило чередой
Стремление к знанию, искусствам благородным,
И редкий дворянин, конечно, молодой,
Теперь не предпочтет собакам превосходным
Журнал ваш... Для чего ж грошовый интерес
Над правдою берет в вас часто перевес?
К чему хвастливый тон, осенние раздоры,
Зацепки, выходки, улики, желчь и споры?
К чему самих себя так глупо унижать?
Поверьте, публика поймет и без навета,
Что хорошо у вас, что дурно у соседа,
Да, право, и труда большого нет понять!
Поверьте, все пойдет и тихо и прекрасно,
Когда вы станете трудиться, господа,
Самостоятельно, разумно и согласно —
И процветете все на многие года!..
Прощайте! надоел я вам своим болтаньем;
Но если речь мою почтили вы вниманьем,
Готов я забрести, пожалуй, и опять...

Ж у р н а л и с т

Весьма обяжете... Прощайте! буду ждать!

НОВЫЙ ГОД

Что новый год, то новых дум,
Желаний и надежд
Исполнен легковёрный ум
И мудрых и невежд.
Лишь тот, кто под землею сокрыт,
Надежды в сердце не таит!..

Давно ли ликовал народ
И радовался мир,
Когда рождался прошлый год
При звуках чаш и лир?
И чье суровое чело
Лучом надежды не цело?

Но меньше ль видел он могил,
Вражды и нищеты?
В нем каждый день убийцей был
Какой-нибудь мечты;
Не пощадил он никого
И не дал людям ничего!

При звуках тех же чаш и лир,
Обычной чередой
Бесстрастный гость вступает в мир
Бесстрастную стопой,—
И в тех лишь нет надежды вновь,
В ком навсегда застыла кровь!

И благо!.. С чашами в руках
Да будет встречен гость,

Да разлетится горе в прах,
Да умирится злость —
И в обновленные сердца
Да снидет радость без конца!

Нас давит времени рука,
Нас изнуряет труд,
Всесилен случай, жизнь хрупка,
Живем мы для минут,
И то, что с жизни взято раз,
Не в силах рок отнять у нас!

Пускай кипит веселый рой
Мечтаний молодых —
Им предадимся всей душой...
А время скосит их? —
Что нужды! Снова в свой черед
В нас воскресит их новый год...

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Шляпа, перчатки, портфель,
Форменный фрак со звездою,
Несколько впалая грудь,
Правый висок с сединою.

Не до одышки я толст,
Не до мизерности тонок,
Слог у меня деловой,
Голос приятен и звонок...

Только прибавить бы лба,
Но — никакими судьбами!
Волосы глупо торчат
Тотчас почти над бровями.

При несомненном уме,
Соображении быстром,
Мне далеко не пойти —
Быть не могу я министром.

Да, представительный лоб
Необходим в этом сане.
Вот Дикобразов Прокоп...
Счастье, подумаешь, дряни!

Случай вывозит слепой
Эту фигуру медвежью:
Лоб у него небольшой,
Но дополняется плешью...

ПРИЗНАНИЯ ТРУЖЕНИКА

По моей громадной толщине
 Люди ложно судят обо мне.
 Помню, раз, четыре господина
 Говорили: «Вот идет скотина!
 Видно, нет заботы никакой —
 С каждым годом прет его горой!»
 Я совсем не так благополучен,
 Как румян и шаровидно тучен;
 Дочитав рассказ мой до конца,
 Содрогнутся многие сердца!
 Для поддержки брэнной плоти нужен
 Мне обед достаточный и ужин,
 И чтоб к ним себя готовить,
 Должен я — гулять, гулять, гулять!
 Чуть проснусь, не выпив чашки чаю,
 «Одевай!» — команду Минаю.
 (Адски глуп и копотлив Минай,
 Да зато повязывать мне шею
 Допускать его я не робею:
 Предан мне безмерно негодяй...)
 Как пройду я первые ступени,
 Подогнутся слабые колени;
 Стукотня ужасная в висках,
 Пот на лбу и слезы на глазах,
 Словно кто свистит и дует в ухо,
 И, как волны в бурю, ходит брюхо!
 Отошедши несколько шагов,
 Я совсем разбит и нездоров;

Сел бы в грязь, так жутко и так тяжко,
Да грозит чудовище Кондрашка
И твердит, как Вечному Жиду,
Всё: «Иди, иди, иди!..» Иду...

Кажется, я очень авантажен:
Хорошо одет и напомажен,
Трость в руке и шляпа набекрень...
А терплю насмешки. целый день!
Из кареты высунется дама
И в лицо мне засмеется прямо,
Крикнет школьник с хохотом: «Ура!
Посмотрите: катится гора!..»
А дурак лакей, за мной шагая,
Уважение к барину теряя,
Так и прыснет!.. Праздный балагур
Срисовать в альбом карикатур
Норовит, рекомендуя дамам
Любоваться «сим гиппопотамом»!
Кучера по-своему острят:
«Этому, — мерзавцы говорят, —
Если б в брюхо и попало дышло,
Так насквозь оно бы, чай, не вышло?..»
Так, извне насмешками язвим,
Изнутри изжогою палим,
Я бреду... Пальто, бурнусы, шляпки,
Смех мужчин и дам нарядных тряпки,
Экипажи, вывески, друзья —
Ничего не замечаю я!..
Наконец... Счастливая минута!..
Скоро пять — неведомо откуда
Силы вдруг возьмутся... Как зефир,
Я лечу домой, или в трактир,
Или в клуб... Теперь я жив и молод,
Я легок: я ощущаю голод!..
Ах, поверьте! счастье не в том,
Чтоб блистать чинами и умом,
Наше счастье бродит меж холмами
В бурой шкуре, с дюжими рогами!..
Впрочем, мне распространяться лень...
Дней моих хранительная сень,
Здравствуй, клуб!.. Почти еще ребенок,
В первый раз, и сухощав и тонок,

По твоим ступеням я всходил;
Ты меня взлелеял и вскормил!
Честь тебе, твоим здоровым блюдам!..
Если кто тебя помянет худом,
Не сердись, не уличай во лжи:
На меня безмолвно укажи!
Уголок спокойный и отрадный!
Сколько раз, в час бури беспощадной,
Думал я, дремля у камелька:
«Жизнь моя приятна и легка.
Кто-нибудь теперь от стужи стонет,
Кто-нибудь в сердитом море тонет,
Кто-нибудь дрожит... а надо мной
Ветерок не пролетит сквозной...
Сколько ты пригрел и успокоил
И в объеме, как меня, утроил!
Для какого множества людей
Заменил семейство и друзей!..»

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА МОСКВЫ С ПЕТЕРБУРГОМ

1

МОСКОВСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

На дальнем севере, в гиперборейском крае,
Где солнце тусклое, показываясь в мае,
Скрывается опять до лета в сентябре,—
Столица новая возникла при Петре.
Возникнув с помощью чухонского народа
Из топей и болот в каких-нибудь два года,
Она до наших дней с Россией не срослась:
В употреблении там гнусный рижский квас,
С немецким языком там перемешан русский,
И над обоими господствует французский,
А речи истинно народный оборот
Там редок столько же, как честный патриот!

Да, патриота там наищешься со свечкой:
Подбиться к сильному, прикинуться овечкой,
Местечка теплого добиться и потом
Безбожно торговать и честью и умом —
Таков там человек! Но, впрочем, без сомненья,
Спешу оговорить, найдутся исключенья.
Забота промысла о людях такова,
Что если где растет негодная трава,
Там есть и добрая: вот, например, Жуковский,—
Хоть в Петербурге жил, но был с душой московской.
Театры и дворцы, Нева и корабли,
Несущие туда со всех концов земли

Затеи роскоши; музеи просвещения,
Музеи древностей — «все признаки ученья»
В том городе найдешь; нет одного: души!
Там высох человек, погрязнув в барыши;
Улыбка на устах, а на уме коварность:
Святого ничего — одна утилитарность!

Итак, друзья мои! клянусь тщеславный град!
Рыдаю и клянусь... Прогрессу он не рад.
В то время как Москва надеждами пылает,
Он погружается по-прежнему в разврат
И против гласности стишонки сочиняет!..

2

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Ты знаешь град, заслуженный и древний,
Который совместил в свои концы
Хоромы, хижины, посады и деревни,
И храмы божии, и царские дворцы?
Тот мудрый град, где, смелый провозвестник
Московских дум и английских начал,
Как водопад бушует «Русский вестник»,
Где «Атеней» как ручеек журчал.

Ты знаешь град? — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Ученый говорит: «Тот град славнее Рима»,
Прозаик «сердцем родины» зовет,
Поэт гласит: «России дочь любима»,
И «матушкою» чествует народ.
Недаром, нет! Невольно брызжут слезы
При имени заслуг, какие он свершил:
В 12-м году такие там морозы
Стояли, что француз досель их не забыл.

Ты знаешь град? — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Достойный град! Там Минин и Пожарский
Торжественно стоят на площади.
Там уцелел остаток древнебарский
У каждого патриция в груди.

В купечестве, в сословии дворянском
Там бескорыстие, готовность выше мер:
В последней ли войне, в вопросе ли крестьянском —
Мы не один найдем тому пример...

Ты знаешь град? — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Волшебный град! Там люди в деле тихи,
Но говорят, волнуются за двух;
Там от Кремля, с Арбата и с Плющихи
Отвсюду веет чисто русский дух;
Всё взоры веселит, всё сердце умиляет,
На выпренный настраивает лад —
Царь-колокол лежит, царь-пушка не стреляет,
И сорок сороков безумолку гудят.

Волшебный град! — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Правдивый град! Там процветает гласность,
Там принялись науки семена,
Там в головах у всех такая ясность,
Что комара не примут за слона.
Там, не в пример столице нашей невской,
Подметят всё — оценят, разберут:
Анафеме там предан Чернышевский
И Кокорева ум нашел себе приют!

Правдивый град! — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Мудреный град! По приговору сейма
Там судятся и люди и статьи;
Ученый Бабст стихами Розенгейма.
Там подкрепляет мнения свои,
Там сомневается почтеннейший Киттары,
Уж точно ли не нужно сечь детей?
Там в Хомякове чехи и мадьяры
Нашли певца народностей своей.

Мудреный град! — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Разумный град! Там Павлов Соллогуба,
Байборода Крылова обличил,
Там Шевырев был поражен сугубо,
Там сам себя Чичерин поразил.

Там, что́ ни муж — то жаркий друг прогресса,
И лишь не вдруг могли уразуметь:
Что́ на пути к нему вернее — пресса
Или умно направленная плеть?
Разумный град! — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Серьезный град!.. Науку без обмана,
Без га́ерства искусство любят там,
Там область празднословного романа
Мужчина передал в распоряжение дам.
И что роман? Там поражают пьянство,
Устами Чаннинга о трезвости поют.
Там люди презируют балаганство
И наш «Свисток» проклятью предают!
Серьезный град! — Туда, туда с тобой
Нам страшно показаться, милый мой!

ПЕРВЫЙ ШАГ В ЕВРОПУ

Как дядю моего, Ивана Ильича,
 Нечаянно сразил удар паралича,
 В его наследственном имении Корсунском,—
 Я памятник ему воздвигнул сгоряча,
 А души заложил в совете опекунском.

Мои домашние, особенно жена,
 Пристали: «жизнь для нас на родине скучна!»
 Кто: «ангел!», кто: «злодей! вези нас за границу!»
 Я крикнул старосту Ивана Кузьмина,
 Именье сдал ему и — укатил в столицу.

В столице, получив немедленно паспорт,
 Я сел на пароход и уронил за борт
 Горячую слезу, невольный дар отчизне...
 «Утешься, — прошептал нас увлекавший черт,—
 Отраду ты найдешь в немецкой дешевизне»,—

И я утешился... И тут уж недолга
 Развязка мрачная: минули мы берега
 Священной родины, минули Свиномюнде,
 Приехали в Берлин — и обрели врага
 В Луизе-Августе-Фернанде-Кунигунде.

Так горничная тварь в гостинице звалась.
 Но я предупредить обязан прежде вас,
 Что Лидия — моя дражайшая супруга —
 Ужасно горяча: как будто родилась
 Под небом Африки; в ней дышат страсти юга!

В отечестве она не знала им узды:
Покорно ей вручив правления бразды,
Я скоро подчинил ей волю и рассудок
(В сочельник крошки в рот не брал я до звезды,
Хоть голоду терпеть не может мой желудок).

И всяк за мною вслед во всем ей потакал,
Противоречием никто не раздражал
Из опасенья слез, трагических истерик...
В гостинице, едва я умываться стал,
Вдруг слышу: Лидия бушует, словно Терек.

Я бросился туда. Вот что случилось с ней...
О ужас! о позор! В небрежности своей
Луиза, Лидию с дороги раздевая,
Царапнула слегка булавкой шею ей,
А Лидия моя, недолго размышляя...

Но что тут говорить? Тут нужны не слова,
Тут громы нужны бы... Недвижна, чуть жива,
Стояла Лидия в какой-то думе новой.
Растрепана коса, поникла голова:
«На натиск пламенный ей был отпор суровый!..»

Слова моей жены: «О друг, Иван Ильич! —
Мне вспомнились тогда:— здесь грубость, мрак и дичь!
Здесь жить я не могу — вези меня в Европу!»
Ах, лучше б, душечка, в деревне девок стричь
Да надирать виски безгласному холопу!

**ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ, ИЛИ
«НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ»**

...О, светские забавы!
Пришлось вам поклониться,
Литературной славы
Решился я добиться.

Недолго думал думу,
Достал два автографа
И вышел не без шума
На путь библиографа,

Шекспировых творений
Составил полный список,
Без важных упущений
И без больших описок.

Всего-то две ошибки
Открыли журналисты,
Как их умы ни гибки,
Как перья ни речисты:

Какую-то Заиру
Позднейшего поэта
Я приписал Шекспиру,
Да пропустил Гамлета.

Посыпались нападки.
Я пробовал сначала
Свалить на опечатки,
Но вышло толку мало.

Тогда я хватъ брошюру!
И тут остался с носом:
На всю литературу
Сочли ее доносом!

Открыли перестрелку,
В своих мансардах сидя,
Попал я в переделку!
Так заяц, пса увидя,

Потерянный метнется
К тому, к другому краю
И разом попадется
Во всю собачью стаю!..

Дней сто не прекращали
Журнальной адской бани
И даже тех ругали,
Кто мало сыпал брани!

Увы! в родную сферу
С стыдом я возвратился;
Испортил я карьеру,
А славы не добился!..

**ИЗ АВТОБИОГРАФИИ
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА
ФЕДОРА ПЛАТОНОВИЧА РУДОМЕТОВА 2-ГО,
УВОЛЕННОГО В ЧИСЛЕ ПРОЧИХ
В 1857 ГОДУ**

«Убил ты, точно, на веку
Сто сорок два медведя,
Но прочитал ли хоть строку
Ты в жизни, милый Федя?»

— О нет! за множеством хлопот,
Разводов и парадов,
По милости игры, охот,
Балов и маскарадов,
Я книги в руки не бирал,
Но близок с просвещеньем:
Я очень долго управлял
Учебным учрежденьем.
В те времена всего важней
Порядок был — до книг ли? —
Мы брили молодых людей
И, как баранов, стригли!
Зато студент не бунтовал,
Хоть был с осанкой хватской,
Тогда закон не разбирали —
Всенный или статский:
Дабы соединить с умом
Проворство и сноровку,
Пофилософствуй, а потом
Иди на маршировку!..

Случилось также мне попасть
В начальники цензуры,
Конечно, не затем, чтоб красть,
Что́ взять с литературы?
А так, порядок водворить...
Довольно было писку;
Умел я разом сократить
Журнальную подписку.
Пятнадцать цензоров сменил
(Всё были либералы),
Лицеям, школам воспретил
Выписывать журналы.
«Не успокоюсь, не поправ
Писателей свирепость!
Узнайте мой ужасный нрав,
И мощь мою — и крепость!» —
Я восклицал. Я их застиг,
Как ураган в пустыне,
И гибли, гибли сотни книг,
Как мухи в керосине!
Мать не встречала прописей
Для дочери-девчонки,
И лопнули в пятнадцать дней
Все книжные лавчонки!..

Потом, когда обширный край
Мне вверили по праву,
Девиз: «Блюди — и усмирай!»
Я оправдал на славу...

ПЕСНЯ ОБ «АРГУСЕ»

Я полагал, с либерального
Есть направленья барыш —
Больше, чем с места квартального.
Что ж оказалось — шиш!
Бог меня свел с нигилистами,
Сами ленятся писать,
Платят всё деньгами чистыми.
Пробовал я убеждать:
«Мне бы хоть десять копеечек
С пренумеранта извлечь:
Ведь даровых-то статей
Много... куда их беречь?
Нужно во всем беспристрастие:
Вы их смешайте, друзья,
Да и берите на счастье...
Верьте, любая статья
Встретит горячих хвалителей,
Каждую будут бранить...»
Тщетно! моих разорителей
Я не успел убедить!
Часто, взбираясь на лесенку,
Где мой редактор живет,
Слышал я грозную песенку,
Вот вам ее перевод:
«Из уваженья к читателю,
Из уваженья к себе,
Нет снисхожденья к издателю —
Гибель, несчастный, тебе!..»

— Но не хочу я погибели!
(Я ему), друг нигилист!
Лучше хотел бы я прибыли.—
Он же пускается в свист.

Выслушав эти нелепости,
Я от него убежал
И по мосткам против крепости
Обыкновенно гулял.
Там я бродил в меланхолии,
Там я любил размышлять,
Что не могу уже более
«Аргуса» я издавать.
Чин мой оставя в забвении
И не щадя седины,
Эти великие гении
Снять с меня рады штаны!
Лучше идти в переписчики,
Чем убиваться в наклад.
Бросишь издание — подписчики
Скажут: дай деньги назад!
Что же мне делать, несчастному?
Благо, хоть совесть чиста:
Либерализму опасному
В сети попал я спроста...
Так по мосткам против крепости
Я в размышление гулял.
Полный нежданной свирепости
Лед на мостки набежал.
С треском они расскочились,
Нас по Неве понесло;
Все пешеходы смутились,
Каждому плохо пришло!
Словно близ дома питейного,
Крики носились кругом.
Смотрим — нет моста Литейного!
Весь разнесло его льдом.
Вот, погоняемый льдинами,
Мчится на нас плашкоут,
Ропот прошел меж мужчинами,
Женщины волосы рвут!
Тут человек либерального
Образа мыслей и тот

Звал на защиту квартального...
Я лишь был хладен, как лед!
Что тут борьба со стихиею,
Если подорван кредит,
Если над собственной выею
Меч дамоклов висит?..
Общее было смятение,
Я же на льдине стоял
И умолял провидение,
Чтоб запретили журнал...
Вышло б судеб покровительство!
Честь бы и деньги я спас,
Но не умеет правительство
Впору быть строгим у нас...
Нет, не оттуда желанное
Мне избавленье пришло —
Чудо свершилось нежданное:
На небе стало светло,
Вижу, на льдине сверкающей...
Вижу, является вдруг
Мертвые души скупающий
Чичиков! — *«Здравствуй, мой друг!*
Ты приищи покупателя!» —
Он прокричал — и исчез!..
Благословляя создателя,
Мокрый, я на берег влез...

Всю эту бурю ужасную
Век сохраню я в душе —
Мысль получивши прекрасную,
Я же теперь в барыше!
Нет рокового издания!
Самая мысль о нем — прочь!..
Поздно, в трактире «Германия»,
В ту же ужасную ночь,
Греясь, сушась, за бутылкою
Сбыл я подписчиков, сбыл,
Сбыл их совсем — с пересылкою,
Сбыл — и барыш получил!..
Словно змеею укушенный,
Впрочем, легок и счастлив,
Я убежал из Конюшенной,
Этот пассаж совершив.

Чудилось мне, что нахальные
Мчатся подписчики вслед,
«Дай нам статьи либеральные! —
Хором кричат, — дармод!»
И ведь какие подписчики!
Их и продать-то не жаль.
Аптекаря, переписчики —
Словом, ужасная шваль!
Знай, что такая компания
Будет (и все в кураже!..),
Не начинал бы издания:
Аристократ я в душе.
Впрочем, средь бабьих передников
И неуклюжих лаптей —
Трое действительных статских советников,
Двое армянских князей!
Публика все чрезвычайная,
Даже чиновников нет.
Охтенка — чтица случайная
(Втёр ей за сливки билет),
Дьякон какой-то, с рассрочкою
(Басом, разбойник, кричит),
Страж департаментский с дочкою —
Всё догоняет, шумит!
С хохотом, с грохотом, гиканьем
Мчатся густою толпой;
Визгами, свистом и шиканьем
Слух надрывается мой.
Верите ль? даже квартальные,
Взявшие даром билет,
«Дай нам статьи либеральные!» —
Хором кричат. Я в ответ:
— Полноте, други любезные,
Либерализм вам не впрок! —
Сам же в ворота железные
Прыг — и защелкнул замок!
Ну! отвязались, ракалии!.. —
Тут я в квартиру нырнул
И, покуливши регалии,
Благополучно заснул.

Жаль мне редактора бедного!
Долго он будет грустить,

Что направления вредного
Негде ему проводить.
Встретились мы: я почтительно
Шляпу ему приподнял,
Он улыбнулся язвительно
И засвистал, засвистал!

* * *

Явно родственны с землей,
В тайном браке с «Вестью»,
Земства модною броней
Прикрываясь с честью,
Снова ловят мужиков
В крепостные сети
Николаевских орлов
Доблестные дети...

ПРИТЧА О «КИСЕЛЕ»

Жил-был за тридевять земель,
В каком-то царстве тридесятом,
И просвещенном, и богатом,
Вельможа, именем — Кисель.
За книгой с детства, кроме скуки,
Он ничего не ощущал,
Китайской грамотой — науки,
Искусство — бреднями считал;
Зато в войне, на поле брани
Подобных не было ему:
Он нес с народов диких дани
Царю — владыке своему.
Сломив рога крамоле внешней
Пожаром, казнями, мечом,
Он действовал еще успешней
В борьбе со внутренним врагом:
Не только чуждые народы,
Свои дрожали перед ним!
Но изменили старцу годы —
Заботы, дальние походы,
Военной славы гром и дым
Израненному мужу в тягость:
Сложил он бранные дела,
И императорская благодать
Гражданский пост ему дала.
Под солнцем севера и юга,
Устав от крови и побед,
Кисель любил в часы досуга
Театр, особенно балет.

Чего же лучше? Свез он чувством,
Он только удручен войной,—
Итак, да правит он искусством,
Вкушая в старости покой!

С обычной стойкостью и рвением
Кисель вступил на новый пост:
Присматривал за поведением,
Гонял говеть актеров в пост.
Высокомерным задал гонку,
Покорных, тихих отличил,
Остриг актеров под гребенку,
Актрисам стричься воспретил;
Стал роли раздавать по чину,
И — как он был благочестив,
То женщине играть мужчину
Не позволял, сообразив,
Что это вовсе неприлично:
— Еще начать бы позволять,
Чтобы роль женщины публично
Мужчина начал исполнять!

Чтобы актеры были гибки,
Он их учил маршировать,
Чтоб знали роли без ошибки,
Затеял экзаменовать;
Иной придет поздненько с пира,
К нему экзаменатор шась,
Разбудит: «Монолог из Лира
Читай!..» Досада — и напасть!

Приехал раз в театр вельможа
И видит: зала вся пуста,
Одна директорская ложа
Его особой занята.
Еще случилось то же дважды, —
И понял наш Кисель тогда,
Что в публике к театру жажды
Не остается и следа.
Сам царь шутя сказал однажды:
«Театр негоден никуда!
В оркестре врут и врут на сцене,
Совсем меня не веселя,

С тех пор, как дал я Мельпомене
И Терпсихоре — *Кисель!*»

Кисель глубоко огорчился,
Удвоил труд — не ел, не спал;
Но, как начальник ни трудился,
Театр ни к черту не годился!
Тогда он истину сознал:
«Справлялся я с военной бурей,
Но мне театр не по плечу,
За красоту балетных гурий
Продать я совесть не хочу!
Мне о душе подумать надо,
И так довольно я грешил!»
(Кисель побаивался ада
И в рай, конечно, норовил.)
Мысль эту изложив круглее,
Передает секретарю:
Дабы переписал крупнее
Для поднесения царю.
Заплакал секретарь; печали
Не мог, бедняга, превозмочь!
Бежит к кассиру: «Мы пропали!»
(Они с кассиром вместе крали) —
И с ним беседует всю ночь.
Наутро в труппе гул раздался,
Что депутация нужна
Просить, чтобы Кисель остался,
Что уж собирается она.
«Да кто ж идет? с какой же стати? —
Кричат строптивые: — Давно
Мы жаждем этой благодати!»
— Тссс! Тссс!.. упроят неравно! —
И все пошло путем известным:
Начнет дурак или подлец,
А вслед за глупым и бесчестным
Пойдет и честный наконец.
Тот говорит: до пенсионера
Мне остается семь недель,
Тот говорит: во время оно
Мою сестру крестил Кисель,
Тот говорит: жена больная,
Тот говорит: семья большая —

Так друг по дружке вся артель,
Благословив сначала небо,
Что он уходит наконец,
Пошла с дарами соли-хлеба
Просить: «Останься, наш отец!..»

Впереди шли вдовицы преклонные,
Прослужившие лета законные,
Седовласые, еле ползущие,
Пенсионом полвека живущие;
Дальше причет трагедии: вестники,
Щитonosцы, тираны, кудесники,
Двадцать шесть благородных отцов,
Девять первых любовников;
Восемьсот театральных чиновников
По три в ряд выступали с боков
С многочисленным штабом:
С сиротами беспечными,
С бедняками увечными,
Прищемленными трапом.
Пели гимн представители пения,
Стройно шествовал кордебалет;
В белых платыхах, с крыльями гения,
Корифейки младенческих лет,
Довершая эффект депутации,
Преклонялись с простертой рукой
И, исполнены женственной грации,
В очи старца глядели с мольбой...

Кто устоит перед слезами
Детей, теряющих отца?
Кисель растрогался мольбами:
«Я ваш, о дети! до конца!
Я полагал, что я ненужен,
Я мнил, что даже вреден я,
Но вами я обезоружен!
Идем же, милые друзья,
Идем до гробового часу
Путем прогресса и добра!..»
Актеры скорчили гримасу,
Но тут же крикнули: ура!
«Противустать возможно ядрам,
Но вашим просьбам — никогда!»

И снова правит он театром
И мечется туда-сюда;
То острижет до кожи труппу,
То космы разрешит носить.
А сам не ест ни щей, ни супу,
Не может вин заморских пить.
В пьесах, ради высших целей,
Вне брака допустил любовь
И капельдинерам с шинелей
Доходы предоставил вновь;
Смирившись, с автором «Гамлета»
Завесть знакомство пожелал,
Но бог британского поэта
К нему откусать не прислал.
Укоротил балету платья,
Мужчиной женщину одел,
Но поздние мероприятия
Не помогли — театр пустел!
Спились таланты при Ликурге,
Им было нечего играть:
Ни в комике, ни в драматурге
Охоты не было писать;
Танцорки, как ни горячились,
Не получали похвалы,—
Они не то, чтобы ленились,
Но вечно были тяжелы.
В партере явно негодуют,
Свет божий Киселю не мил,
Грустит: «Чиновники воруют,
И с труппой справиться нет сил!
Вчера статуя командора
Ни с места! Только мелет вздор —
Мертвецки пьяного актера
В нее поставил режиссер!
Зато случился факт печальный
Назад тому четыре дня:
С фронтона крыши театральной
Ушло три бронзовых коня!»

Кисель до гроба сценой правил,
Сгубил театр — хоть закрывай! —
Свои седины обесславил,
Да не попасть ему и в рай.

Искусство в государстве пало
К великой горести царя,
И только денег прибывало
У молодца-секретаря:
Изрядный капитал составил,
Дом нажил в восемь этажей
И на воротах львов поставил,
Сбежавших перелив коней...

Мораль: хоть крепостные стены
И очень трудно разрушать,
Однако храмом Мельпомены
Трудней без знания управлять.
Есть и другому поученью
Тут место: если хочешь в рай,
Путеводителем к спасенью
Секретаря не избирай.

**Стихотворения, не включенные автором
в собрание его сочинений**

1 8 4 2

ПЕСНЬ МАРИИ

(Из драмы «Материнское благословение»)

В хижину бедную, богом хранимую,
Скоро ль опять возвращусь?
Скоро ли мать расцелую любимую,
С добрым отцом обнимусь?
Бледная, страшная, в грезах являлася
Мать моя часто ко мне,
И горячо я с мечтой обнималася,
Будто с родимой, во сне!..
Сколько, я думаю, к горю привычная,
Мать моя слез пролила...
Если б отсюда, она, горемычная,
Речь мою слышать могла,
Я закричала б ей — пусть не пугается:
«Жизнь для меня не тошна.
Матушка! дочь твоя с горем не знается:
Замуж выходит она!»

ПОРТРЕТЫ

I

Суд современный — грешный суд;
В нем судьи слепы, словно дети;
Он то решает в пять минут,
На что потребно пять столетий!

Людей-гигантов каждый год
У каждой множество эпохи,
А как потомство наведет
Свои правдивые итоги —
Увы! огромная толпа
Редее, чуть не исчезает!..
Судьба на гениев скупа,
Она веками их рождает!..

II

Подчас войдет случайно в моду
Поэт, актер иль музыкант,
Который сам не думал сроду,
Что дал господь ему талант.
Но вот о нем все закричали
И докричались до того,
Что бюст счастливца изваяли,
Великим прозвали его...
А он?.. Он с бюстом чудно сходен:
Он — так же точно, как и бюст, —
Формально никуда не годен,
Ни в чем не грешен, тих и пуст!

III

С кого не пишем мы портретов?..
Богач, без мозга, без души,
Нам задал несколько обедов —
Скорей портрет с него пиши!
Тотчас чудес о нем наскажут,
Опишут жизнь его в два дни
И исторически докажут,
Что он Горацию сродни.
Полна хвалами биография,
Где строчка каждая ложна
И где жена его Агафья
Агатой важно названа...

IV

Иной полвека делал зло:
Труслив, бессовестен, продажен;
Но счастье плуту повезло,
И вдруг он стал спесив и важен.
У всех поклонников своих
На стенках тщательно повешен;
Он на портрете добр и тих,
Как агнец, кроток и безгрешен,
Но разгляди его вполне,
В оригинале — не в картине:
Ему висеть не на стене,
Ему висеть бы на осине!

V

Иной, напротив, щедр и знатен,
Прилично вел себя всегда,
И громких дел и черных пятен
Равно душа его чужда.
Он добр и пуст,— и слава богу!
Ему зевать бы да толстеть.
Но и к нему нашло дорогу
Желанье — в рамке повисеть.
Занятий не берет он в руки,
Чужим умом дела ведет,
А сам от праздности и скуки
Свои портреты издает...

VI

Какой-нибудь писатель странный
Во сне увидит сгоряча,
Что он из тысячи избранный,
И ну писать, писать с плеча!
Почуяв лавры над главою,
Тотчас он тиснул свой портрет

С улыбкой гордою и злою,
«Как Байрон, гордости поэт».
Но байроническою миной
Он никого не удивил...
Он поросенка в коже львиной
Напомнил всем — и насмешил!

VII

В иной актрисе нет приметы
Ума, таланта и души,
Но пишут все с нее портреты
За то, что глазки хороши.
Актер на сцене фарсирует,
А в частной жизни с ним сойдишь —
Облобызает и надует,
А ты ему же подивись!
Вот он: портрет его так важен!
Вообразить не станет сил,
Что и душою он продажен,
Да и способностями хил!

VIII

Суд современный — грешный суд;
В нем судьи слепы, словно дети;
Он то решает в пять минут,
На что потребно пять столетий.
Людей-гигантов каждый год
У каждой множество эпохи,
А как потомство наведет
Свои правдивые итоги —
Увы! огромная толпа
Редает, чуть не исчезает!
Судьба на гениев скупа,
Она веками их рождает!..

И СКУЧНО, И ГРУСТНО!

И скучно, и грустно, и некого в карты надуть
 В минуту карманной невзгоды...
 Жена?.. но что пользы жену обмануть?
 Ведь ей же отдашь на расходы!
 Засядешь с друзьями, но счастья нет и следа —
 И черви, и пики, и все так ничтожно.
 Ремизиться вечно не стоит труда,
 Наверно играть невозможно...
 Крепиться?.. Но рано иль поздно обрежешься вдруг,
 Забыв увещанья рассудка...
 И карты, как взглянешь с холодным вниманьем вокруг, —
 Такая пустая и глупая шутка!..

СТАРУШКЕ

Когда еще твой локон длинный
 Вился над розовой щекой
 И я был юноша невинный,
 Чистосердечный и пустой, —
 Ты помнишь: кой о чем мечтали
 С тобою мы по вечерам
 И волю полную давали
 Души рассказчикам — глазам.
 И много высказалось взором
 Желаний тайных, тайных дум;
 Но победил моральным вздором
 В нас сердце искаженный ум.
 И разошлись мы полюбовно,
 И страсть рассеялась, как дым...
 И чрез полжизни хладнокровно
 Опять сошлись мы — и храним
 Молчанье тягостное...

Так-то!

Когда б к избытку сил молодых
Побольше разума и такта —
Не так бы вял и горько-тих
Был час случайной поздней встречи,
Не так бы сжала нас печаль,
Иной тоской звучали б речи,
Иначе было б жизни жаль...

* * *

— Так, служба! сам ты в той войне
Дрался — тебе и книги в руки,
Да дай сказать словцо и мне:
Мы сами делывали штуки.

— Как затесался к нам француз,
Да увидал, что проку мало,
Пришел он, помнишь ты, в конфуз
И на попятный тотчас драло:
Поймали мы одну семью,
Отца да мать с тремя щенками.
Тотчас ухлопали мусью,
Не из фузеи — кулаками!
Жена давай вопить, стонать,
Рвет волоса,— глядим да тужим!
Жаль стало: топорischem хвать —
И протянулась рядом с мужем!
Глядь: дети! Нет на них лица,
Ломают руки, воют, скачут,
Лепечут — не поймешь словца —
И в голос, бедненькие, плачут.
Слеза прошибла нас, ей-ей!
Как быть? Мы долго толковали,
Пришибли бедных поскорей,
Да вместе всех и закопали...

— Так вот что, служба! верь же мне:
Мы не сидели сложа руки,
И хоть не бились на войне,
А сами делывали штуки!

* * *

Когда горит в твоей крови
Огонь действительной любви,
Когда ты сознаешь глубоко
Свои разумные права,
Верь: не убьет тебя молва
Своею клеветой жестокой!

Постыдных, ненавистных уз
Отринь насильственное бремя
И заключи — пока есть время —
Свободный, по сердцу союз!

Но если страсть твоя слаба
И убеждение не глубоко —
Будь мужу вечная раба,
Не то — расквешься жестоко.

СТАРИКИ

Неизбежные напасти,
Бремя лет, трудов и зла
Унесли из нашей страсти
Много свету и тепла.

Сердце — времени послушно —
Бьется ровной чередой,
Расстаемся равнодушно,
Не торопимся домой.

Что таиться друг от друга?
Поседел я — видишь ты;
И в тебе, моя подруга,
Нету прежней красоты.

Что ж осталось в жизни нашей?
Ты молчишь... печальна ты...
Не случилось ли с Парашей —
Сохрани господь — беды?

1 8 5 4

* * *

Пробил час!.. Не скажу, чтоб с охотой
В мир вступал я моею чредою...
Что́ голов, убеленных заботой!
Сколько лиц, омраченных тоскою!
Благородным проникнуты гневом,
Пусть бы старцы глядели серьезно..
Но пристало ли юношам, девам
Сокрушаться и хмуриться грозно?..
Слышу всюду один я вопрос:
«Новый год! что ты миру принес?..»

Всколыхнется ли бурей полсвета,
Тишина ль процветет над землею —
Все поглотит бездонная Лета,
Все законной пройдет чредою,
Настоящее станет прошедшим.
Но сойду ли я в темное царство,
Как предшественник мой, сумасшедшим,
Окровавленным, полным коварства,
Или буду умней и светлей —
Эта тайна в деснице моей!

Все на свете старо, как могила,
Все уж было и будет всегда:
Ум и глупость, бессилье и сила,
Зависть, гнев, клевета и вражда;
Но навек благородно и ново,
Никому надоесть не умело —
Вдохновенное, светлое слово
И великое, честное дело...
Слов таких, а особенно дел
Я побольше бы видеть хотел!..

КАРЕТА

О филантропы русские! Бог с вами!
Вы непритворно любите народ,
А ездите с огромными гвоздями,
Чтобы впотьмах усталый пешеход
Или шалун мальчишка, кто случится,
Вскочивши на запятки, заплатил
Увечьем за желанье прокатиться
За вашим экипажем...

* * *

Зачем насмешливо ревнуешь,
Зачем, быть может, негодуешь,
Что Музу темную мою
Я прославляю и пою?

Не знаю я тесней союза,
Сходней желаний и страстей —
С тобой, моя вторая Муза,
У Музы юности моей!

Ты ей родная с колыбели...
Не так же ль в юные лета
И над тобою тяготели
Забота, скорбь и нищета?

Ты под своим родимым кровом
Врагов озлобленных нашла
И в отчуждении суровом
Печально детство провела.

Ты в жизнь невесело вступила...
Ценой страданья и борьбы,
Ценой кровавых слез купила
Ты каждый шаг свой у судьбы.

Ты много вынесла гонений,
Суровых бурь, враждебных встреч,
Чтобы святыню убеждений,
Свободу сердца уберечь.

Но, устояв душою твердой,
Несокрушимая в борьбе,
Нашла ты в ненависти гордой
Опору прочную себе.

Ты так встречаешь испытанья,
Так презираешь ты людей,
Как будто люди и страданья
Слабее гордости твоей.

И говорят: ценою чувства,
Ценой душевной теплоты —
Презренья страшное искусство
И гордый смех купила ты.

Нет, грудь твоя полна участия!..
Когда порой снимаешь ты
Личину гордого бесстрастья
Неумолимой красоты,

Когда скорбишь, когда рыдаешь
В величье слабости твоей —
Я знаю, как ты проклинаешь,
Как ненавидишь ты людей!

В груди, трепещущей любовью,
Вражда бесплодно говорит,
И сердце, обливаясь кровью,
Чужою скорбию болит,—

Не дикий гнев, не жажда мщенья
В душе скорбящей разлита —
Святое слово всепрощенья
Лепечут слабые уста.

Так, помню, истощив напрасно
Все буйство скорби и страстей,
Смирясь кротко и прекрасно
Вдруг Муза юности моей:

Слезой увлажнены ланиты,
Глаза поникнуты к земле,
И свежим тернием увитый
Венец страданья на челе...

14 ИЮНЯ 1854 ГОДА

Великих зрелищ, мировых судеб
Поставлены мы зрителями ныне:
Исконные, кровавые враги,
Соединясь, идут против России;
Пожар войны полмира обхватил,
И заревом зловещим осветились
Деяния держав миролюбивых...
Обращены в позорище вражды
Моря и суша... Медленно и глухо
К нам двинулись громады кораблей,
Хвастливо предрекая нашу гибель,
И наконец приблизились — стоят
Пред укрепленной русскою твердыней...
И ныне в урне роковой лежат
Два жребия... и наступает время,
Когда решитель мира и войны
Исторгнет их всесильною рукой
И свету потрясенному покажет.

1855

РУССКОМУ ПИСАТЕЛЮ

Напрасно быть толпе угодней
Ты хочешь, поблажая ей,—
Твое призванье благородней,
Писатель родины моей!

Ее ты знаешь: не угодник
Полезен ей. Пришла пора!
Ей нужен труженик-работник
На почве Мысли и Добра.

Служи не славе, не искусству,—
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей любви.

И если ты богат дарами,
Их выставлать не хлопочи:
В твоём труде заблещут сами
Их животворные лучи.

Взгляни: в осколки твердый камень
Убогий труженик дробит,
А из-под молота летит
И брызжет сам собою пламень...

П И С Ь М А

Плачь, горько плачь! Их не напишешь вновь,
Хоть написать, смеясь, ты обещала...
Они навек погибли, как любовь,
Которая их сердцу диктовала.
Хранились в них души твоей черты,
Корыстному волненью непричастной,
Поэзии роскошные цветы —
Благоуханье молодости ясной!
И пусть бы жизнь их ложью назвала —
Она давно в них веру колебала,—
Нет! та рука со злобой их сожгла,
Которая с любовью их писала!
Грядущее опоры лишено,
Прошедшее поругано жестоко,

1 8 5 6

П Р О Щ А Н Ь Е

Мы разошлись на полпути,
Мы разлучились до разлуки
И думали: не будет муки
В последнем роковом прости,
Но даже плакать нету силы.

Пиши — прошу я одного...
Мне эти письма будут милы
И святы, как цветы с могилы —
С могилы сердца моего!

* * *

Ты меня отослала далеко
От себя,— говорила мне ты,
Что я буду спокоен глубоко,
Убежав городской суеты.

Это, друг мой, пустая химера —
И как поздно я понял ее!
Друг, во мне поколеблена вера
В благородное сердце твое.

* * *

Не знаю, как созданы люди другие,—
Мне любви и дороги блага земные.

Я милую землю, я солнце люблю,
Желаю, надеюсь, страстями киплю,

И жаден мой слух, и мой глаз любопытен,
И весь я в желаньях моих ненасытен...

.
.

Зачем же я вечно тоскую и плачу
И сердце на горе бесплодное трачу?

Зачем не иду по дороге большой
За благами жизни, за пестрой толпой?..

* * *

Не гордись, что в цветущие лета,
В пору лучшей своей красоты,
Обольщения модного света
И оковы откинула ты,—

Что, лишь наглостью жалкой богаты,
В то кипучее время страстей
Не добились бездушные фаты
Даже доброй улыбки твоей,

В этом больше судьба виновата,
Чем твоя неприступность, поверь,
И на шею повеситься рада
Ты <нрзб> будешь теперь.

* * *

Семьдесят лет бессознательно жил
Чернский помещик Бобров Гавриил.
Был он не то чтоб жесток и злонаравен,
Только с железом по твердости равен.

* * *

Кто долго так способен был
Прощать, не понимать, не видеть,
Тот, верно, глубоко любил,
Но глубже будет ненавидеть...

* * *

Фантазии недремлющей моей
И опыта мучительного дети,
Вы — планы тысячи поэм и повестей —
Вы нерожденные должны поги <бнуть> в Лете.

* * *

И на меня, угрюмого, больного,
Их добрые почтительные лица
Глядят с таким глубоким сожаленьем,
Что совестно становится. Ничем
Я их любви не заслужил.

* * *

О, пошлость и рутина — два гиганта;
Единственно бессмертные на свете,
Которые одолевают всё —
И молодости честные порывы,
И опыта обдуманый расчет,
Насмешливо и нагло выжидая,
Когда придет их время. И оно
Приходит непременно.

* * *

О сердце бедное мое!
Боюсь: ты скоро изнеможешь...
Простить не можешь ты ее...
Зачем же не любить не можешь!..

* * *

Еще скончался честный человек.
А отчего? Бог ведает единый!
В наш роковой и благородный век
Для смерти более одной причиной:
Не от одних завалов и простуд
И на Руси теперь уж люди мрут...
Понятна нам трагическая повесть
Свершившего злодейство: если он
Умрет, недугом тайным поражен,—
Мы говорим: его убила совесть...
Но нас не поражает человек,

На дело благородное рожденный
И грустно проводящий темный век
В бездействии, в работе принужденной
Или в разгуле жалком; кто желал
Служить Добру, кто сам себя ломал,
Готовый на немногом помириться,
Но присмирел и руки опустил,
В сознании своих напрасных сил —
Успев, как говорят, перебеситься!
Не понимаем мы глубоких мук,
Которыми болит душа иная,
Внимая в жизни вечно-ложный звук
И в праздности невольной изнывая.
Нам юноша, стремящийся к добру,
Смешон восторженностью странной,
А зрелый муж, поверженный в хандру,
Смешон — тоскою постоянной,
Покорствуя решению судьбы,
Не ищет он обидных сожалений,
И мы не видим внутренней борьбы,
Ни слез его, ни тайных угрызений,
И ежели сразит его судьба,
Нам смерть его покажется случайной.
И никому не интересной тайной
Останется сокрытая борьба,
Убившая страдальца...

1 8 5 7

<ИЗ ПОЭМЫ «ТИШИНА»>

IV

Но Русь цела, но Русь тверда,
Над нею солнце мира блещет...
О Русь! ты такова всегда:
Как сильно буря ни тревожит
Вершины вековых деревьев,
Она ни долу не положит,
Ни даже раскачать не может

До корня заповедный лес.
Не угадать, что знаменует
Твоя немая тишина,
Но сердце вещее ликует
И умиляется до дна...

Под небом неродным блуждая,
Но к северу стремясь душой,
Любил я, сторона родная,
Вообразать тебя такой:
Тиха, как сонная, наружно —
Внутри жива и горяча,
Неутомимо, бодро, дружно
Ты вся работаешь сплеча —
К добру разумное стремленье
Животворит твоих детей;
В права вступает просвещение,
Уходит мрак... кругом светлей,
И быстро царство молодое
Шагает по пути добра,
Как в дни Великого Петра...
Да сбудется!..

Погибни злое!

Пускай не устает сиять
Нам солнце правды повсеместно,
Пусть на работающих честно
Нисходит божья благодать!
Да будет труд их спор и строен,
Да телом здрав, душой покоен
Его до цели доведет
И пахарь, и поэт, и воин,
И мореплаватель, и тот
Заступник и глава народный,
Пред коим частные труды —
Как мелководные пруды
Перед Невою многоводной...

* * *

Всевышней волею Зевеса
Вдруг пробудившись ото сна,
Как быстро по пути прогресса
Шагает русская страна:

В печати уж давно не странность
Слова «прогресс» и «либерал»,
И слово дикое — «гуманность»
Уж повторяет генерал.

То мало: вышел из-под пресса
Уж третий томик Щедрина...
Как быстро по пути прогресса
Шагает русская страна!

На грамотность не без искусства
Накинулся почтенный Даль —
И обнаружил много чувства,
И благородство, и мораль.

По благородству, не из видов,
Статейку тиснул в пол-листа
Какой-то господин Давыдов
О пользе плети и кнута...

Убавленный процентик банка,
Весьма пониженный тариф,
Статейки господина Бланка —
Всё это были, а не миф.

1 8 6 0

ФИНАНСОВЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

Голос из провинции

Денег нет — перед деньгами.
(Народная пословица)

Между тем, как в глуши
В преферанс на гроши
Мы палим, беззаботно ремизясь,

Из столиц каждый час
Весть доходит до нас
Про какой-то неведомый кризис.

Эх! вольно ж, господа,
Вам туда и сюда
 Необдуманно деньги транжирить.

Надо жить поскромней,
Коли нет ни рублей,
 Ни уменья доходы расширить.

А то роскошь у вас,
Говорят, завелась,
 Непонятная даже рассудку.

Не играйте, молю,
В ералаш по рублю,
 Это первое: вредно желудку.

Во-вторых, но — увы!..
Рассердились уж вы:
 «Ты советовать нам начинаешь?»

Что ж? я буду молчать.
Но ведь так продолжать —
 Так, пожалуй, своих не узнаешь!

Каждый графом живет:
Дай квартиру в пятьсот,
 Дай камин и от Тура кушетку.

Одевает жену
Так, что только — ну-ну!
 И публично содержит лоретку!

Сам же чуть не банкрот...
Что ж мудреного тут,
 Если вы и совсем разоритесь?

Вам Прутков говорит:
«Мудрый в корень глядит»,
 Так смотрите на нас — и учитесь!

Ведь у нас в городах,
Ведь у нас в деревнях
 Деньги были всегда не обильны.

А о кризисе дум
Не впадало на ум —
Сохранял, сохраняет всеильный!

Целый год наш уезд
Все готовое ест:
Натащат, навезут мужичонки.

На наряды жене
Да на выпивку мне
Только вот бы и нужны деньжонки.

Что ж? добуду кой-как...
А что беден бедняк,
Так ведь был не богаче и прежде.

Что поднимет мужик
Среди улицы крик,
Непростительный даже в невежде:

«Я-де сено привез
Да и отдал весь воз
За размен трехрублевой бумажки!

Лишь бы соли достать,
А то стал я хворать
И цинга появилась у Глашки»,—

Так за эту бы речь
Мужичонку посечь,
Да с такой бы еще прибауткой:

«Было что разменять,
А ты смел рассуждать —
Важный барин, с своею Глашуткой!»

Ну и дело с концом...
Больше, меньше рублем —
Велика ли потеря на лаже?

А для тех, у кого
Вовсе нет ничего,
Так совсем нечувствительно даже...

У<глич>кий старожил.

МЫСЛИ ЖУРНАЛИСТА
ПРИ ЧТЕНИИ ПРОГРАММЫ, ОБЕЩАЮЩЕЙ НЕ ШАДНУТЬ
ЛИТЕРАТУРНЫХ АВТОРИТЕТОВ

Что ты задумал, несчастный?
Что ты дерзнул обещать?..
Помысел самый опасный —
Авторитеты карать!

В доброе старое время,
Время эклог и баллад,
Пишущей братии племя
Было скромнее стократ.

С неостывающим жаром
С детства до старости лет
На альманачника даром
Пишет, бывало, поэт;

Скромен, как майская роза,
Он не гнался за грошом.
Самая лучшая проза
Тоже была ничем.

Руки дыханием грея,
Труженик пел соловьем,
А журналист, богатея,
Строил — то дачу, то дом.

Нынче — ужасное время —
Нет и в поэтах души!
Пишущей братии племя
Стало собирать барыши.

Всякий живет сибаритом...
Майков, Полонский и Фет —
Подступу к этим пиитам,
Что называется, нет!

Дорог ужасно Тургенев —
Публики первый герой,—
Эта Елена, Берсенов,
Этот Инсаров... ой-ой!

Выгрузишь разом карманы
И поправляйся потом!
На Гончарова романы
Можно бы выстроить дом.

Даже ученый историк
Деньги лопатой гребет:
Корень учения горек,
Так подавай ему плод!

Русский обычай издревле
«Брать — так уж брать» говорит...
Вот Молинару дешевле,
Но чересчур плодovit!

Мало что денег — почету
Требовать стали теперь;
Если поправишь работу,
Рассвирепеет, как зверь!

«Я журналисту полезен —
Так зазнаваться не смей!»
Будь осторожен, любезен,
Льсти, унижайся, немей.

Я ли — о боже мой, боже! —
Им угождать не устал?
А как повел себя строже,
Так совершенно пропал.

Гордость их так нестерпима,
Что ни строки не дают,
И, как татары из Крыма,
Вон из журнала бегут...

ПАПАША

Я давно замечал этот серенький дом,
В нем живут две почтенные дамы,
Тишина в нем глубокая днем,
Сторы спущены, заперты рамы.
А вечерней порой иногда

Здесь движенъе веселое слышно:
Приезжают сюда господа
И девицы, одетые пышно.
Вот и нынче карета стоит,
В ней какой-то мужчина сидит;
Свищет он, поджидая кого-то,
Да на окна глядит иногда.
Наконец, отворились ворота
И, нарядна, мила, молода,
Вышла женщина...

«Здравствуй, Наташа!
Я уж думал — не будет конца!»
— Вот тебе деньги, папаша! —
Девушка села, целует отца.
Дверцы захлопнулись, скрылась карета,
И постепенно затих ее шум.
«Вот тебе деньги!» Я думал: что ж это?
Дикая мысль поразила мой ум.
Мысль эта сердце мучительно сжала.
Прочь, ненавистная, прочь!
Что же, однако, меня испугало?
Мать, продающая дочь,
Не ужасает нас... так почему же?..
Нет, не поверю я?.. изверг, злодей!
Хуже убийства, предательства хуже..
Хуже-то хуже, да легче, верней,
Да и понятней. В наш век утонченный
Изверги водятся только в лесах.
Это не изверг, а фат современный —
Фат устарелый, без места, в долгах.
Что ж ему делать? Другого закона,
Кроме дендизма, он в жизни не знал,
Жил человеком хорошего тона
И умереть им желал.
Поздно привык он ложиться,
Поздно привык он вставать,
Кушая кофе, помадиться, бриться,
Ногти точить и усы завивать;
Час или два перед тонким обедом
Невский проспект шлифовать.
Смолоду был он лихим сердцеедом:
Долго ли денег достать?

С шиком оделся, приставил лорнетку
К левому глазу, прищурил другой,
Мигом пленил пожилую кокетку
И полилось ему счастье рекой.
Сладки трофеи нетрудной победы —
Кровные лошади, повар француз...
Боже! какие давал он обеды —
Роскошь, изящество, вкус!
Подлая сволочь глотала их жадно.
Подлая сволочь?.. о нет!
Все, что богато, чиновно, парадно,
Кушало с чувством и с толком обед.
Мы за здоровье хозяина пили,
Мы целовались с ним...
Правда, что слухи до нас доходили...
Что нам до слухов — и верить ли им?
Старый газетчик, в порыве усердия,
Так отзывался о нем:
«Друг справедливости! жрец милосердия!»
То вдруг обляял потом, —
Верь, чему хочешь! Мы в нем не заметили
Подлости явной: в игре он платил.
Муза! воспой же его добродетели!
Вспомни, он набожен был;
Вспомни, он руку свою тороватую
Вечно раскрытой держал.
Даже Жуковскому что-то на статую
По доброте своей дал!

Счастье, однако, на свете непрочно —
Хуже да хуже с годами дела.
Сил ему много отпущено, точно,
Да красота изменять начала.
Он уж купил три таинственных банки:
Это — для губ, для лица и бровей,
Учетверил благородство осанки
И величавость походки своей;
Ходит по Невскому с палкой, с лорнетом
Сорокалетний герой.
Ходит зимою, весною и летом,
Ходит и думает: «Черт же с тобой,
Город проклятый! Я строен, как тополь,
Счастье найду по другим городам!» —

И, рассердясь, покидает Петрополь...

Может быть, ведомо вам,
Что за границей местами есть воды,
Где собирается множество дам —
Милых поклонниц свободы,
Дам и отчасти девиц,
Ежели дам, то в замужестве несчастных;
Разного возраста лиц,
Но одинаково страстных,—

Словом, таких, у которых талант
Жалкою славой прославиться в свете

И за которых Жорж Санд
Перед мыслителем русским в ответе.
Что привлекает их в город такой,

Славный не столько водами,
Сколько азартной игрой
И... но вы знаете сами...

Трудно решить. Говорят,
Годы терпенья и плена,
Тяжких обид и досад

Вдруг выкупает измена;

Ежели так, то целительность вод
Не подлежит никакому сомнению.

Бурно их жизнь там идет,
Вся отдана наслажденью,
Оригинален наряд,—

Дома одеты, а в люди
Полураздеться спешат:

Голые спины и голые груди!

(Впрочем, не к каждой из дам

Эти идут укоризны:

Так, например, только лечатся там
Скромные дочери нашей отчизны...)

Наш благородный герой
Там свои сети раскинул,
Там он блистал еще годик-другой,
Но и оттудова сгинул.
Лет через восемь потом
Он воротился в Петрополь.
Все еще строен, как тополь,
Но уже несколько хром,
То есть не хром, а немножко

Стала шалить его левая ножка —
Вовсе не гнулась! Шагал
Ею он словно поленом,
То вдруг внезапно болтал
В воздухе правым коленом.
Белый платочек в руке,
Грусть на челе горделивом,
Волосы с бурым отливом —
И ни кровинки в щеке!

Плохо!..

А вкусы так пошлы и грубы,
Дай им красавчика, кровь с молоком...
Волк, у которого выпали зубы,
Бешено взвыл; огляделся кругом
Да и решился... Трудами питаться

Нет ни уменья, ни сил,
В бедности гнусной открыто признаться
Перед друзьями, которых кормил,
И удалиться с роскошного пира —

Нет! добровольно герой
Санктпетербургского модного мира
Не достигает развязки такой.
Молод — так дело женитьбой поправит,
Стар — так игорный притон заведет,

Вексель фальшивый составит,
В легкую службу пойдет...
Славная служба! Наш старый красавец
Чуть не пошел было этой тропой,
Да не годился... Вот этот мерзавец!
Под руку с дочерью! Весь завитой,
Кольца, лорнетка, цепочка вдоль груди...
Плюньте в лицо ему, честные люди! —

Или уйдите хоть прочь!
Легче простить за поджог, за покражу —

Это отец, развращающий дочь
И выводящий ее на продажу!..
«Знаем мы, знаем — да дела нам нет,
Очень горяч ты, любезный поэт!»

Музыка вроде шарманки
Однообразно гудит,
Сонно поют испитые цыганки,
Глупый цыган каблуками стучит.

Около русой Наташи
Пять молодых усачей
Пьют за здоровье папаш.
Кажется, весело ей:
Смотрит спокойно, наивно смеется.
Пусть же смеется всегда!
Пусть никогда не проснется!
Если ж проснется, что будет тогда?
Нож ли ухватит, застонет ли тяжко
И упадет без дыханья, бедняжка,
Сломлена ужасом, горем, стыдом?
Кто ее знает! Не дай только боже
Быть никому в ее коже,—
Звать обнищалого фата отцом!

1 8 6 3

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО «СВИСТКА» К ЧИТАТЕЛЯМ

В те дни, когда в литературе
Порядки новые пошли,
Когда с вопросом о цензуре
Начальство село на мели,
Когда намеком да украдкой
Касаться дела мудрено,
Когда серьезно загадкой
Все занято, поглощено,
Испугано, — а в журналистах
Последний помрачает ум
Какой-то спор о нигилистах,
Глупейший и бесплодный шум;
Когда при помощи Пановских
Догадливый антрепренер
И вождь «Ведомостей московских»,
Почуяв время и простор,
Катков, прославленный вития,
Один с Москвою речь ведет,

Что предпринять должна Россия,
 И гимн безмолвию поет; ¹
 Когда в затмении рассудка
 Юркевич лист бумаги мял
 И о намереньях желудка
 Публично лекцию читал;
 Когда наклонностей военных
 Дух прививается ко всем,
 Когда мы видим избиенных
 Посредников; — когда совсем
 Нейдут Краевского изданья,
 И над Громекиной главой
 Летаёт бомба отрицанья,
 Как повествует сей герой; ²
 Когда сыны обширной Руси
 Вкусили волю на яву,
 И всплакал Фет, как топчут гуси
 В его владениях траву; ³
 Когда ругнул Иван Аксаков
 Всех, кто в Европу укатил,
 И, негодуя против фраков,
 Самих попов не пощадил; ⁴
 Когда, покончив подвиг трудный,
 Внезапно Павлов замолчал,
 А Амплий Очкин кунштик чудный
 С газетой «Очерки» удрал; ⁵

¹ Они собраний не имеют,
 Они речей не говорят.
 Они в невежестве коснеют,
 Но духом высоко парят и т. д.

(См. «Моск. ведом.», № 68, «Москва,
 27 марта».) (Прим. Н. А. Некрасова.)

² См. «Отеч. зап.», № 3, 1863, «Соврем. Хрон. России», стр. 9.

³ См. «Русский вестник», № 1, 1863, «Из деревни».

⁴ Двести семьдесят пять тысяч
 Русского дворянства
 Проживают за границей
 Из пустого чванства,
 Восхищаются Парижем,
 Тратят деньги на свободе;
 Там и наше духовенство
 Одевается по моде... и т. д.

См. «День» <№ 12, 1863>, «Из Парижа». (Письмо в редакцию.)

⁵ Обстоятельства ужасные
 Вынуждают нас продать

Когда, подкошена как колос,
Она исчезла навсегда;
В те дни, когда явился «Голос»,
И прекратилась «Ерунда», —

Тогда в невинности сердечной
Любимый некогда поэт,
Своей походкою беспечной
«Свисток» опять вступает в свет...
Как изменилось все, создатель!
Как редок лиц любимых ряд!
Скажи: доволен ты, читатель?
Знакомству старому ты рад?
Или изгладила «Заноза»
Все, чем «Свисток» тебя пленял,
И как увянувшая роза
Он для тебя ненужен стал?
Меняет время человека:
Быть может, пасмурный Катков,
Быть может, пламенный Громека
Теперь милей тебе свистков?
Возненавидев нигилистов,
Конечно, полюбить ты мог
Сих благородных публицистов
Возвышенный и смелый слог, —
Когда такое вероломство
Ты учинил — я не ропщу,
Но ради старого знакомства
Все ж говорить с тобой хочу.
«Узнай по крайней мере звуки,
Бывало милые тебе,
И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе»¹
Ты был моей мечтой любимой,

Наши «Очерки» несчастные
Писаревскому... Читать
Будешь «Слово современное»
Ты теперь, подписчик мой,
Верь, издание отменное,
И будь счастлив — бог с тобой!
«Ред. Оч.» («Соврем. слово», № 80). (Прим. Н. А. Некрасова.)

¹ Стихи Пушкина. (Прим. Н. А. Некрасова.)

И если слышал ты порой
Хоть легкий свист, то знай: незримый
Тогда витал я над тобой!..

Свисток пред публику выходит.
Высокомерья не любя,
Он робко взор кругом обводит
И никого вокруг себя
Себя смиренней на находит! ¹
Да, изменились времена!
Друг человечества бледнеет,
Вражда повсюду семена
Неистовства и злобы сеет.
Газеты чуждые шумят...
(О вы, исчадь вольной прессы!..)
Черт их поймет, чего хотят,
Чего волнуются, как бесы!
Средь напряженной тишины
Катков гремит с азартом, с чувством,
Он жаждет славы и войны ²
И вовсе пренебрег искусством,
Оно унижено враждой;
В пренебрежении науки;
На брата брат подымлет руки
И лезет мост на мост горой ³, —
Ужасный вид!.. В сей час тяжелый
Являясь в публику, «Свисток»
Желает мирной и веселой
Развязки бедствий и тревог;
Чтобы в сумятице великой
Напрасно не томился ум...

И сбудется... Умолкнет шум
Вражды отчаянной и дикой.
Недружелюбный разговор
Покончит публицист московский,
И вновь начнут свой прежний спор
Гиероглифов и Стелловский;

¹ Из Пушкина. (Прим. Н. А. Некрасова.)

² Стих Лермонтова. (Прим. Н. А. Некрасова.)

³ См. «Полицейские ведомости». (Прим. Н. А. Некрасова.)

Мир принесет искусствам дань,
Престанут радоваться бесы,
Уймется внутренняя брань,
И смолкнет шум заморской прессы.
Да, да! Скорее умолкай, —
Не достигай пределов невских
И гимны братьев Достоевских
Самим себе не заглушай! ¹

МОЕ ЖЕЛАНИЕ

(Романс господина, обиженного литературой)

О, как желал бы я служить
Начальником цензуры!
Конечно, не затем, чтоб быть
Бичом литературы,

А так — порядок водворить.
Вот тут-то было б писку!
Пришлось бы многим прекратить
Журнальную подписку.

Я б их как ураган застиг
В открытом чистом поле,
Совсем бы не являлось книг
По месяцу и боле!

И я воскликнул бы, поправ
Их наглую свирепость:
«Узнайте мой ужасный нрав
И мощь мою, и — крепость!»

Мать не нашла бы прописей
Для дочери-девчонки,
И лопнули бы в десять дней
Все книжные лавчонки!..

¹ См. «Время», № 3, ст. «Опять молодое перо». (Прим. Н. А. Некрасова)

ЭПИЛОГ ПОЭМЫ «МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС»

Задумав правдивую повесть
Без всяких эффектных затей,
Я взять не решаюсь на совесть
Погибель крестьянки моей,

Она не погибла. — Лукавый
Хотел погубить, да не мог.
Служивший семейству со славой
Савраска — и тут ей помог:

Покамест тот сон чудотворный
Над бедной вдовицей витал,
Савраску Морозко проворный
За длинные уши щипал.

С соседнего дерева бросил
Горсть инею в очи коню
И хвост уж ему приморозил
К какому-то старому пню.

Савраска стоял терпеливо,
Лишь вздрагивал сильно порой
Да яму копал молчаливо
Ногами, то той, то другой.

Но стало стоять ему скучно.
Савраска ушами потрянул
И трижды раскатисто, звучно
Заржал — и дровнишки рванул!

Коснулось знакомое ржанье
До слуха крестьянки моей,
И быстро проснулось сознание...
Глядит: ни коня, ни дровней!

«Пррррууу!.. дура!..» Испуг чрезвычайный
Проворство ногам воротил,
Бежит по дороге случайной,
Что конь, убежав, проложил.

Настигла — дрова подобрала
(Порядком нагрелась меж тем)
И скоро детей увидала,
И печь затопила, — и всем

Сварила похлебки и каши,
Всю выскребла избу свою,
Искала в головке у Маши
И пела ей: «баю-баю!»

И тайной навеки осталось,
Что делала в роще она,
Лишь Дарьюшка после боялась
В лесу оставаться одна,

Да долго румянец багровый
Вдове позабыть не давал,
Как жарко Морозко суровый
Ее под сосной целовал...

1 8 6 5

<ЧЕРНИЛЬНИЦА>

*...Две недели тому в магазине фабриканта серебряных изделий
Сазикова можно было видеть —*

Предмет, любопытный для взора:
Огромный кусок лабрадора,
На нем богатырь-великан
В славянской кольчуге и в шлеме,
Потомок могучих славян,—
Но дело не в шлеме, а в теме:
Назначен сей муж представлять
Отчизны судьбы вековые
И знамя во длани держать
С девизом «Единство России!»
Под ним дорогой пьедестал,
На нем: земледельца родного
Орудья, и тут же газета, журнал —

Изданья Михайлы Каткова.
На книгах — идей океан —
Чернильница; надпись: «Каткову
Подарок московских дворян»;
И точка! Мудрейшему слову
Блестать на *пере* суждено,—
Там имя Каткову дано:
«Макающий в разум перо» — имя это
У древнего взято поэта...

⟨ИЗ САТИРЫ «НЕДАВНЕЕ ВРЕМЯ»⟩

Муза! ты отступаешь от плана!
Общий очерк затеяли мы,
Так не тронь уж пока ни Ивана,
Ни Андрея, ни Льва, ни Кузьмы!
Дорисуй впечатление — и мирно
Удались, не задев единиц!..

Да, собрание это обширно!
Здесь немало типических лиц.
Может быть, благодарнее темы
Никогда не придумаешь ты:
Что ни шаг — то предмет для поэмы —
Характерны и резки черты:
В молодом поколении фатство,
В пожилом, если правду сказать,—
Застарелой тоски тунеядства,
Самодурства и лени печать...
Тот помешан на тонком приличье,
Тот играет, тот любит поесть.
Но взглядишь: при наружном различье
Здесь единство глубокое есть —
Здесь безденежье всех уравнило,
И великих и малых людей,
И на каждом челе начертало
Надпись: «Где бы занять поскорей!»
Разорило чиновников чванство,
Прожила за границею знать.
Отчего оголело дворянство,
Бесполезно и речь затевать.

Все, что было,— у каждого сплыло,
И остался в наличности *ишии*.
Даже ты, откупное светило,
За грошовым пикетом кряхтишь.
Кабаками нажившись досыта,
Ты обширных земель накупил,
Для которых покуда нет сбыта,
Капитал твой не то что бы сплыл;
Но уж он не в руках, а в «тумане».
Занятые рублишки в кармане,
И партнер твой угрюм, как тюрьма,—
Господин с иудейским акцентом:
Понижается полупроцентом
Каждый месяц цена на дома.
У! Как мрачно глазами он водит.
Не о том ли печалишься, друг,
Что народ понемногу уходит
Из твоих всехватающих рук?
Погоди — мы вина накурили,
Но покуда его мы не сбыли,
Дело грязное — надо бросать!
Продадим как-нибудь свою водку,
И опять ты начнешь прижигать
Купоросом крестьянскую глотку...

.

Ну, конец! Мы в последнем покое.
Все, что мог, показал тебе я
(Не задев никого за живое), —
Что же скажешь ты, Муза моя?
Ничего. Клуб изрядно устроен,
Но в нем мало здоровых голов.
Здесь один только мудр и спокоен:
Это дедушка медный — Крылов.
Не холодным глядит истуканом,
Он лукавым сатиром глядит.
Игрокам, честолюбцам, дворянам
Он улыбкой своей говорит...

.

〈ИЗ «ПЕСЕН О СВОБОДНОМ СЛОВЕ»〉

III

ЖУРНАЛИСТ-РУКОВОДИТЕЛЬ

Ну... небесам благодаренье!
 Свершен великий, трудный шаг!
 Теперь общественное мнение
 Сожму я крепко в мой кулак,
 За мной пойдут, со мной сольются...
 Ни слова о врагах моих!
 Ни слова! Сами попадутся!
 Ретивость их — погубит их!

IV

ЖУРНАЛИСТ-РУТИНЕР

Созрела мысль, проект составлен,
 И вот он вышел, — я погиб!
 Я разорен и обесславлен!
 Дух века и меня подшиб!
 Условия прессы подцензурной
 Поняв практическим умом,
 Плохой товар литературный
 Умел я продавать лицом;
 Провидя смелые затеи,
 Читатель упивался властью,
 И дерзновенные идеи
 Во мне подозревала власть.
 Как я умел казаться новым,
 Являясь тот же каждый день,
 Твердя с унынием суровым
 Одну и ту же дребедень!
 Как я почтенных либералов,
 Моих подписчиков, пленял,
 Каких высоких идеалов
 Я перспективы им казал!
 Я, впрочем, говорил немного,

Я только говорил: «Друзья!
Всегда останусь верен строго...»
Чему? Тут точки ставил я...
О точки! тонкие намеки!
О недомолвки и тире!
Умней казались с вами строки!
Как не жалеть о той поре?..
Прилично сдержан, строго важен,
Как бы невольно молчалив,
Я был бездействуя отважен,
Безмолвствуя — красноречив!
Являлся я живой картиной —
Гляди, любуйся, изучай!
Реке, запруженной плотиной,
Готовой хлынуть через край,
Готовой бешеным потоком
Сорвать мосты, разбить суда,—
В моем бездействии жестоком
Я был подобен, господа!

Теперь — как быть?.. «Толковой строчки
В твоём издании,— скажут, — нет!»
В ответ бы им поставить точки,
Но точки — будут ли ответ?
Заговорят: «Давай идею!»
Но что ж могу ответить им?
Одну идею я имею,
Что все идеи эти — дым!
Что в свете деньги только важны,
Что надо их копить, копить...
Что те лишь люди не продажны,
Которых некому купить!

Созрела мысль, проект составлен
И вот он вышел,— я погиб!
Я разорен, я обесславлен...
Дух века и меня подшиб!
Еще не может быть исчислен
Убыток, но грозит беда,
Я больше не глубокомыслен,
Не радикал я, господа!
Не корифей литературы,

Теперь я жалкий паразит,
С уничтожением цензуры
Мгновенно рухнул мой кредит.

1 8 7 2

КУЗНЕЦ

(Памяти Н. А. Милютина)

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спал.
Лишь не остыло б железо горячее,
Ты без оглядки ковал.

В чем погрешу и чего не доделаю,
Думал, — исправят потом.
Грубо ковал ты, но руку умелую
Видно доныне во всем.

С кем ты делился душевною повестью,
Тот тебя знает один.
Спи безмятежно, с покойною совестью,
Честный кузнец-гражданин!

1 8 7 4

НА ПОКОСЕ

Сын с отцом косили в поле,
Дед траву сушил.
«Десять лет, как вы на воле,
Что же, братцы, хорошо ли?» —
Я у них спросил.

«Заживили поясницы», —
Отвечал отец.

«Кабы больше нам землицы, —
Молвил молодец: —

За царя бы я прилежно
Господа молил». —
«Неужно, да улежно»¹, —
Дедушка решил...

〈ИЗ ПОЭМЫ «УНЫНИЕ»〉

...Но первые шаги не в нашей власти.
Отец мой был охотник и игрок —
И от него в наследство эти страсти
Я получил, — они пошли мне впрок.

Не зол, но крут, детей в суровой школе
Держал старик, растил, как дикарей.
Мы жили с ним в лесу да в чистом поле,
Травя волков, стреляя глухарей.

В пятнадцать лет я был вполне воспитан,
Как требовал отцовский идеал:
Рука тверда, глаз верен, дух испытан, —
Но грамоту весьма нетвердо знал.

И я таким остался до седин
(Мне грамота далась потом однако),
Мой лучший друг — лягавая собака,
Да острый нож, да меткий карабин...

1 8 7 6

* * *

Не за Якова Ростовцева
Ты молись, не за Милютину,
... Ты молись
Обо всех в казематах сгноенных,
О солдатах в полках засеченных,
О повешенных ты молись...

¹ Пословица (Ярославской губернии), которую можно истолковать так: не сытно, да покойно. (Прим. Н. А. Некрасова.)

ПЕСНЯ

Всюду с музой проникающий,
В дом заброшенный, пустой
Я попал. Как зверь рыкающий,
Кто-то пел там за стеной:

Сборщик, надсмотрщик, подрядчик,
.
Я подлецам не потатчик:
Выпить — так выпью один.

Следственный пристав и сдатчик!..
Феденька, откупа сын!..
Я подлецам не потатчик.
Выпить — так выпью один.

Прасол, помещик, закладчик!..
Ф<уксы> — родитель и сын!..
Я подлецам не потатчик —
Выпить — так выпью один!..

С ними не пить, не дружить!..
С ними честной гражданин
Должен бороться и биться!..
Выпить, так выпью один!..

Или негоден я к бою?
Сбился я с толку с собой:
Горе мое от запоя,
Или от горя запой?

* * *

Угомонись, моя муза зазорная,
Сил нет работать тебе.
Родина милая, Русь святая, просторная,
Вновь <заплатила> судьбе...

Похорони меня с честью, разбитого
Недугом тяжким и злым.
Моего века, тревожно прожитого,
Словом не вспомни лихим.

Верь, что во мне необъятно безмерная
Крылась к народу любовь,
И что застынет во мне теперь верная,
Чистая, русская кровь.

Много, я знаю, найдется радетелей,
Все обо мне прокричат,
Жаль только, мало таких благодетелей,
Что погрустят да смолчат.

Много истратят задора горячего
Все над могилой моей.
Родина милая, сына лежащего
Благослови, а не бей!..

.
Как человека забудь меня частного,
Но как поэта — суди...

И не боюсь я суда того строгого.
Чист пред тобою я, мать.
В том лишь виновен, что многого, многого
Здесь мне не дали сказать....

— — Н У

Человек лишь в одиночку
Зол — ошибки не простит,
Мир — не всяко лько в строчку —
Благодушно говорит.
Вновь придет к тебе отвага
С ложью, злобой бой вести...
Лишь умышленного шага
По неправому пути
Бойся!.. Гордо поднятая
Вдруг поникнет голова,
Станет речь твоя прямая
Боязлива и мертва.

Сгибнут смелость и решительность,
Овладеет сердцем мнительность,
И покинет, наконец,
Даже вера в снисходительность
Человеческих сердец!..

1 8 7 7

Т<У Р Г Е Н Е>В У

Мы вышли вместе... Наобум
Я шел во мраке ночи,
А ты... уж светел был твой ум,
И зорки были очи.

Ты знал, что ночь, глухая ночь
Всю нашу жизнь продлится,
И не ушел ты с поля прочь,
И стал ты честно биться.

В великом сердце ты носил
Великую заботу,
Ты, как поденщик, выходил
До солнца на работу.

Во лжи дремать ты не давал,
Клеймя и проклиная,
И маску дерзостно срывал
С глупца и негодая.

И что же? луч едва блеснул
Сомнительного света,
Молва гласит, что ты задул
Свой факел... ждешь рассвета.

Наивно стал ты охранять
Спокойствие невежды —
И начал сам в душе питать
Какие-то надежды.

На пылкость юношей ворча,
Ты глохнешь год от года
И к свисту буйного бича,
И к ропоту народа.

Щадишь ты важного глупца,
Безвредного ласкаешь
И на идущих до конца
Походы замышляешь.

Кому назначено орлом
Парить над русским миром,
Быть русских юношей вождем
И русских дев кумиром,

Кто не робел в огонь идти
За страждущего брата,
Тому с тернистого пути
Покамест нет возврата.

Непримиримый враг цепей
И верный друг народа,
До дна святую чашу пей,
На дне ее — свобода!

* * *

Имени и роду
Богу не скажу.
Надо — воеводу
Словом ублажу.

«Кто ты?» — Я-то? Житель! —
Опустил кулак:
«Кто ты?» — Сочинитель! —
«Подлинно что так».

Меткое, как пуля,
Слово под конец:
«Кто ты?» — Бородуля! ¹ —
Прыснул: «Молодец!»

¹ Бородуля — баба с бородой. (Прим. Н. А. Некрасова.)

Я — давай бог ноги...
«С богом! ничего!
Наберем в остроге
Помнящих родство».

Третий год на воле,
Третий год в пути.
Сбился в снежном поле —
Некуда идти!

Ночи дольше-дольше,
Незаметно дней;
Снегу больше-больше,
Не видать людей, —

Степью рыщут волки,
С голоду легки,
Стонут, как на Волге
Летом бурлаки.

* * *

Пускай чуть слышен голос твой,
Не громки темы песнопенья;
Но ты воспрянешь за чертой
Неотразимого забвенья!

ЗАТВОРНИЦА

Сон

I

Я посетил заброшенный наш сад;
Он все темней, прохладней с каждым годом,
В нем семь ключей сверкают и гремят,
Вершины лип таинственно шумят.
Я их люблю: под их зеленым сводом
Тиха, как ночь, и легкая, как тень,
Ты, мать моя, бродила каждый день.

II

Я был тогда ребенком; долго, долго
Не думал я, родная, ни о чем;
Не ты, не сад — меня манила Волга,
Я с кручи там катался кубарем.
И лишь зимой, в морозы и метели,
Я помню, мы безвыходно сидели
Сам-друг с тобой в разрушенном дому.
(Угрюмый дом, похожий на тюрьму.)

III

Я проклинал докучные морозы,
Я проклинал томительные дни,
А ты лила неведомые слезы —
Я лишь позднее узнал, о чем они.
Плачь, громко плачь!.. Хоть словом укоризны
Бессменный гнет страданья разреши,
Изгнанница, лишенная отчизны!
Затворница, забытая в глуши!

IV

В другом краю, не менее несчастном,
Но менее суровом, рождена,
На севере угрюмом и ненастном
В осьмнадцать лет уж ты была одна.
Тот разлюбил, кому судьбу вручила,
С кем в чуждый край доверчиво пошла,
Уж он не твой, — но ты не разлюбила,
Ты разлюбить до гроба не могла...

V

Зовет семья: «Твоей ли вынести груди
Суровый гнет неволи и зимы,
Где заодно с природой стонут люди?
Вернись скорей — давно простили мы».
Грозит отец: «На горе ты бежала!
Припомнишь нас...» Ты гордо замолчала,
И у тебя — ни друга с той поры,
Ни родины, ни брата, ни сестры.

VI

А новый край? Ты, чистая, святая,
Ты, кроткая, с мечтательным умом,
О, что кругом ты видела, родная...
Я помню ночь... Казалось, грянул гром...
Играла ты и пела гимн печальный.
Ту песню, вопль души многострадальной,
Твой первенец наследовал потом.

VII

«Несчастлива я, обманутая другом,
Но пред тобой, о женщина-раба!
Перед рабом, согнувшимся над плугом,
Моя судьба — завидная судьба.
Несчастлива ты, о родина! я знаю —
Весь край в плену, весь трепетом объят,
Но край, где я люблю и умираю,
Тот бедный край — несчастней во сто крат».

VIII

Так пела ты, так плакала, родная,
В своей тюрьме, судьбе не уступая,
Чужим скорбям бессильная помочь,
А над тобой уже висела ночь.
И ничего судьба не уступила —
Ты палача покорством не смягчила,
Ты в сыновьях опоры и друзей
Не дождалась... Мир памяти твоей!

Эпилог

Ты умерла — тюрьма освободилась,
И снилось мне — я поселился в ней.
В груди моей чуть слышно сердце билось,
Я разомкнуть не в силах был очей,
Но ум кипел: с неведомою силой
И не вотще я звал твой образ милый:

Незримо ты витаешь надо мной
И мне поешь с любовью несказанной:
«То не тюрьма, а рай обетованный —
Забвение, желанное тобой».

* * *

Так запой, о поэт! чтобы всем матерям
На Руси на святой, по глухим деревням,
Было слышно, что враг сокрушен, полонен,
А твой сын — невредим — и победа за ним,
«Не велит унывать, посылает поклон».

* * *

Устал я, устал я... мне время уснуть!
О Русь! ты несчастна, я знаю;
Но все ж, озирая мой пройденный путь,
Я к лучшему шаг замечаю.

* * *

Скоро — приметы мои хороши! —
Скоро покину обитель печали:
Вечные спутники русской души —
Ненависть, страх — замолчали.

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

* * *

Если ты красоте поклоняешься —
Снег и зиму люби. Красоту
Называют недаром холодной.
Погляди ты коней на мосту,
Полюбуйся Дворцовой площадью

При сиянии солнца зимой:
На колонне из белого мрамора
Черный ангел с простертой рукой —
Не картина ли?

* * *

Белый день недолог,
Вечера длинней.
Крики перепелок
Реже и грустней.
Осень невидимкой
На землю сошла,
Сизо-серой дымкой
Небо облекла.
Солнце с утра канет
В тучи, как в нору.
Если и проглянет
Смотришь: не к добру!
Словно как стыдливым
Золотым лучом
Пробежит по нивам,
Глядь: перед дождем!
Побежал проворно
Оживленный ключ
И ворчит задорно:
«Как-де я могуч!»
Весь день ветер дует,
По ночам дожди;
Пес работу чует:
Дупельшнепов жди.

П Р И М Е Т Ы

Видно, вновь в какой нелепости
Молодежь уличена, —
На квартиры подле крепости
Поднимается цена.

Каждый день старушки бледные
Наезжают в гости к нам

И берут лачужки бедные
По неслыханным ценам.

Оживает наша тихая
Палестина,— к рождеству
Разоденусь, как купчиха, я
И копейку наживу.

ЧТО НОВОГО?

Администрация — берет
И очень скупно выпускает,
Плутократия — дерет
И ничего не возвращает.
По приглашению властей
Дворяне ловят демагогов;
Крестьяне от земли, кормилицы своей,
Бегут, под бременем налогов,
И пропиваются вконец по кабакам,
И пьяным по колено море...
Да будет стыдно нам! да будет стыдно нам
За их невежество и горе!..

К ПОРТРЕТУ* * *

Развенчан нами сей кумир
С его бездейственной, фразистой любовью,
Умны мы стали: верит мир
Лишь доблести, запечатленной кровью.

К ПОРТРЕТУ**

Твои права на славу очень хрупки,
И если вычесть из заслуг
Ошибки юности и поздних лет уступки
Пиши пропало, милый друг.

* * *

За желанье свободы народу
Потеряем мы сами свободу,
За святое стремленье к добру —
Нам в тюрьме отведут конуру.

* * *

Но, любя, свое сердце готовь
Выносить непрестанные грозы.
В нашем мире, дитя, где любовь,
Там и слезы.

Э П И Т А Ф И Я

Зимой играл в картишки
В уездном городишке,
А летом жил на воле,
Травил зайчишек груды
И умер пьяный в поле
От водки и простуды.

* * *

Спрашивал я у людей,
В жизни в природе отчизны моей,
В книгах холодных,
В столах народных —
Тщетно искал я ответа...

<1>

И будем жить мы просто, пошло даже,
Забывая о спокойствии своем
И благе ближних. Что ты улыбнулась?
С тобой я должен прямо говорить,
И благо ближних на устах моих не фраза,
Не понимаю жизни я другой...

Поверхностная, глупая насмешка,
 К которой так наклонно наше племя,
 Бич чувству в юном сердце. И над чем
 Смеемся мы. Обыкновенной темой
 Насмешек наших: всякая черта
 В характере, которая выходит
 Из уровня обычного. Попробуй
 На улице покинуть экипаж,
 В котором ты, здоровый, ехал праздно,
 И предложить его хромоте. Не смешно ли?
 Скажи довольному собой глупцу,
 Что он глупец, — смешно и даже глупо!
 Однажды я припрягся к водовозу,
 Который на бугор свои салазки
 С двумя бочонками воды по скользкой,
 Подмерзшей мостовой втащить не мог.
 Приятели доныне помнят это
 И не дают проходу: филантроп!
 Попробуй предпочесть пирушке пошлой
 С гетерами, с шампанским и игрой
 Беседу с кроткой матерью-старушкой —
 Да разболтай об этом: гадко станет,
 Ужасно даже, если только вникнуть,
 Каким согласным, диким гоготаньем
 Ты встречен будешь... Глупо наше племя!
 Безумное, неверящее племя
 Умело превратить в предмет насмешки
 И состраданье к ближнему. Не раз
 Ты слышала и часто будешь слышать
 Презрительные речи: «Вот охота
 Возиться век с унылой нищетой.
 Вступаться за бесправных и бездольных!
 Всем бедным не поможешь, всех больных
 Не вылечишь, давно уж доказали
 И опыт и наука, что напрасны
 Все частные усилия. Это пошлость,
 Придуманый конек, чтоб отличиться—
 Но, право, он придуман неудачно.
 Старо, бесплодно, неоригинально
 И хлопотливо». — Что же хорошо,
 Что ново? праздное убийство жизни

В тщеславии, распутстве, пустоте?
Им предаваться люди не стыдятся,
Так не стыдись идти и ты по пошлой,
Как говорят, избитой, но, по правде,
Едва, едва проложенной дороге
Добра...

⟨3⟩

И тихой женщины какой-то
Задумчивое, милое лицо
В такие дни обыкновенно
Передо мной является.
— Но где же ты, желанная душою,
Ты, тихая, ты, добрая моя!
Без ласки сердце глохнет.

* * *

Так умереть? ты мне сказала.
Я отвечал надменно: да!
Не знал я той, что мне внимала,
Не знал души твоей тогда.

* * *

Весь пыткой нравственной изматый,
Уже опять с своим пером,
Как землекоп с своей лопатой
Перед мучительным трудом, —
Он снова музу призывает.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

1864

Железная дорога	7
Памяти Добролюбова	12
Притча о Ермолае трулящемся.	14
Возвращение	15
Начало поэмы	16

1865

О погоде. Часть вторая

I. Крещенские морозы.	18
II. Кому холодно, кому жарко!	22
Газетная	27
Песни о свободном слове	
I. Рассыльный	36
II. Наборщики	37
III. Поэт	41
IV. Литераторы	41
V. Фельетонная букашка	42
VI. Публика	43
VII. Осторожность	48
VIII. Пропала книга!	51

1866

Балет	53
«Ликует враг, молчит в недоуменье...»	64
Песни.	65
I. «У людей-то в дому — чистота, лепота...»	65
II. Катерина	66
III. Молодые	67
IV. Сват и жених	67
V. Гимн	69

1867

«Умру я скоро. Жалкое наследство...»	70
Еще тройка	72
Сцены из лирической комедии «Медвежья охота»	74
Песня («Отпусти меня, родная...»)	91
Песня о труде	93
Человек сороковых годов	95
Стихотворения, посвященные русским детям	
I. Дядюшка Яков	96
II. Пчелы	99
III. Генерал Топтыгин	100
«Зачем меня на части рвете »	104
Выбор	106
Суд	109
Эй, Иван!	120
С работы	124

1868

Магь	125
«Не рыдай так безумно над ним...»	126
«Душно! без счастья и воли...»	127
Дома — лучше!	128
«Наконец не горит уже лес..»	129

1870

Дедушка	130
Стихотворения, посвященные русским детям	
I. Дедушка Мазай и зайцы	143
II. Соловьи	147

1871

Недавнее время	150
--------------------------	-----

1871—1872

Русские женщины	
Княгиня Трубецкая	170
Княгиня М. Н. Волконская	195

1873

Детство	234
Накануне светлого праздника	238
Три элегии	
I. «Ах! что изгнание, заточенье!..»	242
II. «Бьется сердце беспокойное...»	243
III. «Разбиты все привязанности, разум..»	244

1874

Утро	245
Над чем мы смеемся...	247
Путешественник	249
Ночлеги	
I. На постоялом дворе	251
II. На погорелом месте	254
III. У Трофима	256
Уныние	259
Страшный год	265
«Смолкли честные, доблестно павшие...»	267
Отъезжающему	268
Н. Г. Чернышевский	269
Горе старого Наума	270
Элегия («Пускай нам говорит изменчивая мода...»)	280
Поэту («Где вы — певцы любви, свободы, мира...») . . .	282

1875

М. Е. Салтыкову	283
---------------------------	-----

1876

Как празднуют трусу	284
Вступление к песням 1876—1877 годов	286
Сеятелям	288
Молебен	289
Друзьям	290
Музе («О муза! наша песня спета...»)	291
Зине («Ты еще на жизнь имеешь право...»)	292
«Скоро стану добычею тленья...»	293
Зине («Двести уж дней...»)	294

1877

Приговор	295
«Дни идут... все так же воздух душен...»	296
«Есть и Руси чем гордиться...»	297
«Вам, мой дар ценившим и любившим...»	298
Поэту («Любовь и Труд — под горами развалин!»)	299
Горящие письма	300
Из поэмы «Мать»	301
Зине («Пододвинь перо, бумагу, книги!»)	310
Баюшки-баю («Непобедимое страданье...»)	311
«Черный день! как нищий просит хлеба...»	313
«Великое чувство! у каждых дверей...»	314
Отрывок («...Я сбросила мертвящие оковы...»)	315
Старость	316
Ты не забыта	317
Осень	318
Сон	319
«О Муза! я у двери гроба!»	320

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

Бунт	321
Молодые лошади	322
Праздному юноше	323
Муж и жена	324
Подражание Шиллеру	
I. Сущность	326
II. Форма	326

Юмористические стихотворения

1842—1845

Говорун. <i>Записки петербургского жителя А. Ф. Белопяткина</i>	327
---	-----

1844

Чиновник.	348
Отрывок («Родился я в губернии...»).	354

1845

«Стишки! стишки! давно ль и я был гений?»	356
Новости	358

1851

Мое разочарование	364
Деловой разговор	367
Новый год	377

1853

Перед зеркалом	379
--------------------------	-----

1854

Признания труженика	380
-------------------------------	-----

1859

Дружеская переписка Москвы с Петербургом	
1. Московское стихотворение	383
2. Петербургское послание	384

1860

Первый шаг в Европу	387
Литературная травля, или «Не в свои сани не садись»	389

1863

Из автобиографии генерал-лейтенанта Федора Илларионо- вича Рудометова 2-го, уволенного в числе прочих в 1857 году	391
Песня об «Аргусе»	393

1865

«Явно родственны с землей...»	398
---	-----

1867

Притча о «Киселе»	399
-----------------------------	-----

Стихотворения, не включенные автором в собрание его сочинений

1842

Песнь Марии	405
Портреты	405

1844

И скучно, и грустно!	409
--------------------------------	-----

1845

Старушке	409
«— Так, служба! сам ты в той войне..»	410

1848

«Когда горит в твоей крови...»	411
--	-----

1852

Старики	411
-------------------	-----

1854

«Пробил час!.. Не скажу, чтоб с охотой..»	412
Карета.	413
«Зачем насмешливо ревнуешь...»	413
14 июня 1854 года	415

1855

Русскому писателю.	415
Письма.	416

1856

Прощанье.	416
«Ты меня отослала далеко...»	417
«Не знаю, как созданы люди другие...»	417
«Не гордись, что в цветущие лета...»	418
«Семьдесят лет бессознательно жил...»	418
«Кто долго так способен был...»	418
«Фантазии недремлющей моей...»	418
«И на меня, угрюмого, больного...»	419
«О, пошлость и рутина — два гиганта...»	419
«О сердце бедное мое!..»	419
«Еще скончался честный человек...»	419

1857

〈Из поэмы «Тишина»〉	420
«Всевышней волею Зевеса...».	421

1860

Финансовые соображения	422
Мысли журналиста при чтении программы, обещающей не щадить литературных авторитетов	425
Папаша	426

1863

Вступительное слово «Свистка» к читателям	431
Мое желание	435
〈Эпилог поэмы «Мороз, Красный нос»〉	436

1865

〈Чернильница〉	437
〈Из сатиры «Недавнее время»〉.	438

1866

〈Из «Песен о свободном слове»〉	
III. Журналист-руководитель	440
IV. Журналист-рутинер	440

1872

Кузнец	442
------------------	-----

1874

На покосе	442
〈Из поэмы «Уныние»〉	443

«Не за Якова Ростовцева...»	443
Песня («Всюду с музой проникающий...»)	444
«Угомонись, моя муза задорная...»	444
— — ну	445

Т<ургене>ву («Мы вышли вместе... Наобум...»)	446
«Имени и роду...»	447
«Пускай чуть слышен голос твой...»	448
Затворница	448
«Так запой, о поэт! чтобы всем матерям...»	451
«Устал я, устал я... мне время уснуть!»	451
«Скоро — приметы мои хороши!..»	451

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

«Если ты красоте поклоняешься...»	451
«Белый день недолог...»	452
Приметы	452
Что нового?	453
К портрету*** («Развенчан нами сей кумир...»)	453
К портрету** («Твои права на славу очень хрупки...»)	453
«За желанье свободы народу...»	454
«Но, любя, свое сердце готовь...»	454
Эпитафия («Зимой играл в картишки..»)	454
«Спрашивал я у людей...»	454
<1> «И будем жить мы просто, пошло даже. »	454
<2> «Поверхностная, глупая насмешка...»	455
<3> «И тихой женщины какой-то...»	456
«Так умереть? ты мне сказала...»	456
«Весь пыткой нравственной измятый...»	456

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
НЕКРАСОВ

Сочинения, т. 2

Редактор *В. Волина*
Худож. редактор *И. Жихарев*
Технич. редактор *Г. Каунина*
Корректор *К. Полетика*

Подписано к печати с матриц 29/VII 1959 г.
Бумага 60 × 92¹/₁₆—29 печ. л. 21,1 уч. изд. л.
Тираж 275 000 (150 001—275 000)
Заказ № 3370. Цена 7 руб.

Гослитиздат
Москва, Б 66, Ново-Басманная, 19.

Первая Образцовая-типография
имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

7p.